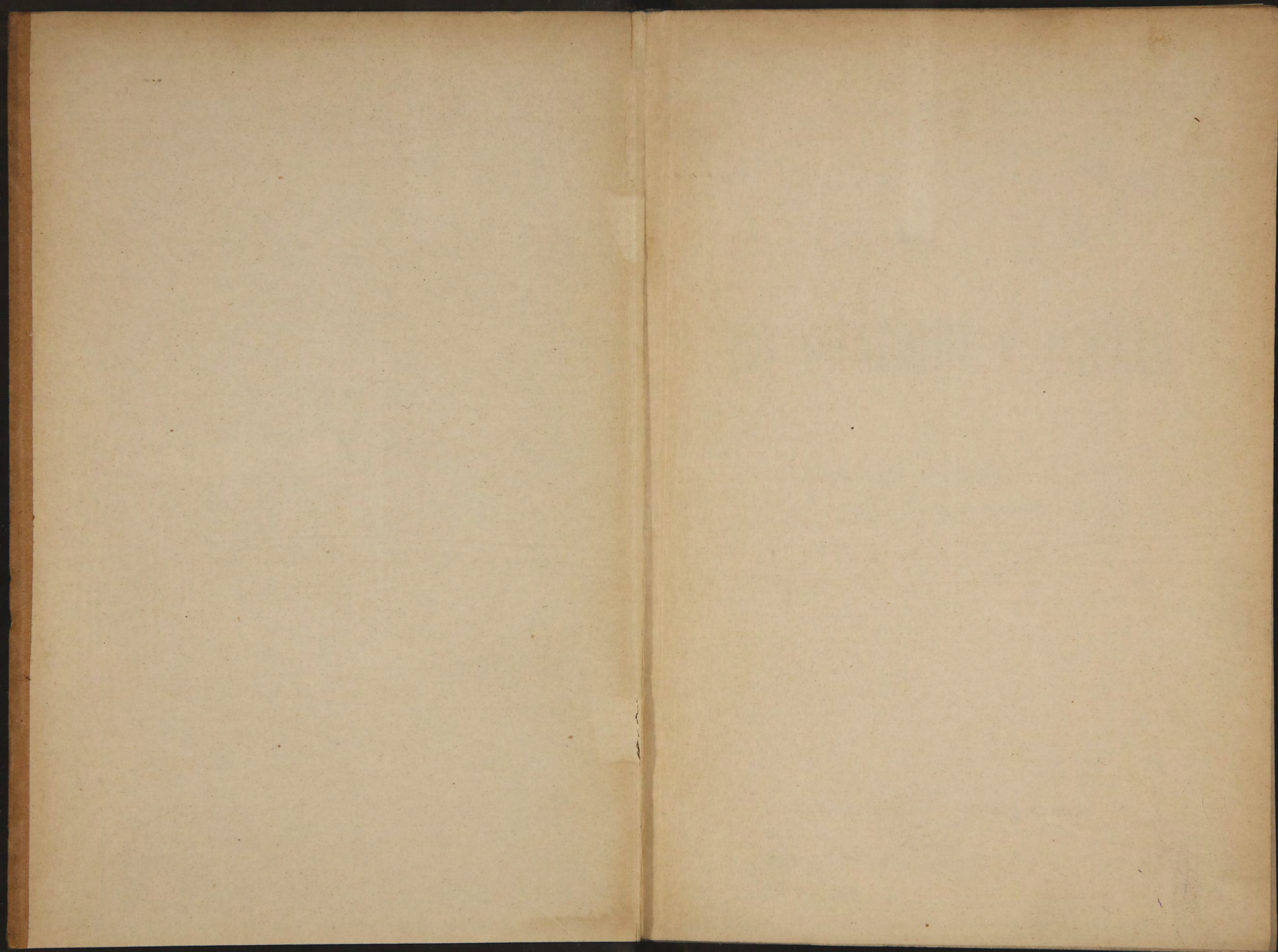
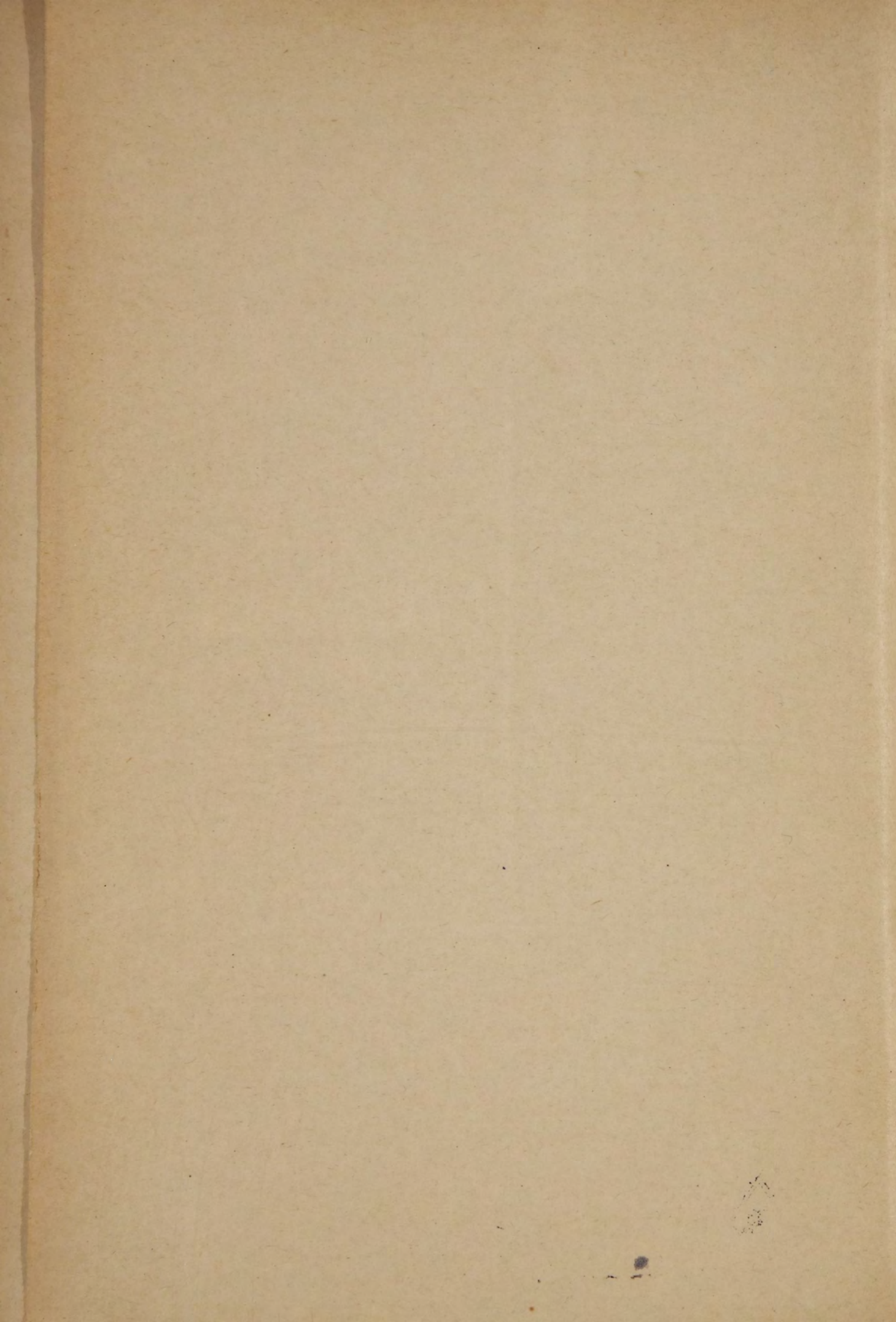


14562.

14562.





14562

ДМИТРІЙ ДРИЛЬ,



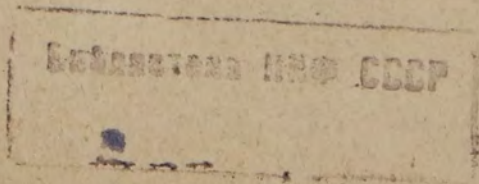
~~17388.~~

ССЫЛКА ВО ФРАНЦІИ И РОССІИ.

(Изъ личныхъ наблюденій во время поѣздки въ Новую Каледонію,
на о. Сахалинъ, въ Приамурскій край и Сибирь).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1899.



1

14388

78922



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Соединяя съ нѣкоторыми измѣненіями въ одно общее цѣлое свои статьи о ссылкѣ, напечатанныя въ повременныхъ изданіяхъ въ 1896, 1897 и 1898 г.г., авторъ полагалъ, что такое объединеніе будетъ не бесполезно и представить интересъ. Оно изобразитъ въ одной общей картинѣ ссылку во Франціи и въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи и тѣмъ облегчитъ для самого читателя возможность поучительныхъ сопоставленій, сравненій и болѣе обоснованныхъ заключеній о цѣлесообразности современной ссылки.

Будучи еще на студенческой скамьѣ, авторъ и самъ не былъ противникомъ этой мѣры репрессіи, а скорѣе склонялся въ ея сторону. Но въ то время ссылка представлялась ему только отвлеченно-теоретически или, правильнѣе, мыслилась съ исключеніемъ многихъ существующихъ факторовъ. Она представлялась тогда въ своемъ какъ бы чистомъ видѣ, въ какомъ она можетъ быть воспроизведена въ представленіи, предполагая иныя, *желательныя условія ея осуществленія*, въ дѣйствительности не существующія. Но государство и его уголовная политика имѣютъ и могутъ имѣть дѣло не съ такою ссылкой, а съ ссылкой дѣйствительною, *выработавшеюся преемственно, исторически, при данныхъ условіяхъ времени, мѣста, общественнаго развитія и качествъ возможныхъ дѣятелей.*

Имѣя же дѣло съ такою ссылкой, во всей совокупности ея реальныхъ, а не мыслимыхъ только условій, авторъ, несмотря на все свое горячее сочувствіе дѣлу спасенія, такъ называемыхъ, „несчастненькихъ“, не могъ не прійти къ заключенію о непригодности ссылки, какъ реальной мѣры репрессіи. Авторитетъ фактовъ, и притомъ на пространствѣ долгихъ лѣтъ опыта, слишкомъ подавляющъ. Правда, французскіе защитники ссылки утверждаютъ, что ея недостатки ничего не говорятъ противъ ея принципа, т. е. въ сущности противъ той теоретически представляемой ссылки, о которой упоминалось выше, и что если до сихъ поръ ссылка и не приводила къ удовлетворительнымъ результатамъ, то причина этого кроется въ ошибкахъ, допущенныхъ въ ея примѣненіи. Но гдѣ же—спрошу я—тѣ силы, которыя, при наличности всѣхъ дан-

ныхъ условій мѣста, времени и проч., могутъ и будутъ примѣнять ссылку во всемъ ея объемѣ безъ ошибокъ или, по крайней мѣрѣ, безъ тѣхъ ошибокъ, которыя до сихъ поръ дѣлали ее рѣшительно несостоятельной и о которыхъ говорятъ французы, восхваляя ссылку въ ея принципѣ? Гдѣ тѣ силы, которыя могутъ создать, но не въ представленіи только, а въ дѣйствительности, иную болѣе совершенную ссылку, которыя справятся съ этимъ „колосомъ на глиняныхъ ногахъ“, по выраженію г. Сипягина, и установятъ на мѣстахъ инныя отношенія къ заурядовой ссылкѣ и сдѣлаютъ изъ изжитыхъ ссыльныхъ полезныхъ колонизаторовъ? У насъ и во Франціи смѣнялись дѣятели ссылки, смѣнялись и системы ихъ дѣятельности, а заурядовая ссылка тутъ и тамъ все продолжала оставаться неудовлетворительной; скажу болѣе—язвою тѣхъ мѣстностей, гдѣ она примѣнялась. Не ясно ли, что при наличности всѣхъ данныхъ общественныхъ условій, которыя во всякомъ случаѣ скоро не измѣняются, „принципъ правильной ссылки“, по выраженію французовъ, съ присущей ей концентраціей взаимно вліяющихъ развращенныхъ и въ значительной части изжитыхъ элементовъ, неосуществимъ.

Не спорю и допускаю, что вмѣстѣ съ медленнымъ развитіемъ и распространеніемъ въ толщахъ общества, если можно такъ выразиться, правильныхъ научныхъ взглядовъ на весь строй общественныхъ отношеній и истинной культурности, и съ усиленіемъ ихъ направляющаго вліянія, которое теперь, къ сожалѣнію, до убожества слабо, можетъ измѣниться къ лучшему и примѣненіе ссылки, но во всякомъ случаѣ не заурядовой. Но тогда прилетятъ новыя птицы и запоютъ онѣ новыя пѣсни, которыя намъ теперь не по голосу и которыя, весьма вѣроятно, сдѣлаютъ излишними и такія суровыя мѣры, какъ ссылка.

Убѣжденъ, что съ широкимъ распространеніемъ правильныхъ взглядовъ и истинной культурности въ общественныхъ толщахъ весь міръ измѣнится и преобразится, но это уже отдаленная область гаданій и чаяній, а намъ, къ сожалѣнію, пока приходится имѣть дѣло только съ теперешней дѣйствительностью во всей ея цѣлостности, факты которой, объединенные изслѣдующею критическою мыслию, громко говорятъ противъ заурядовой ссылки всякому непредубѣжденному уму.

Д. Д.

Вопросъ о ссылкѣ на международныхъ пенитенціарныхъ конгрессахъ.

I.

Международные тюремные конгрессы второй эпохи *) остановились, между прочимъ, и на вопросѣ о ссылкѣ. Первый изъ нихъ — конгрессъ Лондонскій — отнесся къ этой формѣ уголовныхъ наказаній въ общемъ довольно отрицательно. Послѣдующій Стокгольмскій конгрессъ высказался еще рѣшительнѣе противъ ссылки. Въ резолюціи секціи, а также и общаго собранія высказывалась мысль, что ссылка представляетъ такія трудности въ своемъ осуществленіи, которыя исключаютъ возможность ея примѣненія во всѣхъ странахъ, а также исключаютъ и надежду, что она удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ истиннаго правосудія **).

*) Первый международный тюремный конгрессъ собрался во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1846 г., второй — въ Брюсселѣ въ 1847 г. и третій — снова во Франкфуртѣ въ 1857 г. Конгрессы эти собирались по частной инициативѣ и имѣли частный характеръ. Послѣ третьяго конгресса послѣдовалъ долгій перерывъ до 1872 г., когда, по инициативѣ правительства Соединенныхъ Штатовъ С. Америки, собрался конгрессъ въ Лондонѣ. Имъ начинается вторая эпоха конгрессовъ, которые существенно измѣняютъ свой характеръ: они устраиваются правительствами и при ближайшемъ участіи правительственныхъ делегатовъ.

**) Вотъ подлинный текстъ. „La peine de la transportation présente des difficultés qui ne permettent pas de l'adopter dans tous les pays, ni d'espérer qu'elle y réalise toutes les conditions d'une bonne justice“.

Бывшій помощникъ начальника главнаго тюремнаго управленія, В. Н. Коковцевъ, заявлялъ на конгрессѣ, что абсолютный неуспѣхъ нашей ссылки

На Римскомъ и Петербургскомъ конгрессахъ вопросъ о ссылкѣ не поднимался болѣе, но онъ былъ внесенъ, по инициативѣ французовъ, въ программу занятій конгресса Парижскаго.

Надо замѣтить, что чаянія французскаго законодателя, выразившіяся въ законѣ о ссылкѣ 1854 года, на практикѣ не осуществились и штрафная колонизація нѣкоторыхъ внѣ-европейскихъ владѣній Франціи рѣшительно не удалась. Свѣдѣнія о ссыльныхъ порядкахъ и получаемыхъ въ ссылкѣ результатахъ, распространяясь въ метрополіи, породили во Франціи многихъ рѣшительныхъ противниковъ ссылки, обратили на себя вниманіе правительства и ко времени Парижскаго конгресса вызвали различныя административныя мѣры къ ея упорядоченію. Въ выработкѣ послѣднихъ принималъ большое участіе проф. Leveillé, который и на конгрессѣ явился наиболѣе горячимъ и краснорѣчивымъ защитникомъ ссылки.

На конгрессѣ мнѣнія французскихъ его членовъ рѣзко раздѣлились. Большинство продолжало отстаивать ссылку, тогда какъ меньшинство высказывалось рѣшительно противъ нея. Въ докладахъ французскихъ ея сторонниковъ,—Petit и Babinet, въ сущности повторялись тѣ же самые доводы, которые высказывались и при выработкѣ закона 1854 г. Докладчики утверждали, что ссылка, въ качествѣ карательной мѣры, представляетъ всѣ достоинства вполне цѣлесообразнаго наказанія. Правильно организованная, она не только устрашаетъ, но и исправляетъ преступника. Онъ сравнительно легко находитъ себѣ мѣсто въ обществѣ новой для него страны и потому гораздо легче удерживается на пути честной жизни, нежели тюремный выпущенникъ въ метрополіи, котораго всѣ гонять прочь. Очищая и избавляя послѣднюю отъ ея зараженныхъ элементовъ, ссылка въ то же

зависитъ отъ самой сущности этой мѣры репрессіи, и что тотъ день, когда она будетъ уничтожена, онъ станетъ привѣтствовать, какъ начало новой эры пенитенціарной реформы въ Россіи.

время дает колоніи населеніе и необходимыя рабочія руки, чѣмъ и содѣйствуетъ ея росту и развитію.

Проф. Leveillé утверждалъ, что наблюдаемые на практикѣ недостатки ссылки ничего не говорятъ противъ ея принципа. Если до сихъ поръ ссылка и не приводила къ удовлетворительнымъ результатамъ, то причина этого кроется въ ошибкахъ, допущенныхъ въ ея примѣненіи. «Въ настоящее время положеніе, къ счастью, измѣнилось», говорилъ горячій защитникъ ссылки. «Въ проектѣ уголовного кодекса и въ цѣлой серіи административныхъ регламентовъ проведены важныя реформы», которыя и порождали въ немъ увѣренность въ полученіи въ ближайшемъ будущемъ вполне удовлетворительныхъ результатовъ. Въ подтвержденіе достоинствъ ссылки проф. Leveillé ссылался и на процентныя отношенія рецидива. Прежніе «bagnes», по его словамъ, давали 90⁰/₀ рецидива, тюрьмы даютъ 50⁰/₀, а ссылка — только 5⁰/₀.

Вопросъ о ссылкѣ какъ въ секціи, такъ и въ общемъ собраніи конгресса вызвалъ самыя оживленныя и даже страстныя пренія. Въ средѣ иностранныхъ делегатовъ и меньшинства французскихъ членовъ конгресса, съ извѣстнымъ сенаторомъ Béranger во главѣ, пропаганда ссылки не встрѣтила поддержки и сочувствія. Оффиціальныи делегатъ бельгійскаго правительства, главный инспекторъ тюремъ Prins, особенно подчеркивалъ непригодность къ правильной колонизаціи поселенцевъ-преступниковъ; оффиціальныи делегатъ Пруссіи, главный начальникъ тюремъ, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства юстиціи, Starke, заявлялъ, что хотя Германія въ настоящее время владѣетъ колоніями, но она предпочитаетъ заселять ихъ свободными переселенцами. Русскіе делегаты, основываясь на вѣковомъ русскомъ опытѣ, почти всѣ, исключая двухъ, также рѣшительно высказались противъ ссылки. Тѣмъ не менѣе французское большинство отстояло ее и вотировало заключеніе, которымъ ссылка признана полезной мѣрой репрессіи: 1) для тяжкихъ преступниковъ, осуждаемыхъ на долгіе сроки; 2) для преступниковъ профессиональных и, 3) для закоренѣлыхъ рецидивистовъ.

Таково было мнѣніе большинства конгресса. Теперь обратимся къ живой дѣйствительности, къ ея громко и краснорѣчиво говорящимъ фактамъ и у нихъ попросимъ отвѣта.

Въ 1896 г. мнѣ удалось посѣтить французскую ссылную колонію въ Новой Коледоніи, нашъ Сахалинъ, Приамурскій край и Сибирь. И ранѣе того я былъ довольно хорошо знакомъ со ссылкой по литературнымъ источникамъ, документамъ вообще и рассказамъ очевидцевъ. А тутъ нахлынули впечатлѣнія живой дѣйствительности, сопутствуемая, конечно, и рассказами людей мѣстныхъ. Изложенію этихъ личныхъ впечатлѣній и наблюденій я главнымъ образомъ и посвящу настоящую, книгу, удѣляя при этомъ въ ней мѣсто и свѣдѣніямъ заимствованнымъ. Но прежде, нежели говорить о настоящемъ ссылке, скажу нѣсколько словъ о ея прошломъ въ Россіи. Такое сопоставленіе дастъ намъ нѣкоторыя указанія на поучительную устойчивость въ явленіяхъ ссылки, указывающую, повидимому, и на устойчивость, дѣйствующихъ причинъ.

Прошлое ссылки въ Россіи.

II.

Постановленія о ссылкѣ въ работы и на поселеніе въ города и на землю появляются въ нашемъ законодательствѣ съ уложенія царя Алексѣя Михайловича. Начиная съ этого времени, ссылка въ работы и службы и на поселеніе все расширяется въ своемъ примѣненіи и постепенно пріобрѣтаетъ свое теперешнее значеніе.

Первоначально ссылка имѣетъ колонизаціонный характеръ. При Петрѣ Великомъ ея характеръ измѣняется. Преобразователь нуждается во множествѣ рабочихъ рукъ для осуществленія своихъ гигантскихъ плановъ и при немъ ссылные идутъ на гребныя суда, отправляются въ разные концы государства для постройки крѣпостей, гаваней, на соляныя варницы и проч.

Непосредственно послѣ Петра, съ прекращеніемъ кипучей дѣятельности, отмѣчавшей эпоху его преобразованій, ссылка снова направляется на колонизацію.

Въ послѣдующее время, подъ вліяніемъ постепенныхъ измѣненій въ экономическихъ и прочихъ условіяхъ общественно-государственной жизни, особенно подъ вліяніемъ развитія большихъ городскихъ центровъ, ссылка, на ряду съ значеніемъ средства колонизаціи, постепенно все болѣе приобрѣтаетъ значеніе средства перемѣщенія вредныхъ и опасныхъ общественныхъ элементовъ изъ центра и болѣе культурныхъ и населенныхъ мѣстностей на отдаленныя окраины, въ мѣста менѣе культурныя и малонаселенныя. Значеніе стока общественныхъ отбросовъ въ удаленный резервуаръ наша ссылка сохраняетъ и въ настоящее время.

Надо замѣтить, что въ Сибирь, вскорѣ же послѣ ея завоеванія, на ряду съ подневольной ссылкой и ранѣе ея, направилась и широкая волна свободнаго крестьянскаго переселенія, заключающая въ себѣ весьма много представителей раскола и вызывавшая иногда противъ себя ограничительныя мѣры со стороны правительства. Эта волна принесла съ собою много энергичныхъ и предприимчивыхъ характеровъ, крѣпко хранившихъ старыя традиціи; она дала Сибири много прочныхъ поселеній, внесла много основаній гражданственности и въ значительной мѣрѣ придала характеру населенія Сибири его своеобразныя черты.

Отличной представлялась въ общей своей массѣ волна подневольнаго вселенія, приносившая въ большемъ числѣ наиболѣе испорченные элементы населенія, мало склонные къ какому-либо труду и порядку, и тѣмъ болѣе къ труду упорному, какого требовала Сибирь того времени, начавшая переходить къ земледѣльческой промышленности въ половинѣ прошлаго столѣтія. Въ ссылку направлялись элементы, въ общемъ мало пригодные къ правильной и прочной колонизаціи. Дальняя пересылка, сопровождавшаяся тяжелыми лишеніями и всевозможными невзгодами, конечно, не могла обезвреживать, а только еще болѣе портила ихъ. Необъятныя

незаселенныя пространства, часто крайне дурныя и неудобныя мѣста для поселеній, на которыхъ не хотѣли осаживаться вольные поселенцы, тяжелый трудъ, недостатокъ женщинъ, а потому и домообзаводства, естественная тоска по родинѣ и привычнымъ условіямъ жизни, удобства укрываться и разбѣгаться въ разныя стороны—все это также не особенно благопріятствовало колонизаціи и предрасполагало мало склонныхъ и часто неспособныхъ къ труду ссыльныхъ къ бродяжеству, къ побѣгамъ въ родныя мѣста и къ болѣе легкимъ и привычнымъ заработкамъ, при посредствѣ преступленія. Правительство принимало самыя строгія мѣры противъ бѣглыхъ, но, несмотря на то, бродяжество и частые побѣги не прекращались.

Мѣстные представители власти, удаленные отъ бдительнаго надзора центральнаго правительства, имѣли полную возможность и нерѣдко дѣйствительно совершали весьма важныя злоупотребленія, но они были безсильны упорядочить ссылку и подчинить себѣ сплавивавшихся въ бродяжью общину и разбойничьи шайки ссыльныхъ, которымъ представлялось широкое поле для ихъ преступной дѣятельности.

Ссылка сопровождалась и другими карами: битьемъ батогами, рваньемъ ноздрей, клейменіемъ, выставками, тюремнымъ заключеніемъ и проч. Эти болѣе или менѣе мучительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ опозоривающія добавочныя наказанія, выполнявшіяся торжественно на виду у всѣхъ, въ значительной мѣрѣ вліяли на развитіе въ обществѣ упорнаго предубѣжденія не столько противъ злого дѣла, сколько противъ личности самого преступника, какъ человѣка, навсегда заклеяменнаго наказаніемъ, и—что хуже всего—порождали крайнее недовѣріе къ возможности его исправленія. Подъ ихъ вліяніемъ и сложились позорящія и презрительныя клички «храпъ-маіоровъ», «рваныхъ ноздрей», «острожниковъ» и проч., которыя въ теченіе долгаго времени, а иногда и до самой смерти преслѣдуютъ освобожденныхъ преступниковъ. Укорененію того же предубѣжденія и недовѣрія къ наказанному отчасти содѣйствовала и полная неудовлетворительность организаціи ссылки

во всѣхъ ея видахъ, а также и мѣстѣ заключенія которыя, по общему признанію, служили и продолжаютъ еще служить не мѣстами обезвреженія опасныхъ общественныхъ элементовъ, какъ бы слѣдовало, а школами порчи и развращенія.

Правительство неоднократно пыталось упорядочить ссылку и организовать поселенія ссыльныхъ, но всѣ эти дорого стоившія попытки, при которыхъ совершенно не принимались во вниманіе многочисленныя различія во всей предшествовавшей жизни, въ занятіяхъ, свойствахъ и наклонностяхъ караемыхъ, а также и особенности мѣстныхъ условій, окончились полной неудачей.

III.

Попытки упорядоченія ссылки имѣютъ свою довольно продолжительную исторію. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, съ цѣлью развитія хлѣбопашества, была сдѣлана окончившаяся полной неудачей попытка заселить Охотскъ. Столь же неудачны были попытки устройствъ поселеній на Ленѣ, Ангорѣ, Бухтырмѣ, Иртышѣ и др. рѣкахъ.

Въ 1761 году было предпринято проложеніе и заселеніе дороги черезъ Барабу. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ работы велись съ чрезвычайной настойчивостью, сопровождались большими жестокостями, оставившими въ памяти народной самыя тяжелыя воспоминанія о руководителѣ предпріятія.

Тысячи поселенцевъ падали жертвами изнурительныхъ работъ, жестокихъ наказаній и свирѣпствовавшихъ болѣзней; дорога была проложена, но «полученные результаты были ничтожны, въ сравненіи съ громадностью жертвъ».

Въ 1801 году, на основаніи указа 1799 г., была сдѣлана попытка колонизаціи Забайкалья въ широкихъ размѣрахъ. Но уже послѣ поселенія первыхъ 1454 чел. (всего было предположено поселить 10,000 чел.) до Правительствующаго Сената дошли свѣдѣнія, что «отъ небрежнаго исполненія предназначенныхъ мѣръ», происходитъ «гибель посылаемыхъ

туда людей». Колонизація была приістановлена и на мѣсто былъ командированъ для изслѣдованія Д. С. С. Лаба. Онъ открылъ крупнѣйшія злоупотребленія и обнаружилъ большія неправильности въ размѣщеніи колонистовъ и выборѣ земель для поселеній. Вскорѣ былъ изданъ новый законъ о казенныхъ поселеніяхъ и продолженіе устройства таковыхъ было поручено губернатору Трескину, который въ теченіе восьми лѣтъ, начиная съ 1807 г., устроилъ и населилъ колоніи. Трудъ въ этихъ колоніяхъ былъ сдѣланъ обязательнымъ, жизнь точно регламентирована и подчинена строгимъ правиламъ. Но ссыльные сохраняли свои особенности, приведшія ихъ въ ссылку; этапы и тюрьмы, лишенные всякой сколько-нибудь правильной организаціи, только развивали и усиливали эти особенности. И вотъ въ основанныхъ колоніяхъ очень скоро развилась полная деморализація: колонисты совершали многочисленные преступленія, особенно преступленія разбоя. Побѣги были также до крайности часты. Тогда обузданіе поселенцевъ поручили исправнику Лоскутову. Послѣдній въ мельчайшихъ подробностяхъ регламентировалъ хозяйственный и домашній бытъ поселенцевъ. Жесточайшими наказаніями и истязаніями онъ принуждалъ къ неотступному исполненію установленныхъ имъ правилъ, вполне терроризировалъ колоніи и тѣмъ достигалъ ихъ наружнаго временнаго успѣха. Такъ продолжалось до назначенія въ Сибирь Сперанскаго. Сперанскій отрѣшилъ отъ должностей и предалъ суду Трескина и Лоскутова, открывъ съ ихъ стороны большія злоупотребленія въ управленіи поселеніями, которыя служили для нихъ средствами наживы и расхищенія значительныхъ казенныхъ суммъ, отпускаявшихся на устройство колоній; послѣ того послѣднія постепенно запустѣли.

Сперанскій выработалъ и провелъ въ законодательномъ порядкѣ обширный и законченный планъ реформы и упорядоченія ссылки. Но и этотъ стройный планъ, достаточно не соображенный съ условіями мѣста, качествами исполнителей, размѣрами дѣйствительнаго притока ссыльных и, главное, со всѣми особенностями этихъ послѣднихъ, также оказался

неосуществимымъ на практикѣ. Казенные заводы и фабрики въ Сибири были дурно обставлены и, при значительномъ числѣ каторжныхъ, не могли давать работу еще и поселенцамъ, а сибирская администрація, особенно въ лицѣ низшихъ исполнителей, наклонныхъ къ злоупотребленіямъ и формальному отношенію къ дѣлу, оказалась неспособной сколько-нибудь правильно организовать ремесленные работы и цехъ слугъ.

Не болѣе удачной оказалась и новая попытка устройства казенныхъ поселеній, начатая въ 1829 г. и имѣвшая въ виду «чрезъ усредоточенный надзоръ и занятіе въ хлѣбопашествѣ удержатъ преступниковъ отъ праздности и побѣговъ». На устройство поселеній было отпущено до 500,000 руб.; было поселено 59523 муж. и 3835 жен. Но поселенцы, едва водворившись, побросали свои дома и «устремились къ бродяжеству и преступленіямъ». Деревни запустѣли, улицы заросли травой и красивыя строенія стали разваливаться.

Такъ неудачно закончились попытки правительства учредить казенныя поселенія ссыльных; изъ нихъ нѣкоторыя (напр. поселенія, устраивавшіяся западно-сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Гасфордомъ) превращались даже въ притоны воровства и разбоя *). Была еще сдѣлана попытка организовать изъ ссыльных рабочіи роты. Попытка эта также потерпѣла полную неудачу, такъ что пришлось признать, что казенныя поселенія ссыльных и принудительныя работы для нихъ должны быть отнесены къ числу неосуществившихся предначертаній **).

*) И до сихъ поръ, напр., въ Иркутской губерніи существуютъ деревни, заселенныя исключительно потомками штрафныхъ колонистовъ и представляющія собою воровскіе притоны. Съ представителями ихъ населенія мы еще встрѣтимся, когда будемъ приводить нѣкоторые факты изъ жизни Сибири.

**) А между тѣмъ нельзя не признать, что въ этихъ колоніяхъ было осуществлено многое изъ того, въ чемъ французскіе защитники ссылки видятъ средства къ ея упорядоченію.

Всѣ описанныя попытки были частичными и относились къ болѣе или менѣе обширнымъ группамъ ссыльныхъ, оставшая и значительно большая часть которыхъ предоставлялась собственнымъ силамъ и отдавалась на произволъ судьбы. Лаба въ 1802 г., а Сперанскій въ 1822 г. замѣчали въ своихъ отчетахъ, что «большинство ссыльныхъ блуждаетъ безъ всякаго дѣла и занятій въ Сибири». Послѣдующее время не принесло съ собою въ этомъ отношеніи какихъ-либо улучшеній.

Что касается до причинъ неудачи колоній ссыльныхъ, то нѣкоторые частные изслѣдователи (напр. Максимовъ) видятъ ихъ главнымъ образомъ въ нравственной порчѣ поселенцевъ и ихъ укоренившейся привычкѣ жить чужимъ трудомъ, а также и въ ихъ бѣдности и безпомощномъ положеніи. «Какое же понятіе о трудѣ», замѣчаетъ г. Максимовъ, «и какія средства къ полезному взаимодействию могли внести эти люди безъ правилъ, безпечные и лѣнивые до самыхъ крайнихъ предѣловъ возможности». Указываютъ и на огромное число поселенцевъ, которое чрезвычайно затрудняло учрежденіе изобрѣтеніемъ для нихъ какихъ-либо работъ, а также и на несоотвѣтственный подборъ поселенцевъ, преимущественно изъ каторжныхъ, отбывшихъ сроки заключенія и отучившихся въ тюрьмахъ вести трудовую жизнь, а частью и на неосмотрительное избраніе неблагопріятныхъ по климатическимъ условіямъ мѣстностей. Знатокъ сибирской жизни, Ядринцевъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Максимовъ винятъ и равнодушное и распущенное отношеніе къ ссыльнымъ со стороны тѣхъ людей, «которымъ они ввѣрены».

Косвеннымъ подтвержденіемъ приведенныхъ мнѣній о причинахъ неудачи устройства казенныхъ поселеній ссыльныхъ служитъ процвѣтаніе въ Сибири селеній, образовавшихся при иныхъ условіяхъ, а главное изъ иныхъ элементовъ—селеній различныхъ сектантовъ.

IV.

Не въ лучшемъ положеніи находился и высшій родъ нашихъ уголовныхъ наказаній—каторжныя работы. Эти работы издавна сосредоточились въ Сибири (преступниковъ стали ссылатъ въ сибирскіе рудники съ 1721 г.) и только въ послѣдніе годы онѣ стали сосредоточиваться и на островѣ Сахалинѣ. Преступниковъ посылали для эксплуатаціи рудниковъ и на работы на разнообразныхъ фабрикахъ и заводахъ, устраивавшихся или самимъ правительствомъ, или же частными лицами, которыя на тѣхъ или другихъ условіяхъ получали рабочія руки каторжныхъ.

Результаты ихъ труда въ большинствѣ случаевъ были неудовлетворительны. Несмотря на значительныя суммы, затраченныя правительствомъ на устройство разнообразныхъ промышленныхъ заведеній, прочныхъ и преуспѣвающихъ казенныхъ предпріятій въ Сибири не создалось. Фабрики и заводы работали въ ущербъ себѣ, что впослѣдствіи и привело къ ихъ уничтоженію. Причины неудачъ были различны. Одною изъ важнѣйшихъ несомнѣнно надо признать дурное управленіе и происшедшую отъ того дурную постановку дѣла. Злоупотребленія, совершавшіяся въ отдаленномъ краѣ, ускользавшемъ отъ сколько-нибудь бдительнаго надзора центральнаго правительства, были весьма значительны. Каторжные изнурялись тяжелыми работами, содержались очень плохо и питались въ проголодь, а дурныя тюремныя помѣщенія были причиною тяжелыхъ болѣзней, напр., скорбута. Ко всему этому часто присоединялось еще и жестокое, безчеловѣчное обращеніе съ арестантами со стороны тюремныхъ служителей и администраторовъ, подобныхъ дѣйствовавшему на Карѣ въ началѣ пятидесятихъ годовъ Разгильдѣеву, объ управленіи котораго, стихотворная «Быль» и до сихъ поръ хранитъ самое тяжелое воспоминаніе. Приведу здѣсь нѣкоторыя характерныя выдержки изъ этой «Были», рисующія

намъ каторжные порядки, имѣющіе нерѣдко мѣсто на отдаленныхъ окраинахъ и напоминающіе знаменитое новѣйшее, такъ называемое, Оморское дѣло на Сахалинѣ, о которомъ упоминается ниже.

«Быль» описываетъ работы на Карѣ и начинается тѣмъ, что «на Каринскихъ промыслахъ царствовалъ Иванъ, не Васильевичъ царь-Грозный», а «Разгильдѣевъ сынъ». «Въ наказаніе сего края его бросило съ Алтая, видно за грѣхи», — поетъ «Быль». «Но заглянемъ мы въ разрѣзы, гдѣ текли ручьями слезы въ мутную Кару», продолжаетъ она далѣе свой рассказъ. «Попадетъ сажень другая — одна галька лишь сплошная, а урокъ отдай. Не беретъ ни клинъ, ни молотъ, а къ тому-жъ всеобщій голодъ сдѣлалъ всѣхъ безъ силъ». «Вотъ была его (Разгильдѣева) ухватка: съ зарей каждой сверхъ десятка подчивалъ плетми». «Ну хоть паръ сейчасъ изъ тѣла, имъ какъ будто нѣту дѣла, если кто не дастъ. Сильно машины гремѣли, и толпы людей рѣдѣли, мерли наповалъ. Какъ работы работали, зарывать не успѣвали мертвые тѣла». Изъ слышаннаго мною на мѣстѣ рассказа видно, что эта «Быль» не отличается преувеличеніями. Въ своемъ «графико-статистическомъ обзорѣ» г. Хонтинскій передаетъ, что, по окончаніи работъ 2-го года, Разгильдѣевъ, раздраженный недостаточностью количества найденнаго золота, произвелъ «поголовную порку всѣхъ ссыльно-каторжныхъ и горныхъ служителей, не унтеръ-офицерскаго званія. Порка производилась въ теченіе трехъ сутокъ. Горныхъ служителей поролли розгами, арестантовъ плетми, ярникомъ и палками».

Нравственныя условія каторги, поистинѣ, были ужасны, чему, помимо условій и всей обстановки ея отбыванія, значительно способствовали, конечно, и свойства самихъ каторжныхъ людей, по большей части очень испорченныхъ всей ихъ прошлою жизнію, большимъ или меньшимъ количествомъ совершенныхъ преступленій, пребываніемъ въ тюрьмахъ, странствованіями въ партіяхъ по дорогамъ и этапамъ, а нерѣдко и долгимъ бродяжествомъ. Такое населеніе особенно нуждалось въ тщательномъ надзорѣ и правильно организованной и рассчитан-

ной на нравственный подъемъ караемаго тюремной системѣ, а между тѣмъ каторга давала ему совершенно иное. На пріискахъ и заводахъ, послѣ тяжелыхъ дневныхъ работъ, предоставленные самимъ себѣ арестанты «въ казармахъ жили пьяно, распутно, часто затѣвали кровавыя драки и страшно воровали»; окружавшія заводы и промышленныя учрежденія слободки, извѣстныя подъ названіемъ Теребиловокъ, Юрдовокъ, Кукуевокъ и проч., и населенныя выпущенными на пропитаніе арестантами, представляли собою въ полномъ смыслѣ слова вертепы и притоны пьянства, разгула, разврата и преступленія. Въ нихъ сходилась самое испорченное отребіе общества, формировались преступныя сообщества и шайки, задумывались и подготовлялись преступленія и люди утрачивали послѣдніе остатки совѣсти.

Свободныя селенія изъ бывшихъ каторжныхъ также не удавались; окончивавшіе сроки работъ арестанты спѣшили продавать свои дома и уходить въ волости, къ которымъ они были приписаны, и превращались тамъ въ безпризорныхъ ссыльно-поселенцевъ.

При такихъ условіяхъ жизни, слабости надзора и сравнительной легкости побѣговъ, каторжные, особенно долгосрочные, у которыхъ уже не было просвѣта къ жизни, уходили въ бродяжество въ большомъ числѣ (каждыя 10 лѣтъ со всѣхъ заводовъ бѣжало 12929 человекъ; число бѣглыхъ мѣстами доходило до 50% и даже болѣе), при чемъ многіе изъ нихъ, будучи испорчены и озлоблены до озвѣренія, обозначали свой путь ужасными преступленіями, направлявши-мися иногда противъ «своего же брата»—бродяги. Многочисленные побѣги совершались, несмотря на постоянно приводившіяся въ исполненіе угрозы закона тяжкими наказаніями. «На легкость этихъ наказаній», замѣчаетъ Ядринцевъ «нельзя пенять криминалистамъ: здѣсь были истощены всѣ средства устрашенія и даже когда-то бывали конфирмаціи о наказаніи безъ медицинской помощи». И тѣмъ не менѣе въ прежнее время побѣги были столь частымъ явленіемъ, «что начальникъ завода», какъ рассказываетъ тотъ же изслѣдова-

тель, «при приѣмѣ партіи выкрикивалъ: «кто хочетъ оставаться, получай одежду, а кто въ бѣга, тому незачѣмъ»! Встрѣчались по 12 разъ наказанные за побѣги. «Человѣкъ прибѣтается,—ровно скотъ станетъ; все равно ему», говорятъ сами бродяги.

«Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, началось разстройство каторжныхъ работъ. Соперничество вольныхъ рукъ сдѣлало убыточнымъ не только принудительный трудъ преступниковъ, но и самое веденіе промышленныхъ предпріятій при казенномъ управленіи». Фабрики и заводы стали закрываться, рудники забрасываться. Едва 20-я часть каторжныхъ могла быть занята работами, сколько-нибудь похожими на каторжные, а остальные бездѣйствовали и только болѣе деморализировались. Въ теченіе шести лѣтъ каторжныя работы почти повсемѣстно уничтожились. Начальникъ отдѣленія полиціи исполнительной, Власовъ, пораженный тѣмъ, что онъ нашелъ въ Сибири, заявлялъ, что строй и система нашихъ наказаній служатъ къ развитію важныхъ уголовныхъ преступленій и понижаетъ гражданскую нравственность. А между тѣмъ ссылка обходилась правительству весьма дорого. Въ комитетѣ тайнаго совѣтника Зубова было принято, «что средняя стоимость доставленія одного арестанта до мѣста ссылки обходилась въ 300 руб.». По вычисленію Лохвицкаго сумма всѣхъ расходовъ по пересылкѣ одного арестанта достигала 800 руб. И это только для казны. А во сколько еще обходилась ссылка обществу, въ свою очередь несшему расходы на нее въ формѣ натуральныхъ повинностей.

Разстройство каторжныхъ работъ вынудило правительство образовать въ 1868 г. особый комитетъ съ цѣлью изысканія мѣръ для ихъ организаціи на болѣе правильныхъ основаніяхъ. Было рѣшено остановиться на островѣ Сахалинѣ, а также и возобновить рудниковыя работы въ Нерчинскомъ округѣ. Сахалинъ былъ избранъ, между прочимъ, по тѣмъ соображеніямъ, что побѣги будутъ почти невозможны, что ссылка на островъ будетъ имѣть исправительный характеръ, что она вызоветъ его колонизацію и сократитъ расходы.

Первая партія каторжныхъ въ 80 человѣкъ была послана на островъ Сахалинъ для ломки каменнаго угля еще ранѣе, а именно въ 1861 году, а съ 1869 года начались правильныя отправки болѣе многочисленныхъ партій и все съ тою же цѣлью, то есть, для разработки каменноугольныхъ залежей. Съ этого времени сахалинская ссылка вполнѣ упрочилась и начала развиваться все болѣе и болѣе. Въ 1875 году для разработки каменнаго угля на островѣ образовалось частное общество «Сахалинъ», которому и были предоставлены рабочія руки каторжныхъ. При его учрежденіи рассчитывали, что, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ на содержаніе каторжныхъ, употребляемыхъ въ рудникахъ, казна будетъ имѣть довольно значительный чистый доходъ. Въ дѣйствительности расчетъ этотъ, однако, не оправдался и чистаго дохода не получилось. Въ концѣ же семидесятыхъ годовъ оказалось, что сахалинская каменноугольная промышленность не могла занять всѣхъ прибывавшихъ на островъ каторжныхъ, трудъ, которыхъ поэтому большею частью расходовался «совершенно непроизводительно», причемъ многіе оставались совершенно праздными. Приходилось придумывать какія бы то ни было работы для излишка людей, что, по мѣстнымъ условіямъ, представляло не мало затрудненій. Тогда остановились на земледѣліи, какъ наиболѣе доступномъ занятіи.

Въ средней трети Сахалина, въ двѣнадцати верстахъ отъ Дуэ—мѣста разработки каменнаго угля—была основана Александровская ферма, а затѣмъ въ недалекомъ отъ нея разстояніи—Ново-Михайловское или «Пашня». Этимъ и было положено основаніе земледѣльческой колонизаціи Сахалина. До этого же каторжные, отбывшіе сроки работъ и ставшіе сс. поселенцами, вывозились и на материкъ, при чемъ заботы администраціи о нихъ прекращались.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ было рѣшено селить на островѣ всѣхъ оканчивающихъ сроки каторжныхъ работъ и давать имъ земли для устройства сельскаго хозяйства. При осуществленіи этого, на первыхъ же порахъ встрѣти-

лись большія затрудненія. Особой системы колонизаціи не было, островъ въ топографическомъ отношеніи оставался неизученнымъ и въ земляхъ, годныхъ для поселенія, испытывался большой недостатокъ. Люди селились на земляхъ, не обращая вниманія на разнообразіе ихъ прежнихъ профессій. Для многихъ не находилось удобныхъ земель, а многіе, по своему возрасту, прежней профессіи и состоянію силъ, сами оказывались совершенно неспособны къ земледѣлію и въ то же время не находили себѣ никакихъ другихъ занятій на островѣ. Такихъ отпускали для заработковъ на материкъ, но иногда отпуска сокращались или почти и вовсе прекращались, вслѣдствіе чего число поселенцевъ бездомовыхъ, не устроившихся и почти или вовсе незанятыхъ на островѣ возрастало. Сельско же хозяйственная колонизація Сахалина продолжалась. Въ послѣдующіе годы отправки на островъ увеличились новыми категоріями ссыльныхъ и притомъ нѣкоторыми категоріями, въ общемъ, при данныхъ условіяхъ мало пригодными къ правильной колонизаціи. На Сахалинъ стали направлять жителей Забайкалья, опороченныхъ по суду и непринятыхъ послѣ того обществами; каторжныхъ, отбывшихъ сроки работъ въ Нерчинской каторгѣ и перешедшихъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ; многоопытныхъ сибирскихъ бродягъ и лицъ, совершившихъ вторичныя преступленія въ Забайкальѣ.

Таково прошлое нашей ссылки. Посмотримъ же теперь на настоящее (я разумѣю 1896 годъ). Его описаніе я поведу въ томъ порядкѣ въ какомъ шло мое путешествіе. Поэтому я начну съ французской ссылки въ Новую Каледонію.

Новая Каледонія и начало ссылки въ эту колонію.

V.

Новая Каледонія, въ противоположность французской Гвіанѣ, *) представляетъ исключительныя условія для успѣховъ колонизаціи. Климатъ ея здоровъ и благопріятенъ. Температура колеблется въ предѣлахъ отъ $+7$ до $+38^{\circ}$. Средняя годовичная температура равняется $23,7^{\circ}$, что значительно удешевляетъ постройки и даетъ возможность жить круглый годъ въ открытыхъ шалашахъ, не нуждаясь въ теплой одеждѣ.

Естественныя произведенія колоніи отличаются богатствомъ и разнообразіемъ. Она имѣетъ каменный уголь, никель (онъ добывается въ значительномъ количествѣ; во время моего пребыванія, въ этомъ производствѣ происходилъ кризисъ), мѣдь, кобальтъ, свинецъ, даже золото и др. минералы. Ея лѣса изобилуютъ прекрасными и дорогими породами деревьевъ. Земли сравнительно плодородны, растительность роскошна и природа въ ней безъ труда даетъ уже достаточныя средства жизни туземному населенію—канакамъ. Бананы, кокосы, маниоки,

*) Вслѣдствіе нездоровости климата, послѣднюю называютъ guillotine sèche. Въ этомъ названіи, конечно, есть небольшое преувеличеніе. Благодаря нѣкоторымъ произведеннымъ работамъ, нездоровыя условія, повидимому, нѣсколько ослаблены. Изъ отчета президенту республики, напечатаннаго въ № 351 „Journal officiel“ за 1896 г., видно, что смертность между релегированными въ 1887 г. составляла $14,3\%$, въ 1888— $9,87\%$, въ 1889— $20,47\%$, въ 1890— $12,78\%$, въ 1891— $16,6\%$, въ 1892— $28,8\%$ и въ 1893— $13,5\%$. Между тѣмъ въ Новой Каледоніи процентъ смертности за тотъ же періодъ не превышалъ— $3,29$.

Ссылка во Франціи и Россіи.

апельсины и пр. вырастаютъ легко, не требуя ухода. Въ Новой Каледоніи съ успѣхомъ культивируются: кофе высокаго качества, ваниль, табакъ, виноградъ, хлопчатая бумага, тутовое дерево, рисъ, чечевица, маисъ, бобы, разнообразныя овощи и плоды. Въ послѣднее время особенно развивается воздѣлываніе кофе, который требуетъ мало труда для своего разведенія. Благодаря покровительственной пошлинѣ (для туземнаго кофе она въ половину менѣе пошлины на кофе иностраннаго происхожденія) и значительному требованію во Францію, сбытъ его вполнѣ обезпеченъ, цѣны устойчивы и онъ циркулируетъ почти, какъ деньги *).

Рыбныя ловли въ колоніи очень богаты, пастбища хороши и даютъ полную возможность для успѣшнаго разведенія скота. Къ этому надо прибавить недостатокъ рабочихъ рукъ и потому сравнительно высокую заработанную плату—условіе не маловажное для штрафной колонизаціи.

Таковы чрезвычайно благопріятныя, можно сказать, исключительныя условія для жизни въ Новой Каледоніи, которой суждено было стать штрафной колоніей.

VI.

Ссылка въ Новую Каледонію ведетъ свое начало съ 1864 г. (она установлена императорскимъ декретомъ 2 сентября 1863 г.), когда въ эту колонію изъ Тулона была отправлена первая партія осужденныхъ въ каторжныя работы. Основной законъ, опредѣляющій организацію означенныхъ работъ,—законъ 30 мая 1854 г. Онъ представляетъ собою дальнѣйшее развитіе декрета Наполеона III — въ то время президента республики — отъ 27 марта 1852 г. о замѣнѣ прежнихъ *bagnes* каторжными работами (*travaux forcés*) во французской Гвіанѣ.

*) Можно сказать, что кило кофе—это minimum 2 фр. 50 сант.

Главными цѣлями закона 1854 г. было: 1) избавить метрополию отъ наиболѣе опасныхъ преступниковъ и, 2) создать штрафную колонизацію, которая давала бы преступнику возможность исправиться и снова занять свое мѣсто въ свободномъ обществѣ. Въ мотивахъ комиссіи, рассматривавшей проектъ закона, говорится, что въ новомъ обществѣ, далеко отъ того мѣста, гдѣ было совершено преступленіе, виновный становится новымъ человѣкомъ. Собственность, семья, общественныя отношенія, самоуваженіе—все ему становится доступно. Опасный въ метрополіи, онъ дѣлается полезнымъ въ колоніи. «До сихъ же поръ», говоритъ комиссія, «освобождаемые встрѣчались съ непреодолимымъ предубѣжденіемъ и отвращеніемъ общества. Имъ отказывали въ честномъ трудѣ, въ уваженіи и довѣріи».

Но еще во время обсужденія закона, какъ видно изъ тѣхъ же мотивовъ, уже раздавались рѣшительные голоса противъ ссылки. Говорили, что преступники совершенно непригодны для колонизаціи. Сама комиссія, высказываясь за ссылку, допускала ее съ нѣкоторыми существенными ограниченіями и заявляла, что было бы преступно со стороны метрополіи безъ предосторожностей и предусмотрительности гдѣ бы то ни было концентрировать ядъ, отъ котораго она хочетъ избавиться. Было бы странно стремиться гарантировать общество, принося въ жертву одну часть всему остальному: при этомъ ядъ переносился бы только съ мѣста на мѣсто, не будучи нейтрализованъ. Попытка создавать колоніи исключительно изъ преступниковъ, отбывшихъ наказаніе, по мнѣнію комиссіи, представляла бы собою предпріятіе, «осуждаемое разумомъ и опытомъ». Поэтому комиссія имѣла въ виду размѣщать преступниковъ въ колоніяхъ, уже образовавшихся, гдѣ лица, отбывшія наказаніе, могли бы смѣшиваться съ свободнымъ населеніемъ.

Для достиженія цѣлей штрафной колонизаціи, законъ 1854 г. постановляетъ, что всѣ лица, не достигшія, во время постановленія о нихъ приговора, 60-лѣтняго возраста, на будущее время должны отбывать назначенныя имъ каторж-

ныя работы въ колоніяхъ и что осужденные на 8 лѣтъ и болѣе, по отбытіи наказанія, обязаны оставаться въ колоніяхъ пожизненно, а осужденные до 8 лѣтъ—въ теченіе времени, равнаго времени, проведенному въ работахъ (§§ 1, 5 и 7). Исправляющимся каторжнымъ законъ разрѣшаетъ отводить участки земли, для обработки за ихъ собственный счетъ, еще во время отбыванія ими наказанія. Участки эти должны поступать въ полную собственность освобожденныхъ каторжныхъ.

Законъ 27 мая 1885 г. прибавилъ къ населенію штрафныхъ колоній еще особый классъ преступниковъ—рецидивистовъ, подвергнутыхъ релѣгаціи. Законъ этотъ имѣлъ въ виду очистить метрополію не только отъ важныхъ преступниковъ, приговариваемыхъ въ каторжныя работы, но и отъ преступниковъ мелкихъ, не исключая бродягъ и нищихъ, которые постоянно, хотя и на короткіе сроки, все снова и снова возвращаются въ тюрьмы и представляютъ собою какъ-бы гражданъ тюремныхъ учрежденій. Метрополіей руководило при этомъ не стремленіе къ колонизаціи, а исключительно желаніе избавиться отъ обычныхъ тюремъ.

Рецидивисты, (въ смыслѣ закона 1885 г.), подвергнутые релѣгаціи, тѣмъ самымъ не отбываютъ наказанія. Релѣгація въ колоніи является для нихъ только послѣдствіемъ наказаній, поразившихъ ихъ въ метрополіи. Согласно § 1 закона о рецидивистахъ, релѣгація состоитъ въ вѣчномъ поселеніи (*internement perpétuel*) поименованныхъ въ немъ преступниковъ, которыхъ онъ имѣетъ въ виду удалить изъ Франціи. Этимъ немногимъ ограничивается законное опредѣленіе релѣгаціи. Мѣста релѣгаціи, мѣры порядка и надзора и условія содержанія релегированныхъ съ обязательствомъ работы, въ случаѣ отсутствія у нихъ надлежаще доказанныхъ средствъ существованія,—все это, т. е. дѣйствительный характеръ релѣгаціи, предоставлено опредѣлять послѣдующимъ административнымъ распоряженіямъ.

Декретомъ президента республики отъ 26 ноября 1885 г., состоявшимся по общему докладу министра-президента и

министровъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и колоній, релѳація подраздѣлена на индивидуальную и коллективную. Первая состоитъ въ водвореніи въ колоніяхъ, но съ оставленіемъ на свободѣ. Индивидуально-религированные подлежатъ дѣйствію правилъ порядка и надзора, изданныхъ для облегченія примѣненія закона 27 мая 1885 г., но они подчиняются общимъ законамъ и подсудны обще-гражданскимъ судамъ. Индивидуальная релѳація примѣняется, по разсмотрѣніи предшествоющаго поведенія ссылаемыхъ, только къ лицамъ, которыя могутъ доказать, что они имѣютъ средства для честнаго существованія (профессію, ремесло и проч.). Релѳація эта можетъ быть отбываема въ различныхъ колоніяхъ. Напротивъ, для релѳаціи коллективной декретомъ указываются Гвіана и Новая Каледонія. Ей подлежатъ всѣ тѣ изъ религируемыхъ, которые признаны недостойными или только неспособными пользоваться преимуществами релѳаціи индивидуальной: Они заключаются въ особо предназначенныя для того учрежденія съ принудительными работами на вполнѣ неопредѣленное время или—что то же—впредь до признаннаго исправленія и «подсудны особой юрисдикціи, которая»—какъ говорится въ декретѣ—«будетъ организована административнымъ регламентомъ».

Такимъ образомъ, будучи, по закону, дополнительнымъ наказаніемъ или, вѣрнѣе, одной изъ мѣръ полиціи предупрежденія по отношенію къ опредѣленному разряду лицъ, коллективная релѳація на самомъ дѣлѣ представляетъ собою хотя и послѣдующее, но главное и очень тяжкое наказаніе.

Организація каторжныхъ работъ и релѣгація.

VII.

Распределение ссылаемыхъ по колоніямъ (Гвіана и Новая Каледонія) совершается въ Парижѣ особой классификаціонной комиссіей, состоящей изъ 7 членовъ: совѣтника государственнаго совѣта (Conseil d'Etat) и шести представителей отъ трехъ министерствъ: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и колоній. Комиссія не видитъ осужденныхъ и въ своихъ рѣшеніяхъ руководствуется только письменными документами. Признаваемыхъ за лучшихъ направляютъ въ Новую Каледонію, а худшихъ—въ Гвіану. Возрастъ (если, конечно, нѣтъ 60 лѣтъ) и состояніе силъ не принимаются во вниманіе, такъ что всѣ преступники опредѣленныхъ категорій отправляются въ ссылку. Директоръ тюремной администраціи говорилъ мнѣ, что бывають случаи присылки даже увѣчныхъ, которые рѣшительно непригодны для колонизаціи и могутъ служить только бременемъ для нея.

Классификаціонная комиссія опредѣляетъ также, долженъ ли релѣгируемый подлежать индивидуальной или коллективной релѣгаціи. Она же дѣлаетъ и первоначальное распределение каторжныхъ по классамъ, при чемъ—такъ по крайней мѣрѣ говорятъ на мѣстѣ—обосновывается иногда на данныхъ сомнительнаго характера, какъ, напр., заявленій жандармовъ и различныхъ мелкихъ полицейскихъ агентовъ, слишкомъ склонныхъ обобщать единичные факты и на основаніи ихъ давать общіе категорическіе отзывы, которые, будучи заносимы въ досье, легко вызываютъ не всегда заслуженное предубѣжденіе противъ ссылаемыхъ.

Осужденные въ каторжныя работы *) распредѣляются по тремъ дисциплинарнымъ классамъ, которые различаются

*) Во время моего посѣщенія, общее число осужденныхъ въ каторжныя

одинъ отъ другого по объему тѣхъ удобствъ и выгодъ, какія зачисленіе въ нихъ предоставляет заключеннымъ.

Въ первый классъ переводятся самые лучшіе по поведенію и прилежанію къ работамъ. Еще въ теченіе времени наказанія они могутъ получать сельскія (земледѣльческія) или городскія (ремесленныя) концессіи, могутъ быть употребляемы на работы у свободныхъ жителей колоніи, причемъ $\frac{2}{5}$ платы, вносимой нанимателемъ, поступаетъ въ государственный доходъ, $\frac{2}{5}$ —въ резервный фондъ осужденнаго и $\frac{1}{5}$ выдается ему на руки. Сверхъ того только заключенные этого класса могутъ быть представляемы къ сложенію остающейся части наказанія, къ сокращенію срока работъ и къ условному освобожденію.

Не получившіе еще концессій и не состоящіе въ наймѣ у частныхъ лицъ работаютъ въ учрежденіяхъ тюремной администраціи. Здѣсь за свой трудъ они не получаютъ задѣльной платы, а только такъ называемыя награды (*gratifications*), состоящія изъ 30 грам. кофе, или 30 грам. сахару, или табаку, или $\frac{1}{4}$ литра вина. Директоръ тюремной администраціи находитъ такой порядокъ болѣе правильнымъ и полагаетъ, что желаніе получить награду и страхъ наказанія за лѣнь и небрежность—достаточные стимулы для хорошей работы. Напротивъ, завѣдывающій одной изъ мастерскихъ въ депо сказалъ мнѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ заработная плата уничтожена и замѣнена наградами у заключенныхъ замѣчается значительно менѣе рвенія и прилежанія къ работамъ. За дурную работу, по общему правилу, назначается содержаніе на хлѣбѣ и водѣ, а за отказъ отъ работы—тюрьма отъ 6 мѣс. и *reclusion cellulaire* до 2 л., въ зависимости отъ категоріи, къ которой принадлежитъ отказывающійся. Награды (до 2 въ день) могутъ быть переводимы на деньги; въ такомъ случаѣ онѣ зачисляются въ резервный фондъ заключеннаго.

работы и еще не отбывшихъ наказаніе равнялось 5150 чел. Изъ нихъ бѣжавшихъ и пропавшихъ безъ вѣсти было 470 чел.

Заклученные, зачисленные во второй классъ, употребляются на колонизаціонныя работы за счетъ государства, колоній, муниципалитетовъ или частныхъ лицъ. За хорошую работу они получаютъ такія же награды, какъ и заклученные перваго класса.

Зачисленные въ третій классъ употребляются на самыя тяжкія работы съ соблюденіемъ строгаго молчанія. За свой трудъ они не получаютъ и наградъ (кромѣ какихъ-либо исключительныхъ случаевъ), отдѣляются отъ другихъ заклученныхъ, по правиламъ—спятъ на голыхъ доскахъ (заклученнымъ двухъ первыхъ классовъ полагается спать на гамакахъ), могутъ быть приковываемы на ночь (въ пенитенціаріяхъ, исключая острова Ноу, правило это, какъ и предыдущее, не примѣняется и заклученные 3-го класса спятъ неприкованные и также на гамакахъ) и, если позволяетъ мѣсто, должны быть изолируемы (правило это примѣняется только на островѣ Ноу).

Классификаціонная коммиссія зачисляетъ осужденныхъ въ два послѣдніе класса. Первый классъ есть награда за хорошее поведеніе во время отбыванія наказанія. Переводы изъ класса въ классъ дѣлаются директоромъ тюремной администраціи, на основаніи мнѣній или, правильнѣе, представленій особыхъ дисциплинарныхъ коммиссій. Переводъ изъ третьяго класса во второй можетъ имѣть мѣсто не ранѣе, какъ по прошествіи двухъ лѣтъ пребыванія въ немъ; переводъ въ первый—по истеченіи не менѣе половины срока назначеннаго наказанія для осужденныхъ до 20 лѣтъ и по истеченіи не менѣе десяти лѣтъ для осужденныхъ свыше 20 лѣтъ и пожизненно. Въ исключительныхъ случаяхъ, по рѣшенію министра колоній, сроки могутъ быть сокращены на половину, т. е. уменьшены до $\frac{1}{4}$ назначеннаго срока или до 5 лѣтъ.

Въ основу дѣленія и переводовъ изъ класса въ классъ, очевидно, заложена мысль объ исправленіи заклученныхъ. Къ сожалѣнію, она остается мыслию закона и декретовъ и на практикѣ не получаетъ сколько-нибудь достаточнаго осуществленія. Если и полагаются на что, то исключительно на самодѣтельность самихъ заклученныхъ, поставленныхъ при

этомъ въ весьма неблагопріятныя условія полного смѣшенія и предоставленныхъ взаимнымъ вліяніямъ. Со стороны же тюремной администраціи ничего положительнаго въ этомъ отношеніи не предпринимается, а потому дѣленіе на классы въ значительной мѣрѣ представляется формальнымъ и мертвымъ. Таково и мнѣніе губернатора Новой Каледоніи, М. Feillet, который прямо заявилъ мнѣ, что для исправленія преступниковъ у нихъ ничего не дѣлается и что служащіе въ тюрьмахъ не только не знакомы съ прошлымъ заключенныхъ, но по большей части не знаютъ, за что кто изъ нихъ осужденъ, а при вопросахъ объ этомъ—бѣгутъ справляться въ документахъ. Сходное мнѣніе высказалъ и начальникъ пенитенціарія въ Bourail, М. Pennel. Въ отвѣтъ на мое замѣчаніе, онъ призналъ, что въ отношеніи мѣръ исправленія у нихъ существуетъ полный пробѣлъ. При этомъ онъ прибавилъ, что отъ надзирателей нельзя ничего и требовать, а другихъ лицъ для этого въ распоряженіи тюремной администраціи не имѣется.

При пенитенціаріяхъ нѣтъ ни школъ, ни библіотекъ, и если заключенные кое-когда и получаютъ какія-либо книги, то развѣ отъ священника.

Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что заключенные (по меньшей мѣрѣ громаднѣйшее большинство) при такихъ условіяхъ не только нисколько не исправляются въ нездоровой атмосферѣ каторжныхъ тюремъ, а, напротивъ, по истеченіи нѣкотораго времени пребыванія въ нихъ, «въ корень портятся и становятся никуда негодными», какъ говорилъ мнѣ губернаторъ. По образному выраженію одного давнишняго обитателя колоніи, близко знакомаго съ ссылкой, М. Thomas, они за время своего пребыванія въ тюрьмѣ будто получаютъ «un coup de marteau à la tête», дѣлаются почти непригодными для свободной жизни и въ нравственномъ отношеніи становятся вполне оскудѣлыми людьми.

Какъ образчикъ учрежденій для осужденныхъ въ каторжныя работы, я осмотрѣлъ пенитенціарій въ La Foa. Во время моего пребыванія въ немъ было 245 человѣкъ (119 чел. за

преступленія противъ личности и 126 чел. за преступленія противъ собственности). Изъ нихъ способныхъ по состоянію ихъ силъ ко всѣмъ работамъ было 112 чел., способныхъ ко всѣмъ работамъ, исключая работъ въ рудникахъ и копахъ—72 чел., способныхъ только къ самымъ легкимъ работамъ—61 чел. (такъ по состоянію ихъ силъ классифицируются заключенные въ Новой Каледоніи). Наибольшее число осужденныхъ принадлежало къ поденщикамъ, а именно—79 чел.; земледѣльцевъ было 39 чел., слугъ (*domestiques*)—14, каменщиковъ—10. Остальныя ремесла и профессіи были представлены единицами.

Зданія пенитенціарія состоятъ изъ бараконъ для заключенныхъ, мастерскихъ, кухни, кладовыхъ, помѣщеній для служащихъ, такъ называемой тюрьмы (*prison*) для дисциплинарныхъ наказаній и маленькаго лазаретика.

Устройство бараконъ крайне просто и несложно. Это длинныя деревянныя зданія легкой постройки. Посрединѣ барака, во всю длину его, идетъ свободный проходъ, а параллельно каждой изъ стѣнъ, на разстояніи длины гамака, тянется опирающійся на столбы, аршина въ полтора вышиною, деревянный барьеръ. Къ каждой изъ стѣнъ при посредствѣ желѣзныхъ крючковъ прикрѣплены свертывающіеся на день гамаки, отстоящіе другъ отъ друга примѣрно на $\frac{3}{4}$ аршина; съ другого конца гамаки привязываются веревками къ барьеру на время ночи. Вотъ и все вмѣстимое барака; никакой мебели въ немъ нѣтъ и сидѣть можно только на барьерѣ. Здѣсь, въ этихъ баракахъ, заключенные спятъ, принимаютъ пищу и проводятъ свое свободное время въ тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ и взаимно воспитываются въ понятіяхъ и правилахъ преступной среды.

Всѣ заключенные свободны отъ цѣпей и приковыванія какъ въ теченіе дня, такъ и ночи.

Время работъ равняется 8 часамъ въ день. Заключенные заняты расчисткою земель, подготовляемыхъ для раздачи въ концессіи, постройкою домовъ для будущихъ концессіонеровъ, работами у частныхъ лицъ (нанимаются на опредѣленное

время за опредѣленную поденную плату) и работами въ мастерскихъ. Въ послѣднихъ ничего не производится на продажу, а только изготовляются предметы, нужные для потребностей тюремныхъ учреждений. Прежде и тюремная администрація содержала заводы для производства сахара, тафii и рома. Въ настоящее время всѣ заводы сданы въ аренду; опытъ показалъ, что они давали только убытки.

Всѣ работающіе арестанты, не наказанные уменьшеніемъ порціи, получаютъ ежедневно килограммъ хорошаго бѣлаго хлѣба (уменьшенная порція для неспособныхъ къ работамъ и наказанныхъ равняется 750 грам.). Сверхъ того на ихъ пищевое довольствіе въ день (въ два раза) полагается 250 грам. говядины *) (уменьшенная порція равняется 200 грам.), 60 грам. бобовъ или рису, 100 грам. какой-либо зелени и 6 грам. жиру. За хорошую работу, какъ уже упомянуто выше, они получаютъ награды, состоящія изъ возбуждающихъ веществъ, а за дурную, по правиламъ, получаютъ только хлѣбъ и воду.

Дисциплинарныя наказанія, налагаемыя въ самомъ пенитенціаріи, назначаются особою дисциплинарною комиссіею (надзиратели могутъ назначить собственною властію до 2 ночей тюрьмы). Осужденные въ каторжныя работы за преступленія и проступки подсудны особымъ морскимъ судамъ, а за полицейскія нарушенія—упомянутымъ дисциплинарнымъ комиссіямъ (декретъ 4 октября 1889 года), которымъ заключенные въ опредѣленные дни могутъ приносить жалобы и дѣлать различныя заявленія. Комиссія составляется изъ начальника пенитенціарія, предсѣдательствующаго въ ней, и двухъ другихъ служащихъ, по назначенію директора тюремной администраціи. Въ засѣданіи выслушиваются какъ обвиняющій, такъ и обвиняемый. М. Verignon считаетъ учрежденіе комиссій весьма полезнымъ: оно, по его мнѣнію, представляетъ большія гарантіи справедливости и въ то же время вну-

*) Говядина въ Новой Каледоніи сравнительно дешева и обходится тюремной администраціи по 80 сантимовъ за кило.

шаетъ заключеннымъ довѣріе къ безпристрастію суда надъ ними. Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться, хотя есть основанія думать, что коммиссіи слишкомъ склонны поддерживать и охранять *во что бы то ни стало* авторитетъ надзирателей и безусловно довѣрять ихъ показаніямъ, не смотря на то, что отношенія послѣднихъ къ заключеннымъ далеко не всегда безупречны. Это мнѣ пришлось слышать отъ одного изъ служащихъ въ тюремной администраціи, и на это же есть указанія въ отчетѣ генеральнаго прокурора губернатору о произведенной имъ въ 1895 году общей инспекціи тюремныхъ учреждений.

Дисциплинарныя наказанія, примѣняемыя въ пенитенціаріяхъ и лагеряхъ, суть слѣдующія. 1) Тюрьма на ночь (*prison de nuit*) до одного мѣсяца. Подвергнутые этому наказанію спятъ хотя и вмѣстѣ, но въ обособленномъ зданіи, на голыхъ доскахъ и, по правиламъ, должны приковываться за одну ногу къ нарамъ (въ пенитенціаріяхъ послѣднее не примѣняется). 2) Заключение въ келью до 2 мѣсяцевъ. Наказанные содержатся въ обособленныхъ кельяхъ, гдѣ они исполняютъ обязательныя работы, спятъ на голыхъ доскахъ и, по правиламъ, приковываются на ночь за одну ногу къ нарамъ (послѣднее не примѣняется въ пенитенціаріяхъ). Они получаютъ уменьшенную порцію, а черезъ два дня на третій—только хлѣбъ и воду. 3) Заключение въ карцеръ до одного мѣсяца. Это наказаніе отбывается въ темномъ помѣщеніи и заключенные въ немъ приковываются на ночь за обѣ ноги къ нарамъ. При стеченіи нѣсколькихъ наказаній карцеромъ, первые восемь дней каждаго мѣсяца отбываются въ свѣтломъ помѣщеніи, а остальные—въ темномъ. 4) Содержаніе на хлѣбѣ и водѣ. 5) Перемѣщеніе въ низшій классъ. За преступленія же и проступки назначаются: смертная казнь, *reclusion cellulaire* отъ 6 м. до 5 лѣтъ и тюрьма на тѣ же сроки. За всякое насиліе противъ служащихъ полагается смертная казнь, которая, въ случаѣ признанія личности смягчающихъ обстоятельствъ, замѣняется *reclus. cellul.* на срокъ отъ 2 до 5 лѣтъ (декр. 4 октября 1889 года).

Дисциплинарныя наказанія въ пенитенціаріяхъ примѣняются, повидимому, въ очень значительномъ числѣ. Такъ, въ пенитенціаріи въ La Foa было наказано: 156 чел. тюрьмою въ совокупности на 1673 ночи, 64 чел. кельей на 1446 сут., 9 чел. карцеромъ на 450 сут. и 25 чел. перемѣщены въ низшій классъ. Въ томъ же году во всѣхъ учрежденіяхъ для осужденныхъ въ каторжныя работы было назначено, какъ видно изъ полученныхъ мною свѣдѣній, 5237 дисциплинарныхъ наказаній, а именно: 578 разъ былъ назначенъ карцеръ, 1239 разъ—келья, 2377 разъ—тюрьма на ночь, 347 разъ—дисциплинарный залъ (о немъ будетъ сказано ниже) и 786 разъ—содержаніе на хлѣбѣ и водѣ. Сверхъ того за тотъ же періодъ времени различными судьями было приговорено: 4 человека къ смертной казни (за послѣднія 5 лѣтъ казнено 9 человекъ), 47 человекъ къ каторжнымъ работамъ, 33 человека къ прикованію на двойную цѣпь, 31 человекъ къ *reclusion cellulaire* и 11 человекъ къ тюремному заключенію, а всего 126 человекъ.

На каждыхъ 25 заключенныхъ полагается одинъ надзиратель. Въ дѣйствительности же одинъ надзиратель приходится на 30 и даже на 35 человекъ, что зависитъ отъ того, что не всѣ вакансіи постоянно бываютъ заняты и что на нѣкоторыхъ надзирателей возлагаются другія обязанности по тюремѣ. Въ качествѣ полицейскихъ, при пенитенціаріяхъ состоятъ сверхъ того канаки (туземцы), которыхъ при осмотрѣнномъ мною учрежденіи было 8 человекъ.

Пенитенціарій въ La Foa находится въ самомъ мѣстечкѣ. Онъ не обнесенъ стѣною, и военной стражи при немъ, какъ и при другихъ пенитенціаріяхъ, не содержится *). Обязанность поддержанія порядка и окарауливанія возлагается исключительно на надзирателей и канаковъ. Здѣсь нелишне будетъ замѣтить, что качества низшаго надзирающаго персонала, повидимому, оставляютъ желать многого и что пер-

*) Въ теченіе года въ пенитенціаріи въ La Foa было 11 случаевъ побѣга.

сональ этотъ представляетъ собою одну изъ наиболѣе слабыхъ сторонъ французской ссылки, хотя правительство и выдаетъ въ колоніяхъ лицамъ этого персонала значительно повышенное противъ Европы содержаніе. Начальникъ пенитенціарія въ Bougaïl, сопровождавшій меня, по распоряженію директора тюремной администраціи, во время моей поѣздки въ La Foa и Farino, говорилъ мнѣ, что вполне удовлетвори-тельные надзиратели рѣдки и что на 37 человѣкъ, находящихся у него, онъ насчитываетъ только 12 таковыхъ. Особенно грѣшатъ надзиратели въ своемъ обращеніи съ заключенными, которое, повидимому, не только сурово, но чрезмерно жестоко и грубо. Мнѣ самому пришлось слышать жалобы заключенныхъ на надзирателей, при осмотрѣ пенитенціарія въ La Foa и лагеря въ Baïe du Prony. Но однѣ такія жалобы, совершенно не проверенныя, конечно, не имѣли бы значенія и я не рѣшился бы упоминать о нихъ, если бы не нашелъ ихъ подтвержденія въ упоминавшемся уже отчетѣ генеральнаго прокурора за 1895 годъ о произведенной имъ инспекціи тюремъ. Въ общемъ отзывѣ о результатахъ своей поѣздки генеральный прокуроръ говоритъ, что грубость и жестокость въ обращеніи надзирателей съ заключенными очень часты и что по отношенію къ послѣднимъ надзиратели ведутъ себя вызывающе.

По мнѣнію генеральнаго прокурора, эти печальныя явленія происходятъ отъ недостатка репрессіи подобныхъ злоупотребленій. Генеральный прокуроръ находитъ, что было бы весьма полезно для противодѣйствія злу предоставить заключеннымъ право посылать въ запечатанныхъ конвертахъ заявленія и жалобы не только генеральному прокурору, но и президенту суда. Теперь же надзиратели, по словамъ составителя отчета, вполне увѣрены въ своей безнаказанности. Они знаютъ, что преслѣдованіе ихъ передъ Conseil de guerre—одна только формальность и что административная власть до сихъ поръ всегда проявляла по отношенію къ нимъ снисходительность въ силу того, въ существѣ справедливаго, но слишкомъ широко понимаемаго принципа, что одно по-

явленіе надзирателя передъ Conseil de guerre, а тѣмъ болѣе его осужденіе, имѣло бы своимъ послѣдствіемъ уменьшеніе престижа, авторитета и рвенія этихъ агентовъ

Съ приведеннымъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Поддержаніе авторитета лицъ надзирающихъ, конечно, чрезвычайно важно, потому что безъ достаточнаго авторитета не можетъ быть и необходимаго вліянія. Но это поддержаніе никогда не должно происходить за счетъ справедливости. По общему отзыву лицъ, близко знающихъ тюрьму, заключенные всего болѣе чувствительны къ справедливости и всего болѣе цѣнятъ и уважаютъ ее. Самое строгое отношеніе къ нимъ, разъ оно справедливо, не вызываетъ съ ихъ стороны ропота и озлобленія. Напротивъ, всякая незначительная несправедливость порождаетъ уже неудовольствіе и раздраженіе.

Въ особой части отчета, въ которой излагаются результаты инспекціи отдѣльных тюремныхъ учрежденій, генеральный прокуроръ упоминаетъ, между прочимъ, о дисциплинарномъ отдѣленіи, помѣщавшемся прежде въ Camp Brun. Отдѣленіе это, по его словамъ, имѣло печальную извѣстность; лица заключенныхъ въ немъ были исхудалыя, а сами они отличались *) страшной худобой (*maigreur extrême*) и страдали фізіологическою бѣдностью.

VIII.

За недостаткомъ времени, а главное средствъ сообщенія, я не могъ посѣтить île des Pins—главный центръ для лицъ, подвергнутыхъ коллективной релегациі **). Ихъ мнѣ пришлось видѣть въ учрежденіи Baie du Prony, которое состоитъ изъ 9 лагерей, расположенныхъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Заключенные въ нихъ заняты разработкою лѣсовъ

*) Одинъ изъ нихъ вѣсилъ 32 кило.

**) Всѣхъ коллективно-релегированныхъ, мужчинъ и женщинъ, во время моего пребыванія было 2813 чел.

и работою въ мастерскихъ для удовлетворенія потребностей учрежденія. Въ мою бытность, во всѣхъ лагеряхъ было 785 заключенныхъ.

Коллективно-релегированные не распредѣляются, подобно каторжнымъ, на 3 дисциплинарные класса. Изъ ихъ среды выдѣляются способные къ работамъ и лучшіе по поведенію для образованія отдѣльныхъ группъ или *sections mobiles*, которыя употребляются для работъ за счетъ публичныхъ учреждений или частныхъ лицъ. Зачисленные въ нихъ пользуются нѣсколько лучшимъ положеніемъ: имъ могутъ быть даваемы отпуска для отысканія работъ и занятій у частныхъ лицъ, въ видахъ возможнаго перевода въ разрядъ индивидуально-релегированныхъ.

Населеніе учреждений, предназначенныхъ для коллективно-релегированныхъ, по своимъ своеобразнымъ свойствамъ, представляетъ особый интересъ. Директоръ тюремной администраціи говорилъ мнѣ, что подвергнутые релегации приводятъ его въ отчаянье своей испорченностью. И, дѣйствительно, это все рецидивисты и обычники тюрьмы. Многіе изъ нихъ насчитываютъ многочисленныя предшествующія осужденія и большею частью за сравнительно не особо важные или даже и мало-важные преступленія и проступки. Четыре главнѣйшія и при томъ нерѣдко взаимно связанныя причины въ значительнѣйшемъ числѣ случаевъ обуславливаютъ комплектованіе этой особой категоріи преступниковъ.

1) Полная заброшенность въ дѣтствѣ и ранняя глубокая порча на улицахъ и тротуарахъ большого города. Многіе изъ релегированныхъ въ полномъ смыслѣ слова—«дѣти широкой улицы». Изъ числа всѣхъ заключенныхъ въ учрежденіяхъ *Baie du Prony* 7,4% (58 чел.) прошли черезъ исправительныя школы, при чемъ двое изъ нихъ подверглись первому осужденію въ возрастѣ 10 лѣтъ, 5—въ возрастѣ 11 л.; 5—въ возрастѣ 12 л., 12—въ возрастѣ 13 л., 16—въ возрастѣ 14 л., 16—въ возрастѣ 15 л. и 2—въ возрастѣ 16 л. Эти цифровыя данныя, конечно, не даютъ сколько-нибудь вѣрнаго понятія о количественномъ значеніи вліянія дѣтской забро-

шенности *) на развитіе преступности; они могутъ только до нѣкоторой степени служить его отдаленнымъ показателемъ.

2 и 3) Алкоголизмъ и тѣсно связанный съ нимъ развратъ и притомъ нерѣдко чрезвычайно ранній. Алкоголизмъ въ средѣ преступниковъ вообще опредѣляется весьма высокимъ процентомъ **), а тѣмъ болѣе въ средѣ лицъ, подвергнутыхъ релегации. Въ своемъ докладѣ отъ 16 февраля 1890 г. губернатору Новой Каледоніи директоръ тюремной администраціи утверждаетъ, что между лицами, подвергнутыми релегации, по меньшей мѣрѣ 80% ***)) доведены до настоящаго своего состоянія деградации злоупотребленіями алкоголемъ. Пьянство, по мнѣнію директора, есть та причина, которая приводитъ на дорогу преступленія наибольшее количество людей. Прежде онъ полагалъ, что пьянство у женщинъ вызывается развратомъ, но теперь, на основаніи ближайшаго изученія, онъ пришелъ къ убѣжденію, что пьянство есть причина, а не одно изъ послѣдствій разврата. Релегированные, по словамъ директора, не въ состояніи противостоятъ своей страсти къ алкоголю и постоянно изыскиваютъ все новые и новые способы добывать себѣ предметъ своихъ желаній. Подвергнутые взысканіямъ за пьянство, они заявляютъ, что сколько-бы ихъ ни наказывали—они все-таки будутъ продолжать.

4) Тюремное воспитаніе, получаемое при частомъ отбываніи, къ сожалѣнію, столь легко назначаемыхъ краткосрочныхъ наказаній тюрьмою. Если и при наказаніяхъ долгосрочныхъ почти ничего не дѣлается для дѣйствительнаго нравственнаго исправленія караемыхъ, то въ переполненныхъ

*) Едва-ли нужно говорить, что воспитанники исправительныхъ школъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ принадлежатъ къ дѣтямъ заброшеннымъ.

**) Между транспортируемыми, по мнѣнію M. V é r i g n o n, по меньшей мѣрѣ, 30% алкоголиковъ.

***)) Въ разговорѣ со мною M. V é r i g n o n выразилъ мнѣніе, что едва-ли будетъ ошибочно принять и 85%.

Ссылка во Франціи и Россіи.

учрежденіяхъ, предназначенныхъ для краткосрочнаго заключенія, считается ненужнымъ, да и невозможнымъ что-нибудь дѣлать. Здѣсь обычки тюрьмы—если только примѣняется система совмѣстнаго заключенія—имѣютъ полную возможность воспитывать новичковъ и готовить ихъ къ дальнѣйшей преступной карьерѣ.

Лица, подвергнутыя релѣгаціи, благодаря всему своему прошлому, большею частью нервно-истощенные люди, люди болѣе или менѣе безвольные и лишенные инициативы, не умѣющие противостоятъ своимъ порочнымъ влеченіямъ и неспособные къ настойчивому дѣющемуся труду. Всѣ отзывы, которые мнѣ пришлось слышать о нихъ какъ отъ лицъ тюремной администраціи, такъ и отъ свободныхъ жителей колоніи, единогласно утверждаютъ, что релѣгированные—никуда негодные работники. Въ описаніи Новой Каледоніи 1894 года (par Jeanneney, Agent de Colonisation), которое я получилъ въ министерствѣ колоній, при сравненіи выгоды употребленія различныхъ категорій рабочихъ, о релѣгированныхъ говорится, что они истощены пороками и долгимъ пребываніемъ въ тюрьмахъ и умѣютъ противопоставлять дисциплинѣ непобѣдимую инертность (*résistance d'inertie insurmontable*); отъ многихъ частныхъ лицъ, давно живущихъ въ колоніи, мнѣ также приходилось слышать, что трудъ релѣгированныхъ (при наймѣ ихъ у тюремной администраціи), вслѣдствіе его малой продуктивности, обходится весьма дорого: приходится платить за нихъ тюремной администраціи, содержать ихъ, платить имъ самимъ и за все это получать недостаточную и неудовлетворительную работу. Бывшій губернаторъ французской Гвіаны, М. Charvein, говоря объ этой колоніи, замѣчаетъ, что релѣгированные, насчитывающіе осужденія безъ числа, представляютъ крайнюю степень фізіологическаго обѣднѣнія, при которой не остается болѣе ни одной ступени для дальнѣйшаго пониженія. Они до крайности развращены въ нравственномъ отношеніи и оскудѣли въ физическомъ, вслѣдствіе чего рѣшительно непригодны ни для основанія семей, ни для колонизаціи. М. Charvein по-

лагають при этомъ, что если они и могутъ производить, то только слабое и болѣзненное поколѣніе, предрасположенное ко всевозможнымъ душевнымъ аномаліямъ и разстройствамъ *).

Ради безпристрастія должно, однако, замѣтить, что отношеніе релегированныхъ къ труду, независимо отъ присущихъ имъ особенностей—послѣдствій всей ихъ прошлой жизни, — быть можетъ обусловливается отчасти и безнадежностью ихъ положенія въ ссылкѣ. Многіе изъ нихъ хотя и имѣютъ на своемъ счету довольно многочисленныя, но сравнительно маловажныя преступленія и проступки—послѣдствія пьянства и недостаточной способности къ тяжелому труду. За нихъ они уже отбыли наказанія на родинѣ и тѣмъ не менѣе ихъ положеніе въ ссылкѣ едва-ли не хуже положенія каторжныхъ, отбывающихъ наказаніе. Въ настоящее время имъ вовсе не даютъ концессій, а для перевода въ разрядъ индивидуально-релегированныхъ отъ нихъ требуютъ, въ качествѣ искуса, предварительнаго пребыванія въ наймѣ у частныхъ лицъ и хорошихъ отзывовъ со стороны этихъ послѣднихъ. А между тѣмъ дозволенія отыскивать работу даются имъ съ большимъ трудомъ, да сверхъ того и общее мнѣніе о нихъ въ колоніи—какъ говорилъ мнѣ начальникъ лагеря въ Baie du Prony, M. Algis, настолько плохо, что ихъ почти никто не хочетъ брать, а потому большею частью имъ приходится безсрочно оставаться въ учрежденіяхъ для релегированныхъ и вести въ нихъ жизнь при условіяхъ строгаго тюремнаго режима **). Въ отчетѣ генеральнаго прокурора говорится, что настроеніе релегированныхъ ему показалось полнымъ безнадежности. Вновь прибывающіе, по его словамъ, безъ труда даютъ себя убѣждать сотоварищамъ, что на порогѣ учрежденій для коллективно-релегированныхъ надо оставлять всякую надежду, вслѣдствіе чего они падаютъ духомъ, легко поддаются вся-

*) Revue pénitentiaire за 1896, № 2.

**) То же имѣетъ мѣсто и въ Гвіанѣ, какъ видно изъ доклада M. Charvein. Revue péniteintiaire, № 2, за 1896 г.

кимъ дурнымъ внушеніямъ и совершаютъ побѣги безъ всякихъ видимыхъ причинъ *).

Типъ зданій въ лагеряхъ учрежденія въ Baie du Prony такой же, какъ и въ пенитенціаріи въ La Foa **). Заключеннымъ въ нихъ даются небольшіе участочки земли, на которыхъ они разводятъ въ свободное время, по своему вкусу, маленькіе сады-огороды и пользуются ихъ продуктами. Пищевое довольствіе зачисленныхъ въ sections mobiles обходится въ 70 сант., а всѣхъ остальныхъ въ 47 сант. въ день. Разница происходитъ отъ того, что первые, сверхъ общей арестантской порціи, получаютъ еще ежедневно кофе и вино ($\frac{1}{4}$ литра).

Релегированные, въ противоположность каторжнымъ, получаютъ за свою работу, которая обязательна также въ теченіе 8 час. въ день, опредѣленную плату отъ 49 сант. до 1 фр. въ день (въ зависимости отъ различія въ рабочихъ познаніяхъ). Половина ея поступаетъ въ резервный фондъ работающаго, а половина выдается ему на руки и обыкновенно вся безъ остатка расходуется имъ въ стѣстной лавочкѣ (cantine).

Дисциплинарныя наказанія въ учрежденіи назначаются въ довольно значительномъ числѣ. Такъ, въ теченіе 1895 года на населеніе, все время не превышавшее 662 чел. ***), было назначено 2034 дня лишенія права дѣлать закупки въ стѣстной лавочкѣ (наказанныхъ было 49 чел.), 1084 ночей тюрьмы (наказ. 89 чел.), 2160 сут. заключенія въ кельѣ (наказ. 98 ч.), 184 сут. заключенія въ карцерѣ (наказ. 11 чел.) и 900 сут. заключенія въ дисциплинарномъ отдѣленіи (наказ. 8 чел.) ****).

*) За первый побѣгъ назначается тюремное заключеніе до 2 лѣтъ, а за второй—до 5 лѣтъ.

**) Нѣкоторыя зданія деревянные, а нѣкоторыя каменные. Всѣ новыя зданія, возводимыя тюремной администраціей, каменные.

***) Въ январѣ было 336 ч.; въ послѣдующіе мѣсяцы шло постепенное увеличеніе до цифры 662, выпадающей на декабрь.

****) Въ теченіе двухъ лѣтъ (1894 и 1895 г.г.) различными судами было

На большое число наказаній указываетъ и генеральный прокуроръ въ своемъ отчетѣ и приводитъ слѣдующія цифровыя данныя. Въ учрежденіи *île des Pins* на среднее число 1376 чел. въ 9 первыхъ мѣсяцевъ 1895 г. было назначено 5145 ночей тюрьмы, 6517 сут. заключенія въ кельѣ и 1664 сут. заключенія въ карцерѣ. Не безынтересно отмѣтить, что въ докладѣ, которымъ былъ вызванъ декретъ 4 сентября 1891 года, о декретѣ 18 іюня 1880 года (имъ опредѣлялись условія дисциплины въ періодъ, предшествовавшій изданію новаго декрета) содержится слѣдующій характерный отзывъ: «Изданный подъ вліяніемъ филантропическихъ идей той эпохи и подъ вліяніемъ теорій, весьма возвышенныхъ, конечно, но иногда опасныхъ по ихъ послѣдствіямъ, этотъ декретъ, авторы котораго имѣли въ виду, повидимому, только цѣль нравственнаго исправленія, отвелъ слишкомъ много мѣста снисходительности, назначая для транспортируемыхъ такія же наказанія, какія примѣняются и во флотѣ».

IX.

Если въ учрежденіяхъ французской ссылки въ Новой Каледоніи и не примѣняются или почти не примѣняются, какъ уже упомянуто выше, какія-либо средства воздѣйствія для нравственнаго исправленія заключенныхъ, безъ котораго дѣйствительное достиженіе цѣлей тюрьмы почти неосуществимо, то мѣръ укрощенія, въ собственномъ смыслѣ послѣдняго слова, въ нихъ существуетъ очень много и даже, можетъ быть, слишкомъ много.

Кромѣ дисциплинарныхъ наказаній, налагаемыхъ въ пенитенціаріяхъ и лагеряхъ, для укрощенія такъ называемыхъ

осуждено 406 релегированныхъ мужчинъ и 23 женщины. За то же время было назначено 4924 отдѣльныхъ дисциплинарныхъ наказаній для мужчинъ и 139 для женщинъ.

неисправимыхъ (incorrigibles) назначается еще, согласно декрету 4 сентября 1891 г., заключеніе въ особые *quartiers* и *camps disciplinaires*, въ которыхъ примѣняется и особо суровая дисциплина *). Переводъ въ эти отдѣленія назначается директоромъ тюремной администраціи, по представленіямъ начальниковъ пенитенціаріевъ, основывающихся на мнѣніяхъ дисциплинарныхъ комиссій. Продолжительность пребыванія въ дисциплинарномъ отдѣленіи не опредѣляется никакимъ *maximum*омъ, а поставлена въ зависимость отъ поведенія и успѣшности работы заключеннаго, съ единственнымъ только ограниченіемъ, что она не можетъ быть менѣе 6 мѣсяцевъ.

Я имѣлъ случай осмотрѣть въ сопровожденіи директора тюремной администраціи дисциплинарное отдѣленіе, помѣщающееся, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ тюремныхъ учрежденій, на островѣ Nou.

Во время нашего посѣщенія въ немъ содержалось 77 ч. Всѣ они скованы по двое (одинъ за поясъ, а другой за ногу). Время работъ, за которыя они не получаютъ даже наградъ (*gratifications*), для нихъ продолжено до 10 час. въ день. На практикѣ они подраздѣляются администраціей отдѣленія на двѣ категоріи, — лучшихъ (такихъ было 33 чел.) и худшихъ (44 чел.). Первые работаютъ на открытомъ воздухѣ (ломали камень въ горѣ и подвозили его къ мѣсту колки), а вторые — на площадкѣ, обнесенной со всѣхъ сторонъ высокою каменною стѣною (они кололи камень). Тѣ и другіе работаютъ съ сохраненіемъ полного молчанія. Спятъ заключенные на голыхъ доскахъ, имѣя только одно байковое одѣяло, причемъ ноги ихъ продѣваются въ подвижныя желѣзныя кольца и тѣмъ самымъ прикрѣпляются къ нарамъ.

Въ отдѣленіи поддерживается самая суровая дисциплина. Всѣ ея нарушенія влекутъ за собою немедля строжайшія наказанія, состоящія въ заключеніи въ келью на срокъ до 4 мѣсяцевъ и въ карцеръ на срокъ до 2 мѣсяцевъ. Кар-

*) Генеральный прокуроръ склоняется при этомъ къ мнѣнію, что надлежащая мѣра строгости была перейдена.

перы не имѣють оконъ и снабжены двумя дверями. Для вентиляціи въ потолокъ помѣщаются выводящія трубы, а въ каждой изъ дверей, но на неравномъ разстояніи отъ земли, сдѣланы снизу маленькія отверстія для образованія тяги воздуха. Заключеннымъ въ карцеръ къ ногамъ прикрѣпляется толстая и тяжелая желѣзная палка при посредствѣ колець, въ которыя и продѣваются ноги.

Въ отдѣленіи примѣняется сверхъ того еще и наказаніе такъ называемой «дисциплинарной залой» до одного мѣсяца. Наказанные въ теченіе 12 час. ежедневно ходятъ на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга вокругъ стѣнъ большой комнаты, сохраняя полное молчаніе. Послѣ получаса ходьбы, они садятся на четверть часа на низенькіе каменные столбики, потомъ снова ходятъ, снова садятся и т. д. Наказаніе это считается самымъ тяжелымъ.

Несмотря, однако, на всѣ строгости, человѣкъ 20, по словамъ директора, остаются неукротимыми и неисправимыми.

Какъ вліяетъ дисциплинарное отдѣленіе на заключенныхъ въ немъ, объ этомъ мнѣ пришлось слышать разсказъ отъ д-ра Condé, бывшаго врачомъ въ Сентъ Вигн, когда въ немъ помѣщалось это отдѣленіе. По словамъ доктора, всѣ заключенные страдали малокровіемъ. На осмотръ они являлись массажи. Однажды изъ 120 заключенныхъ явилось 108 чел. и только восемь оказались дѣйствительно больными, а остальные симулировали съ цѣлью получить временный отдыхъ отъ работъ. Изъ нихъ 40 чел. причинили себѣ различныя болѣе или менѣе важныя поврежденія, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ поврежденій закончились смертію, благодаря въ значительной мѣрѣ и истощенности организма. Въ числѣ часто являвшихся былъ одинъ двадцатилѣтній молодой человѣкъ. Докторъ сказалъ ему однажды: «Вы мнѣ докучаете своими частыми визитами и становитесь лѣнны работать. Берегитесь, я отмѣчу васъ здоровымъ, и вы будете наказаны. На это заключенный отвѣтилъ ему, что онъ вовсе не уклоняется отъ работъ, а только время отъ времени нуждается въ отдыхѣ отъ слишкомъ непосильной работы. Док-

торъ разрѣшилъ ему являться изрѣдка, и послѣ того заключенный ни разу уже не подвергался дисциплинарнымъ взысканіямъ. Впослѣдствіи докторъ указалъ на него губернатору, который распорядился освободить его изъ дисциплинарнаго отдѣленія, находя, что въ такомъ возрастѣ еще нельзя стать неисправимымъ *).

Кромѣ дисциплинарнаго отдѣленія на островѣ Nou помѣщается еще maison de détention, куда заключаются подвергшіеся наказаніямъ по суду (reclusion cellulaire или emprisonnement) за проступки и преступленія, совершенные въ ссылкѣ, а также и подслѣдственные **). Здѣсь они отбываютъ наказанія въ маленькихъ кельяхъ (приблизительно 2¹/₂ метра длины, около 2 шир. и 3 вышины) съ однимъ маленькимъ окошкомъ, затянутымъ коробкою, такъ что черезъ него видна только небольшая часть неба. Характерный отвѣтъ далъ при мнѣ директору одинъ изъ реклюзіонистовъ, заключенный за побѣгъ и кражу. Онъ былъ пойманъ и сильно избитъ канакми. На вопросъ директора, какъ онъ не боялся бѣжать, зная что онъ можетъ быть убитъ при поимкѣ, онъ отвѣтилъ съ какою-то странною улыбкою:—Для каторжнаго не страшно быть убитымъ, а только страшно быть изувѣченнымъ.—Такъ зачѣмъ же бѣжать?—Что дѣлать, г. директоръ, это единственное право, остающееся у каторжнаго.—Тогда нельзя и жаловаться.—Я и не жалуясь, г. директоръ, отвѣтилъ заключенный все съ тою же странною улыбкою.

Во время моего посѣщенія въ maison de détention было всего 114 чел., при чемъ—что весьма характерно—14 изъ нихъ были въ карцерахъ.

По отбытіи наказанія за содѣянное въ колоніи, каторжные снова возвращаются въ пенитенціаріи для продолженія

*) Выше было указано, насколько уменьшается пищевая порція при дисциплинарныхъ наказаніяхъ.

**) Здѣсь же помѣщаются заключаемые изъ дисциплинарнаго отдѣленія, подвергнутые въ дисциплинарномъ порядкѣ содержанію въ кельѣ или карцерѣ.

отбыванія каторжныхъ работъ, прерваннымъ новымъ наказаніемъ *).

На островѣ Нуи помѣщаются также убѣжище для престарѣлыхъ и неспособныхъ къ работамъ каторжныхъ, нуждающихся уже въ общественномъ призрѣніи (было 296 чел.) и очень хорошо устроенный главный госпиталь **), въ которомъ во время моего посѣщенія было 270 больныхъ (209 осужденныхъ, 56 освобожденныхъ (libérés) и 5 релегированныхъ). По словамъ доктора, между освобожденными наблюдается почти поголовно фізіологическая бѣдность—послѣдствіе ихъ прошлой и настоящей жизни; она осложняетъ и ухудшаетъ картину всѣхъ прочихъ болѣзней. То же органическое состояніе наблюдается и у осужденныхъ, но значительно рѣже ***). При главномъ госпиталѣ находится и особое отдѣленіе для душевно-больныхъ съ ясно выраженными формами болѣзни, которыхъ было 72 чел. (изъ нихъ 12 возбужденныхъ).

*) На Presqu'île Ducos мною осмотрѣно такое же учрежденіе, но только для освобожденныхъ изъ каторжныхъ работъ (libérés). Въ немъ помѣщаются бывшіе каторжные, отбывающіе новое наказаніе, и подслѣдственные.

**) Здѣсь я не упоминаю о депо, куда прибываютъ ссыльные изъ Франціи и гдѣ они остаются нѣкоторое время до распредѣленія по пенитенціаріямъ. Учрежденіе это не представляетъ особаго интереса.

***)) Крайняя степень фізіологической бѣдности (extrême degré de misère physiologique) отмѣчена и у осужденныхъ Гвіаны бывшимъ ея губернаторомъ M. Charvein. Revue pénitent., № 2. за 1896 г.

Ссылная колонизація Н. Каледоніи и поселенія ссыльных.

Х.

До сихъ поръ я говорилъ о карательныхъ учрежденіяхъ, но несомнѣнно, что самый важный и характерный элементъ всякой ссылки представляютъ не эти учрежденія, въ которыхъ отбываются наказанія и которыя съ равнымъ и даже большимъ удобствомъ и меньшими расходами могутъ быть устроены въ метрополіи, а послѣдующая штрафная колонизація. Эта послѣдняя въ Новой Каледоніи представляется двумя категоріями лицъ,—освобожденными (*libérés*), не получившими концессій, и концессіонерами. Послѣдніе представляютъ собою значительное меньшинство, нѣсколько похожее на исключеніе. По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, всѣхъ освобожденныхъ было 4415 чел., а концессіонеровъ только 884 чел.

Освобождаемые (*libérés*), не получившіе ранѣе концессій, предоставляются исключительно собственнымъ силамъ. Съ уничтоженіемъ платы за трудъ, почти всѣ они выходятъ на свободу безъ всякихъ денежныхъ средствъ, вслѣдствіе чего тѣмъ изъ нихъ, которые не находятъ скоро работы (ко времени моего посѣщенія, по причинѣ остановки въ сбытѣ никеля, работа нерѣдко находилась съ трудомъ), по словамъ завѣдующаго одной изъ мастерскихъ на островѣ Ноу, остается только воровать. Бѣжавшій со мною на пароходѣ въ Новую Каледонію служащій въ тюремной администраціи говорилъ мнѣ, что не будетъ преувеличеніемъ сказать, что половина всѣхъ освобожденныхъ, вновь совершающихъ проступки и преступленія, рецидивируютъ съ единственною цѣлью снова

попасть въ тюрьму, потому что они не находятъ средствъ существованія на свободѣ. Тюремная администрація приходитъ на помощь исключительно въ случаѣ болѣзней, когда освобождаемые могутъ быть помѣщаемы въ госпиталь, и въ случаяхъ неспособности къ работѣ, старости, хилости и увѣчій.

Для освобожденныхъ послѣдней категоріи на Presqu'île Ducos устроена колонія-убѣжище (во время моего посѣщенія въ ней было съ небольшимъ 200 чел.); каждому поступающему въ нее дается небольшой клочекъ земли для усадьбы и матеріалъ *) для постройки домика или скорѣе хижины. Хижины въ колоніи располагаются въ порядкѣ улицы. Постройка ихъ самая разнообразная по величинѣ, формѣ, матеріалу, внутреннему расположенію и проч.

Свой усадебный участокъ каждый прирѣваемый засаживаетъ, какъ и чѣмъ онъ хочетъ. Продукты огорода-сада служатъ отчасти для непосредственнаго улучшенія пищи, а отчасти идутъ на продажу для пріобрѣтенія денегъ на удовлетвореніе различныхъ нуждъ. Отъ тюремной администраціи прирѣваемые получаютъ уменьшенную порцію—750 грам. хлѣба, 200 грам. сырой говядины и нѣсколько овощей. Свою пищу они изготовляютъ сами. Содержаніе ихъ обходится въ 40 сант. въ день. Одежду, по правиламъ, они должны имѣть свою, но отъ времени до времени имъ раздаются старыя носильныя вещи. Давать новыя, по словамъ директора, имъ рѣшительно нельзя, потому что они сейчасъ же все пропьютъ.

Между прирѣваемыми есть и совершенно неспособные что-либо дѣлать (нечистоплотные паралитики) и потому нуждающіеся въ постороннемъ уходѣ. Такіе выдѣлены въ особый находящійся рядомъ поселокъ. Сверхъ того недавно выдѣлены въ особый поселокъ и болѣе молодые и беспокойные прирѣваемые, потому что они били и обижали стариковъ.

*) Они должны сами нарубить деревца въ лѣсу и принести или привезти ихъ на мѣсто.

Имъ воспрещено ходить къ послѣднимъ, но они приходятъ, и обиды продолжаются.

Колонія-убѣжище расположена вблизи тюрьмы и находится подъ наблюдениемъ администраціи послѣдней. Для повѣрки наличности призрѣваемыхъ, они разъ въ день собираются на перекличку.

Мелкое воровство и пьянство, повидимому, довольно развиты въ колоніи. По словамъ директора, призрѣваемые почти всегда сядятъ дома изъ боязни быть обокраденными.

Въ колоніи освобождаемые вообще пользуются крайне незавидною репутаціею. Въ описаніи Новой Каледоніи, о которомъ я уже упоминалъ выше, объ освобожденныхъ находится такой отзывъ: «номадъ по характеру, лѣнтяй по темпераменту, освобожденный предпочитаетъ работы въ копяхъ работамъ въ поляхъ» *). Мнѣнія, слышанныя лично мною, были не менѣе неблагопріятны. Объ освобожденныхъ отзывались, какъ о никуда негодныхъ рабочихъ, бродягахъ и пьяницахъ. Такъ, губернаторъ Новой Каледоніи, М. Feillet, при первой встрѣчѣ со мною рѣшительно высказался противъ ссылки, находя, что она стоитъ слишкомъ дорого и ничего не даетъ. Она, по его словамъ, не устрашаетъ и не исправляетъ. Онъ, губернаторъ,—ученикъ проф. Leveillé и прежде вполне раздѣлялъ взглядъ послѣдняго на ссылку, но, поживши въ ссыльной колоніи и приглядѣвшись близко ко всему, что происходитъ въ ней, онъ сталъ рѣшительнымъ противникомъ ссылки и полагаетъ, что и самъ проф. Leveillé, побывши подольше въ ссыльной мѣстности въ близкомъ соприкосновеніи съ условіями ея жизни, пришелъ бы къ тому же выводу **). Пока осужденные еще отбываютъ наказаніе—дѣло идетъ кое-какъ, но разъ они становятся освобожденными—

*) А между тѣмъ для отправки въ Новую Каледонію классификаціонною комиссіею отбираются лучшіе.

**) Въ настоящее время, повидимому, содѣйствуютъ и покровительствуютъ свободной колонизаціи острова, за счетъ штрафной. Rev. péniten., № 6 за 1898 г.

съ ними дѣлать нечего; въ качествѣ свободныхъ работниковъ и поселенцевъ-колонизаторовъ они не стоятъ ничего. Освобожденные—бродяги и бездѣльники по натурѣ.

Столь же опредѣленно высказался и исполнявшій должность директора департамента внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточены дѣла объ освобожденныхъ. По его мнѣнію, штрафная колонизація невозможна. «Превратите колонію исключительно въ штрафную и скажите освобожденнымъ: «Дѣлайте!» и они ничего не сдѣлаютъ. Штрафная колонизація поддерживается только новыми ежегодными присылками. Прекратите ихъ и скоро всѣ слѣды колонизаціи исчезнутъ». Освобожденные, говоря вообще,—бродяги и бездѣльники. Они неспособны къ труду. Если они и работаютъ, то только потому, что надо же чѣмъ-нибудь существовать. Большею же частью они бродяжатъ и передвигаются съ мѣста на мѣсто какъ-то безцѣльно. Въ копияхъ, какъ передавалъ мнѣ начальникъ лагеря въ Baie du Prony, по отношенію къ освобожденнымъ практикуются большія злоупотребленія. Они обязаны забирать всѣ товары въ хозяйскихъ лавочкахъ по весьма возвышеннымъ цѣнамъ и плохого качества. Благодаря такому порядку они обыкновенно должны и хозяева въ обезпеченіе отбираютъ у нихъ книжки и закабалютъ ихъ. Нѣкоторые уходятъ безъ книжекъ и потомъ заявляютъ, что потеряли ихъ, а нѣкоторые, хотя и рѣдкіе, обращаются съ жалобами, и тогда книжки, играющія роль паспортовъ, отбираются администраціей *).

Они нанимаются преимущественно въ копи, потому что тамъ можно болѣе зарабатывать и скорѣе пропивать. Освобожденные, за самыми рѣдкими исключеніями,—это дряблыя натуры, лишеныя предпріимчивости и неспособныя что-нибудь создавать. Если они и имѣли что, то растеряли по

*) Изъ циркуляра генеральнаго прокурора отъ 6 мая 1898 г. видно, что, такъ называемое, специальное бродяжество освобожденныхъ, не поступающихъ на работы, какъ кажется, увеличивается на островѣ. Rev. pénitén., № 6 за 1898 г.

тюрьмамъ. Алкоголизмъ между ними очень развитъ, а также и половой развратъ. Освобожденный всегда ищетъ женщину, которая бы содержала его доходами отъ торговли своимъ тѣломъ. И бываетъ, что одна женщина содержитъ трехъ такихъ тунеядцевъ.

Сходный отзывъ объ освобожденныхъ мнѣ далъ и заканчивавшій уже свою службу начальникъ лагеря въ Baie du Prony, M. Algis. По его словамъ, ссыльные, но конечно за нѣкоторыми исключеніями, до тѣхъ поръ только и работаютъ пока еще отбываютъ наказаніе. На свободѣ же они перестаютъ работать регулярно, переходятъ съ мѣста на мѣсто, работаютъ періодически и потомъ скоро проѣдаютъ и пропиваютъ весь заработокъ и, въ качествѣ поселенцевъ, не даютъ ничего.

Подобныя же мнѣнія мнѣ приходилось слышать и отъ лицъ, не принадлежащихъ къ тюремной администраціи. Даже тѣ изъ нихъ, которыя высказываются за необходимость сохраненія ссылки въ колоніи, выставляютъ главнымъ своимъ аргументомъ соображеніе, что, съ уничтоженіемъ ссылки, прекратятся выгоды, доставляемыя приливомъ казенныхъ денегъ, расходуемыхъ на ея содержаніе и въ то же время сохранится худшая сторона послѣдней—освобожденные, которые обязаны оставаться въ колоніи.

Еще болѣе суровые отзывы объ освобожденныхъ—если только могутъ быть таковыя—находятся въ оффиціальныхъ документахъ. Въ докладѣ президенту республики отъ 13 января 1888 года говорится, что освобожденные безпрестанно передвигаются во всѣхъ направленіяхъ по колоніи, проводятъ большую часть времени въ бродяжествѣ или живутъ на счетъ тѣхъ своихъ сотоварищей, которые нанялись работать внутри страны у свободныхъ поселенцевъ. Въ докладѣ отъ 29 сентября 1890 г. къ этому добавляется, что освобожденные служатъ причиною многочисленныхъ жалобъ со стороны колониальныхъ властей. Послѣднія, не колеблясь, заявляютъ, что освобожденіе (*libération*) съ обязательнымъ послѣдующимъ пребываніемъ въ колоніи въ томъ видѣ, какъ это

освобожденіе практикуется, представляет собою одно изъ самыхъ вредныхъ послѣдствій (une des conséquences les plus défectueuses) транспортаци. Освобожденные большею частью бездѣльничаютъ; ихъ единственное занятіе состоитъ въ томъ, чтобы служить посредниками для заключенныхъ въ задумываемыхъ послѣдними преступленіяхъ. Не имѣя легальныхъ средствъ существованія и не дѣлая сбереженій, они скоро становятся тягостью для государства, которое вынуждается давать имъ пріютъ въ своихъ депо. «Однимъ словомъ»—говорится въ докладѣ—«освобожденные вмѣсто того, чтобы быть источникомъ колонизаци, сдѣлались ея язвою».

М. Charvein свидѣтельствуетъ также, что освобожденные (libérés) въ Гвіанѣ—по крайней мѣрѣ до сихъ поръ—не проявили качествъ, нужныхъ для колонизаци. Они группируются въ пригородныхъ мѣстностяхъ Каены и занимаются тамъ различными предосудительными промыслами. Они не смѣшиваются съ свободнымъ населеніемъ, которому внушаютъ непреодолимое отвращеніе, и по его, Charvein, мнѣнію, принадлежатъ къ числу людей, съ которыми невозможна колонизаци. Для развитія колоній, онъ рекомендуетъ поэтому пользованіе только одними заключенными для выполненія различныхъ работъ *).

Въ виду столь печальнаго положенія дѣлъ, французское правительство подчинило освобожденныхъ строгому надзору и поставило ихъ въ положеніе полусвободы (demi-liberté). Согласно декретамъ президента республики отъ 13 января 1888 года и 29 сентября 1890 г., освобожденные, для доказательства того, что они находятся въ колоніи, обязаны являться къ представителямъ власти на ежегодные и единовременные призывы. Первая неявка влечетъ за собою тюремное заключеніе отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года, а рецидивъ—отъ четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. При перемѣнѣ мѣста, освобожденные обязаны заявлять объ этомъ

*) Revue pénitent., 1896 г. № 2.

указаннымъ властямъ прежняго и новаго мѣстапробыванія. Сверхъ того они обязаны доказывать и законность средствъ своего существованія. Въ противномъ случаѣ они разсматриваются, какъ бродяги, и наказываются, какъ таковыя (§ 270). Всѣ освобожденные обязательно снабжаются особыми книжками, въ которыхъ дѣлаются отмѣтки о явкахъ, о заключаемыхъ съ ними условіяхъ найма въ работы и проч. *).

Несмотря, однако, на эти весьма строгія административныя мѣры, положеніе дѣлъ не улучшается, какъ видно изъ приведенныхъ мною отзывовъ вполне компетентныхъ лицъ, и освобожденные и въ настоящее время остаются тѣмъ же, чѣмъ они были и ранѣе. Изъ полученныхъ мною свѣдѣній видно, что въ 1894 и 1895 годахъ на освобожденныхъ въ административномъ порядкѣ наложено 413 наказаній, а число наказаній по суду за то же время достигало 1951. Возвращавшійся со мною изъ Каледоніи закончившій свою службу начальникъ одного изъ пенитенціаріевъ, М. Bardoux, откровенно говорилъ мнѣ, что онъ не вѣритъ въ возможность штрафной колонизаціи. Существуютъ примѣры удачи, но они—рѣдкія исключенія. Осужденные слишкомъ портятся во время долгаго пребыванія въ тюрьмахъ, чтобы дѣлаться хорошими поселенцами послѣ освобожденія.

Многія лица, съ которыми приходилось говорить мнѣ (напр., Boyer, Jouve, Condé), усиленно жаловались, что свободныхъ людей заставляютъ жить съ преступниками, и рѣшительно утверждали, что подъ вліяніемъ освобожденныхъ нравы населенія портятся въ значительной мѣрѣ. Докторъ Condé передавалъ мнѣ, напр., что ему извѣстенъ центръ (около 300 ч.), гдѣ для работъ употребляютъ до 100 человѣкъ освобожденныхъ и каторжныхъ. Нравы населенія этой мѣстности, по словамъ доктора, самые плачевные, потому что и взрос-

*) Изъ общаго числа 4415 освобожденныхъ (на 31 марта 1896 г.) въ убѣжищѣ призрѣвалось 267 чел., въ больницѣ—79 чел., въ убѣжищѣ для страдающихъ проказою—9 чел. и въ убѣжищѣ для душевно-больныхъ—17 чел.

лые, и дѣти подвергаются постоянному вліянію развращенныхъ ссыльныхъ, слышатъ ихъ разговоры и сужденія и видятъ ихъ поступки. Нерѣдко въ одной комнатѣ, на одной кровати спятъ хозяинъ съ хозяйкой, на другой—ихъ дѣти, а на третьей—одинъ или два ссыльныхъ, печальныя послѣдствія вліянія которыхъ на всѣ стороны семейной жизни, при такой близости, не трудно предвидѣть.

XI.

Другимъ элементомъ штрафной колонизаціи въ Новой Каледоніи служатъ, такъ называемые, концессіонеры, которые, какъ уже было замѣчено, представляютъ собою исключеніе. Большинство изъ нихъ, а именно 491 на 884, принадлежитъ къ числу осужденныхъ, еще отбывающихъ наказанія, и только меньшинство—393 чел.—къ числу освобожденныхъ. Изъ релегированныхъ нѣтъ ни одного концессіонера.

До послѣдняго времени, по свидѣтельству официальныхъ документовъ, въ дѣлѣ раздачи земель въ концессіи существовало чрезвычайно много недостатковъ. Земли раздавались весьма легко. Концессіонеры имѣли полную возможность отчуждать и передавать свои концессіи и вовсе не цѣнили безъ труда доставшагося поощренія. Получая содержаніе въ теченіе 30 мѣсяцевъ, слѣдовавшихъ за отводомъ земли, многіе изъ нихъ рассматривали полученіе концессіи только какъ средство временно пожить получше и посвободнѣе. Нѣкоторые же, не зная земледѣлія и не умѣя вести хозяйство, просто забрасывали свои земли, которыя, будучи рассматриваемы, какъ ихъ собственность, становились безхозяйными пустырями.

Постороннія лица не упускали случаевъ пользоваться слабостями концессіонеровъ, особенно ихъ слабостью къ алкоголю, опутывали ихъ ростовщическими долгами и легко

присвоивали себѣ ихъ концессіи. Начальникъ пенитенціарія въ Bougail, M. Pennel, рассказывалъ мнѣ, что въ своемъ округѣ онъ знаетъ, какъ онъ выразился, «двухъ акулъ» (одинъ жандармъ, а другой реабилитированный осужденный), которыя «за его время» (онъ тамъ съ 1893 г.), при посредствѣ ростовщическихъ сдѣлокъ и возбужденій, «проглотили» до 60 концессионеровъ

Неудовлетворительному положенію дѣлъ съ раздачей концессій пытается помочь декретъ 18 января 1895 г., а вслѣдъ за нимъ и практика послѣдняго времени. Согласно декрету, концессіи могутъ быть даваемы только осужденнымъ перваго класса, т. е. лицамъ, отбывшимъ не менѣе половины срока наказанія (для срочныхъ), или не менѣе 10 лѣтъ (для безсрочныхъ), отличающимся хорошимъ поведеніемъ и работою и имѣющимъ нѣкоторую сумму сбереженій *). Размѣръ послѣдней опредѣляется губернаторомъ съ согласія министра, но не можетъ быть менѣе 100 фр. Директоръ тюремной администраціи пояснилъ мнѣ, что въ настоящее время онъ представляетъ къ полученію концессій только тѣхъ, которые успѣшно выдержали пробный стажъ въ работахъ у частныхъ лицъ.

Сначала концессіи даются предварительно и условно. Онѣ могутъ стать окончательными только по прошествіи 5 лѣтъ. Въ теченіе этого времени концессіи не могутъ быть ни отчуждаемы, ни сдаваемы въ наемъ.

Концессіи раздаются не бесплатно, какъ прежде, а подъ условіемъ ежегоднаго платежа ренты (не менѣе 10 и не болѣе 20 фр. за гектаръ) или единовременной уплаты капитальной суммы какъ за землю, такъ и за возведенныя на ней постройки (въ видахъ затрудненія отчужденій, земли цѣнятся значительно выше своей стоимости, а именно—отъ 400 до 600 фр. за гектаръ).

Концессіи дѣлятся на сельскія (такихъ, конечно, громадное большинство) и городскія для лицъ, занимающихся ре-

*) Освобожденные (libérés) вносятъ эту сумму въ видѣ залога. Изъ послѣднихъ свѣдѣній, опубликованныхъ въ Revue pénitentiaire (№ 6 за

меслами. Согласно декрету, ремесло такого концессионера должно быть признано необходимым для нужд сельского хозяйства. Въ La Foа мнѣ пришлось видѣть двѣ городскія концессіи. Одинъ концессионеръ занимался сапожно-башмачнымъ ремесломъ, а другой—парикмахерскимъ. Вся сумма ренты за такія концессіи не менѣе 10 и не болѣе 50 фр. въ годъ. Количество земли, даваемой въ концессію, бываетъ различно и опредѣляется въ зависимости отъ качествъ земли и отъ числа членовъ въ семьѣ концессионера. Во всякомъ случаѣ оно не можетъ быть менѣе 3 гектаровъ и болѣе 10 (при городскихъ концессіяхъ не менѣе 10 и не болѣе 20 аровъ).

Земли въ концессію даются расчищенными и съ построеннымъ уже на нихъ домомъ. Видѣнные мною дома состояли изъ двухъ средней величины переднихъ комнатъ и пристроенныхъ къ нимъ сзади кухни и кладовой

. Тюремная администрація оцѣниваетъ такія постройки въ 800 фр., а самимъ концессионерамъ, по словамъ М. Renne, онѣ обошлись бы, несомнѣнно, дороже. Концессионеры получаютъ также орудія обработки (но не скотъ), обзаведеніе, одежду и постель, за которыя они должны въ послѣдствіи уплатить деньги по оцѣнкѣ. Имъ сверхъ того выдается содержаніе въ теченіе 6 мѣсяцевъ (владѣльцамъ городскихъ концессій въ теченіе 3-хъ).

Концессионеръ обязанъ обработать половину своего участка въ теченіе перваго года и весь участокъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Съ этого послѣдняго срока начинается и платежъ ренты.

Предварительно и условно данныя концессіи отбираются отъ концессионеровъ въ случаѣ неплатежа ренты (то же, конечно, имѣетъ мѣсто и по отношенію къ окончательнымъ концессіямъ, если за нихъ не внесена капитальная сумма), въ случаяхъ побѣга или покушенія на него и присужденія

1898 г.) видно, что земли въ большемъ количествѣ начинаютъ предоставляться свободнымъ поселенцамъ.

къ уголовному наказанію. Онѣ могутъ быть отбираемы и въ случаяхъ присужденія къ наказанію исправительному, а также въ случаяхъ дурнаго поведенія и нарушенія другихъ условій, на которыхъ даны. Отобраніе концессій отъ осужденныхъ, еще не отбывшихъ наказанія, сопровождается водвореніемъ бывшихъ концессіонеровъ въ пенитенціаріи.

Таковы правила декрета. Надо думать, что, при ихъ примѣненіи, число концессіонеровъ, по отношенію къ числу освобожденныхъ, еще уменьшится и положеніе концессіонера сдѣлается болѣе рѣдкимъ исключеніемъ. Начальникъ отдѣленія въ министерствѣ колоній, M Schmidt, говорилъ мнѣ, что онъ полагаетъ, что теперь концессіи станутъ исключеніемъ, и даже рѣдкимъ. Самъ проф. Leveille, повидимому, представляется сторонникомъ колонизаціи при посредствѣ свободныхъ поселенцевъ, для которыхъ ссыльные должны только готовить земли и вообще доставлять рабочія руки колоніямъ. (*Revue pénitent.*, № 3 за 1896).

Лично я имѣлъ случай осматривать нѣкоторыя концессіи въ самомъ селеніи La Foa и въ расположенномъ вблизи отъ него центрѣ концессіонеровъ—Farino. При обходѣ и объѣздѣ, я разспрашивалъ владѣльцевъ концессій о ихъ прежней профессіи, о причинахъ ихъ ссылки, о времени, проведенномъ въ пенитенціаріи, о времени полученія концессій, ихъ доходности и проч.

Всѣ концессіонеры находятся подъ бдительнымъ наблюденіемъ должностныхъ лицъ: начальника пенитенціарія, начальника центра (округъ, заселенный концессіонерами) и живущаго среди нихъ начальника секціи (подраздѣленіе центра). Эти лица посѣщаютъ концессіонеровъ, освѣдомляются о ихъ работахъ, результатахъ послѣднихъ и проч.

Въ Farino основное занятіе концессіонеровъ состоитъ въ прибыльномъ разведеніи кофе. Концессіи разбросаны особняками въ горахъ на сравнительно большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Такое расположеніе имѣетъ свои выгоды, затрудняя возможность образованія центровъ преступности, но имѣетъ и свои большія невыгоды. Значительное число

концессионеровъ — люди совершенно одинокіе. Семьи изъ Франціи прїѣзжаютъ къ немногимъ. За послѣдніе два года такихъ случаевъ было всего 8. По словамъ одного изъ служащихъ въ тюремной администраціи, такіе концессионеры чаще становятся на ноги, что и должно ожидать. Семьи перевозятся на казенный счетъ, но онѣ могутъ послѣдовать за сосланными только тогда, когда послѣдніе уже переведены въ первый классъ, получили концессіи и имѣютъ поэтому средства къ жизни. Нѣкоторые, конечно, женятся уже въ колоніи, по полученіи концессій, но и такихъ также немного. Въ Farino изъ всѣхъ 307 концессионеровъ только 53 женатыхъ. Одиночество концессионеровъ, съ одной стороны, не мало препятствуетъ успѣху ихъ хозяйства, а съ другой — затрудняетъ имъ возможность оберегать ихъ имущество отъ покражъ, которыя, повидимому, не рѣдки въ поселеніяхъ. Даже двое изъ видѣнныхъ мною концессионеровъ жаловались, что ихъ обкрадываютъ или по ночамъ, или во время ихъ отсутствія. Сверхъ того одиночество въ горахъ можетъ весьма неблагоприятно отражаться и на психической сторонѣ владѣльцевъ концессій — людей съ болѣе или менѣе отягощеннымъ прошлымъ.

М. Rennel передавалъ мнѣ, напр., что однажды къ нему явился концессионеръ и заявилъ, что хочетъ отказаться отъ концессіи. Послѣ долгихъ разспросовъ оказалось, что концессионеръ рѣшительно не можетъ переносить вечерняго и ночного одиночества въ своемъ уединенномъ жилищѣ, гдѣ тѣнь жертвы преслѣдуетъ его.

Не будучи совершенно знакомъ съ мѣстомъ, я, конечно, могъ осмотрѣть только тѣ концессіи, которыя мнѣ показали *). Всѣ видѣнные мною концессионеры болѣе или менѣе успѣвали, благодаря прекрасному и вполне обеспеченному сбыту

*) Въ одномъ изъ домовъ я видѣлъ портретъ царствующаго Государя Императора, нарисованный самимъ концессионеромъ съ какой-то гравюры, сдѣланной въ то время, когда Государь былъ еще Наслѣдникомъ Престола. Рядомъ висѣли двѣ гравюры: одна, изображающая русскую кавалерію, а другая — встрѣчу русскихъ моряковъ въ Парижѣ.

кофе. Одинъ имѣлъ, напр., 7000 кофейныхъ деревьевъ; изъ нихъ 5000 уже давали сборъ. По расчету концессионера, его валовой доходъ въ томъ году (1896 г.) долженъ былъ равняться 5000 фр.

Мнѣ пришлось слышать (отъ М. Thomas), что за послѣднее время, съ распространеніемъ разведенія кофе и съ увеличеніемъ спроса и цѣны на него, концессионное дѣло улучшилось. На 3 годъ послѣ посадки кофейное дерево уже приноситъ доходъ. Одно дерево даетъ въ среднемъ одинъ килограммъ кофе, цѣна котораго 2 фр. 50 сант. и выше. Сравнительная легкость посадки и ухода и высокая доходность, дающая возможность не только удовлетворять всѣмъ текущимъ потребностямъ, но еще и дѣлать сбереженія, будто-бы возбудили между концессионерами большую охоту заниматься хозяйствомъ, которое прежде, при разведеніи бобовъ и маиса, шло гораздо хуже.

Впрочемъ, здѣсь нелишне будетъ замѣтить, что начальникъ секціи, подъ наблюденіемъ котораго состоитъ 74 концессіи, передавалъ мнѣ, что за время его годичнаго пребыванія два концессионера уже возвращены въ пенитенціарій, а третій находится подъ сомнѣніемъ. Изъ полученныхъ же мною общихъ свѣдѣній видно, что въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ концессіи были даны 36 лицамъ, а отобраны у 107 чел. Но изъ тѣхъ же свѣдѣній видно, что концессионеровъ, владѣющихъ концессіями въ теченіе времени отъ 5 до 10 лѣтъ,—608 чел., а владѣющихъ ими въ теченіе времени отъ 1 года до 5 лѣтъ—276 человекъ.

О нравственности концессионеровъ мнѣ приходилось слышать нѣкоторые весьма неблагопріятные отзывы. Насколько справедливы они—я, конечно, провѣрить не могъ, но долженъ сказать, что однажды мнѣ пришлось присутствовать при спорѣ свободного колониста, М. Вуег, одного изъ крупныхъ производителей кофе въ Новой Каледоніи, живущаго въ ней уже 22 года, съ начальникомъ пенитенціарія въ Bourail, М. Реннелъ, о пользѣ штрафной колонизаціи. М. Вуег горько жаловался на то, что поселенія концессионеровъ все болѣе приближа-

ются къ его плантаціямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и безопасность его имущества. При этомъ онъ опирался на факты и приводилъ не мало примѣровъ болѣе или менѣе смѣлыхъ и важныхъ кражъ, произведенныхъ у него концессионерами и освобожденными, о которыхъ онъ отзывался очень неблагопріятно. М. Rennele не могъ опровергнуть его доводовъ и противопоставить имъ серьезныхъ возраженій.

Особенно неблагопріятнымъ по отношенію къ нравственной и экономической сторонамъ жизни ссыльныхъ представляется вопросъ о бракахъ. Какъ я уже имѣлъ случай сказать, къ ссыльнымъ семьи изъ Франціи пріѣзжаютъ очень рѣдко, и женщины, для основанія новыхъ семей, доставляются ссылкой. Прежде присылали и изъ центральныхъ тюремъ преступницъ, изъявившихъ желаніе вступить въ бракъ съ ссыльными, но теперь эта присылка, въ виду ея неблагопріятныхъ послѣдствій, прекращена. Остаются только однѣ релегированныя женщины, которыя, по закону, должны быть водворяемы въ колоніяхъ. Это самый худшій рязрядъ преступницъ (средній ихъ возрастъ около 40 лѣтъ), прошлое которыхъ отмѣчено ранней проституціей, пьянствомъ, мелкими проступками и преступленіями. Бывшій начальникъ пенитенціарія, М. Bardoux, говорилъ мнѣ, что если заключенный, благодаря стойкости и независимости своего характера, и уберется отъ конечной порчи въ тюрьмѣ, то послѣ выхода изъ нея и полученія концессіи онъ столкнется съ роковымъ для него вопросомъ о бракѣ и основаніи семьи, который легко послужитъ причиною его гибели. Порядочной женщины, жены и хозяйки онъ не найдетъ, а найдетъ изжитую проститутку и пьяницу, которая внесетъ въ домъ всѣ дурныя свойства своей натуры.

Слышанные мною отзывы единогласно утверждаютъ, что развратъ въ семьяхъ концессионеровъ и освобожденныхъ въ значительной мѣрѣ развитъ. Релегированныя женщины выходятъ замужъ главнымъ образомъ съ цѣлью имѣть возможность свободно предаваться проституціи, къ которой ихъ мужья большею частью относятся также весьма легко и не-

рѣдко, ради корысти, поощряють ее. По словамъ д-ра Condé, браки ссыльныхъ, говоря вообще,—не болѣе, какъ проституція. М. Feillet въ засѣданіи главнаго тюремнаго общества называлъ ихъ ужасающими (*épouvantables*). Женихи охотно продають за 20 и 30 фр. первую ночь своихъ невѣстъ. Къ сходнымъ заключеніямъ относительно Гвіаны приходитъ и М. Charvein. По его словамъ, браки въ штрафной средѣ давали только отрицательные результаты и заключались съ дурными побужденіями.

Браки ссыльныхъ заключаются большею частію въ возрастѣ уже довольно пожиломъ, неблагоприятное значеніе котораго для нисходящихъ еще болѣе увеличивается предшествующими излишествами и сопровождающею ихъ истощенностью обоихъ супруговъ. Потомство, происходящее отъ такихъ браковъ, по большинству слышанныхъ мною отзывовъ, не даетъ ничего хорошаго. По словамъ исправлявшаго должность директора департамента внутреннихъ дѣлъ, мальчики еще чаще удаются и становятся порядочными *stockmen*'ами, т. е. погонщиками стадъ; дѣвочки же большею частью съ ранняго возраста увлекаются проституціей. Тюремная администрація старается противодѣйствовать злу и содержитъ интернаты, но выходящія изъ нихъ дѣвушки также легко впадаютъ въ проституцію. До восемнадцатилѣтняго возраста, до котораго надъ ними продолжается опека, онѣ еще ведутъ себя порядочно, а послѣ того легко сбиваются съ пути и попадаютъ на дорогу разврата. То же пришлось слышать и отъ другихъ лицъ. Докторъ Condé передавалъ, напр., что всѣ извѣстныя ему питомицы интерната, вышедшія замужъ, вели себя дурно. Даже защитники ссылки, какъ, напр., М. Thomas, не отвергають испорченности потомства ссыльныхъ, а только надѣются, что въ два или три поколѣнія оно выправится.

Эту испорченность одни относятъ главнымъ образомъ на долю наслѣдственности, а другіе — на долю развращающихъ примѣровъ въ семьѣ и окружающей среды, состоящей изъ ссыльныхъ.

Для дѣтей концессіонеровъ тюремная администрація содержитъ интернаты: для мальчиковъ въ Bourail, а для дѣвочекъ—въ Fonwari. Воспитаніе въ первомъ ведется братьями религіознаго ордена, а во второмъ—сестрами ордена St. Joseph de Cluny. Я имѣлъ случай осмотрѣть только послѣдній, проѣздомъ въ La Foa. Онъ рассчитанъ на 138 дѣвочекъ, которыхъ во время моего посѣщенія было 134. Однѣ взяты тюремною администраціей потому, что родители ихъ лишены родительской власти. Другія помѣщены добровольно самими родителями съ условіемъ оставить ихъ на попеченіи заведенія до шестнадцати, а по усмотрѣнію администраціи и до восемнадцатилѣтняго возраста, подъ угрозою размѣщенія въ противномъ случаѣ всѣхъ издержекъ содержанія, считая по 425 фр. въ годъ.

Въ заведеніи дѣвочки получаютъ первоначальное образованіе и обучаются работамъ въ саду - огородѣ, шитью, хозяйству и пѣнію. Содержаніе каждой воспитанницы обходится въ 400 фр. въ годъ, исключая стоимости содержанія и платы сестрамъ. Ихъ восемь; онѣ получаютъ сравнительно скудное вознагражденіе (600 фр. въ годъ) и отдаются дѣлу по призванію.

Тюремная администрація имѣетъ въ виду устраивать браки между своими питомцами и питомицами, которыхъ она размѣщаетъ и на мѣста къ частнымъ лицамъ.

Вотъ тѣ данныя, которыя удалось собрать мнѣ о французской ссылкѣ въ Новую Каледонію. Мѣстные жители, насколько пришлось слышать ихъ мнѣнія, въ большинствѣ случаевъ высказываются противъ ссылки и желаютъ ея уничтоженія. По замѣчанію M. Feillet, пока нѣтъ свободныхъ поселенцевъ—нѣтъ и колонизаціи; являются свободные поселенцы—начинаютъ слышаться требованія уничтоженія ссылки. Объ этомъ мнѣ еще ранѣе сообщалъ M. Schmidt. Но онъ не при-

давалъ серьезнаго значенія жалобамъ и объяснялъ ихъ желаніемъ свободнаго населенія Новой Каледоніи добиться путемъ ихъ различныхъ льготъ отъ министерства. Я, напротивъ, вынесъ иное впечатлѣніе изъ разговоровъ съ жителями и думаю, что желаніе ихъ вполне серьезно. Противъ каторжныхъ работъ — говорили мнѣ — мы ничего не имѣемъ; пусть ихъ увеличиваютъ, сколько хотятъ, но пусть насъ избавятъ отъ освобожденныхъ, которые составляютъ язву колоніи. Конечно — прибавляютъ — полное прекращеніе ссылки временно произведетъ замѣшательство и принесетъ вредъ нѣкоторымъ лицамъ, имѣющимъ дѣло съ тюремной администраціей, но потомъ все приспособится и пойдетъ лучше, если только выселять и освобожденных *).

XII.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ данныхъ о французской ссылкѣ въ Новую Каледонію, надо признать, какъ мнѣ кажется, что ссылка эта не удалась до сихъ поръ и не дала тѣхъ результатовъ, на которые рассчитывали при ея учрежденіи. Что ссылка въ Гвіану также не удалась до сихъ поръ — это признаетъ и М. Charvein. Онъ только относитъ неудачу на счетъ совершенныхъ ошибокъ и рекомендуетъ средства улучшенія. По этому поводу проф. Joly замѣчаетъ, что постоянно утверждаютъ, будто завтра будетъ лучше. Теперь говорятъ то же и приглашаютъ ждать. «Хорошо! будемъ ждать», восклицаетъ онъ. «Невозможно разсуждать о будущемъ, котораго не знаютъ и которое, какъ надѣются, будетъ лучше прошедшаго» (*Revue pénitentiaire*, № 2 и 3 за 1896 г.). Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, придавать сколько-нибудь серьезное значеніе, въ смыслѣ колонизаціи Н. Каледо-

*) Жалуются также, что масса рабочихъ рукъ, скопляемыхъ ссылкой, до сихъ поръ принесла мало пользы колоніи. Таково мнѣніе М. Feillet.

ніи, существующимъ 884 концессіямъ, тѣмъ болѣе, что еще неизвѣстно, сколько изъ нихъ сохранится окончательно за ихъ теперешними владѣльцами, нерѣдко, какъ мы видѣли, возвращаемыми въ пенитенціаріи. Уже послѣ моего посѣщенія Новой Каледоніи, губернаторъ острова, М. Feillet, подтвердившій мои отзывы и защищавшій меня отъ нападковъ французскихъ сторонниковъ ссылки, не бывшихъ на мѣстѣ, въ засѣданіи Société générale des prisons 17 марта 1897 года утверждалъ, что только $\frac{1}{3}$ изъ всѣхъ образованныхъ концессій можетъ считаться установившейся. При этомъ онъ сообщилъ, что прослѣдилъ судьбы 100 заурядъ взятыхъ концессій. Оказалось, что, по прошествіи 25 лѣтъ, изъ этого числа только 19 концессій остались въ рукахъ первоначальныхъ концессіонеровъ или перешли къ ихъ семьямъ.

Особенно ясна станетъ неудача ссылки, если мы сопоставимъ съ цифрою концессіонеровъ цифру освобожденныхъ, не получившихъ концессій (4022) и, по общему признанію, представляющихъ собою язву колоніи, и прибавимъ цифру коллективно-релегированныхъ (2813) *), которые въ сущности содержатся въ пожизненномъ заключеніи. Изъ этихъ трехъ цифръ будетъ видно, что практика французской ссылки въ Новую Каледонію думаетъ или пытается создать *упорядоченную штрафную колонію* (свободнаго населенія меньше, нежели штрафного) почти исключительно изъ штрафного рабочаго пролетаріата (*libérés*), да изъ лицъ отданныхъ въ пожизненное уголовное рабство (коллективно-релегированные), а это болѣе нежели сомнительно.

Конечно, съ внѣшней стороны, ссылка въ Новую Каледонію представляется сравнительно упорядоченной. Крѣпкая рука тюремной администраціи вполнѣ подчиняетъ себѣ какъ заключенныхъ, такъ и освобожденныхъ, создавая для послѣд-

*) Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ изъ индивидуально въ коллективно-релегированные было перечислено 58 чел. Если же полиція была бы бдительнѣе, то, по мнѣнію М. Vérignon, пожалуй, пришлось бы перечислить и всѣхъ.

нихъ положеніе пожизненно-полусвободныхъ людей. Но достигается это упорядоченіе почти исключительно путемъ примѣненія крайне суровыхъ мѣръ укрощенія и стѣсненія, а не тѣмъ исправленіемъ ссыльныхъ, на которое рассчитывали при введеніи ссылки и которое необходимо для сколько-нибудь правильной и прочной колонизаціи.

Французская ссылка, конечно избавляетъ метрополию отъ ея наиболѣе опасныхъ элементовъ, но въ то же время, не обезвреживая ихъ, она только концентрируетъ ихъ въ новомъ мѣстѣ—въ колоніи, будущность которой вслѣдствіе того представляется весьма сомнительной. По словамъ губернатора Новой Каледоніи, М. Feillet, съ постепеннымъ увеличеніемъ числа освобожденныхъ *), дѣло не улучшается, а, напротивъ, постепенно ухудшается.

Между тѣмъ государству ссылка стоитъ очень дорого и требуетъ съ его стороны большихъ жертвъ. Въ министерствѣ колоній мнѣ дали слѣдующія цифры: въ 1892 г. каждый ссыльный обходился въ 2 фр. 3 сант. ежедневно, въ 1893 г.—въ 2 фр. 12 сант. и въ 1894 г.—въ 2 фр. 10 сант. Если же къ этому присчитать и расходъ на излишекъ военной силы, содержимой вслѣдствіе существованія ссылки, то, по мнѣнію директора счетной части министерства колоній, М. de Lauvergne, ежедневный расходъ на ссыльнаго будетъ около 2 фр. 50 сант. Сверхъ того на самую пересылку въ Новую Каледонію расходуется 400 фр. на человека, а въ Гвіану—275 фр.

Заканчивая описаніе своей поѣздки въ отдаленную страну ссылки, считаю долгомъ выразить свою искреннѣйшую признательность представителямъ французской администраціи, съ которыми мнѣ пришлось имѣть дѣло. Необычайная любезность, предупредительность и полная готовность оказать возможное содѣйствіе—вотъ что я постоянно встрѣчалъ съ ихъ стороны.

*) Ежегодно въ колонію прибываетъ приблизительно 450 чел. транспортируемыхъ и столько же релегированныхъ.

Островъ Сахалинъ и его земельныя условія.

XIII.

Изъ Новой Каледоніи я проѣхалъ на островъ Сахалинъ а затѣмъ въ Приамурскій край и Сибирь и здѣсь, путемъ личнаго осмотра, познакомился съ соотвѣтствующими русскими учрежденіями. Личный осмотръ и ознакомленіе представили громаднѣйшій интересъ. Интересъ этотъ не только не умалялся, а еще увеличивался предшествующимъ изученіемъ и возможностью провѣрки. Особенно поучительно было для меня и представляло доказательную силу непосредственное сравненіе, сдѣланное на пространствѣ чрезвычайно короткаго времени, французскихъ и русскихъ учрежденій. Казалось: страна, національность, степень культуры, нравы, обычаи, пріемы... все было иное. Тѣмъ не менѣе въ основныхъ проявленіяхъ ссылка одной страны представляла собою какъ-бы воспроизведеніе ссылки другой. Сходство невольно бросалось въ глаза, останавливало на себѣ вниманіе и заставляло глубоко задумываться. Очевидно, вліяла однородность явленій, однородность установленій и—что главное—однородность матеріала, съ которымъ приходилось и приходится оперировать, сходство его основныхъ особенностей. Иного объясненія, по видимому, подыскать нельзя, при отсутствіи какихъ-либо взаимодѣйствій.

Особый интересъ, при ознакомленіи съ русскими учрежденіями, для меня представляла штрафная колонизація—поселеніе, потому что только поселеніе и составляетъ сущность ссылки. Каторга—это прибавокъ, который не находится ни въ какой прямой связи со ссылкой. Каторжная тюрьма, если

только въ мѣстности для нея есть достаточная и выгодная работа, съ одинаковымъ удобствомъ можетъ помѣщаться на Сахалинѣ, близъ Нерчинска, въ Орловской, Харьковской и во всѣхъ другихъ губерніяхъ и областяхъ нашего обширнаго отечества. Отъ перемѣны мѣста каторжная тюрьма ничего не приобрѣтетъ и не утратитъ. Вся разница будетъ состоять лишь въ томъ, что въ однѣхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., на отдаленныхъ окраинахъ, общая стоимость содержанія каторжника будетъ больше, а въ другихъ, расположенныхъ центральнѣе, она будетъ меньше. Ссылка, какъ таковая, начинается въ сущности со времени освобожденія каторжнаго изъ каторжной тюрьмы и со времени его перевода на поселеніе. Это ясно понимаютъ и мѣстные жители. Въ Новой Каледоніи, гдѣ свободные колонисты рѣшительно высказываются противъ ссылки, приходилось слышать заявленія, что противъ каторжныхъ работъ они ничего не имѣютъ, пусть ихъ увеличиваютъ, сколько хотятъ, но пусть колонию избавятъ отъ освобожденныхъ, которые составляютъ ея язву.

XIV.

Свое ознакомленіе на мѣстахъ съ постановкою у насъ ссылки я началъ съ острова Сахалина, который въ этомъ отношеніи представляетъ особый интересъ, какъ послѣднее слово нашей ссылки. На островѣ наблюдается ея типъ, въ принципѣ основанный на системѣ широкой и всесторонней помощи выходящимъ на поселеніе ссыльнымъ, системѣ, при которой только еще и возможно пытаться организовать заурядовую ссылку съ какою-либо надеждою на успѣхъ. Безъ такой помощи, вырванные изъ семьи, изъ прежней обстановки и всѣхъ прежнихъ условій жизни ссылаемые преступники—если говорить о массѣ—во всякомъ случаѣ и послѣ отбытія каторги будутъ обречены въ далекой странѣ на самое бѣдственное, бродяжье суще-

ствованіе, усиленно предрасполагающее къ преступленію, и сверхъ того ссылка явится величайшею и незаслуженною тяготою для мѣстнаго населенія, какъ это и имѣетъ мѣсто въ Сибири.

Наибольшій интересъ и важнѣйшую часть примѣняемой на Сахалинѣ системы безспорно представляютъ поэтому поселенія, основываемыя съ немалыми затратами отъ казны.

Значительная гористость острова, недостатокъ въ приискиваемыхъ новыхъ мѣстахъ для поселеній, значительное перенаселеніе многихъ старыхъ поселковъ, сравнительно значительное число ссыльныхъ, отбывшихъ каторжныя работы и подолгу не отправляемыхъ на поселя, большое количество бездомовыхъ и бродягъ, весьма частыя жалобы на климатъ и дурные урожаи, усиленное стремленіе сахалинскихъ поселенцевъ бросать все свое домообзаводство, ставить крестъ на немъ и переселяться куда бы то ни было на материкъ, гдѣ поневолѣ приходится начинать съ начала—все это, вмѣстѣ взятое, на первыхъ же порахъ сосредоточило на себѣ мое вниманіе и заставило остановиться на вопросѣ, что такое представляетъ собою островъ Сахалинъ, какъ мѣсто для штрафной колонизаціи, которое должно поглощать весьма значительное число ссыльныхъ, ежегодно прибывающихъ изъ Европейской и Азіатской Россіи. Выяснить этотъ вопросъ только лично предпринятыми мною объѣздами и осмотрами я, конечно, не могъ, а потому и обратился за его разрѣшеніемъ къ болѣе компетентному въ данномъ случаѣ лицу—инспектору сельскаго хозяйства.

Г. фонъ-Фрикенъ уже давно служить на Сахалинѣ; онъ изѣздилъ и исходилъ островъ во всѣхъ направленіяхъ и потому сравнительно хорошо знаетъ его. Въ составленномъ имъ по моей просьбѣ обзорѣ онъ приходитъ къ слѣдующимъ главнѣйшимъ выводамъ: 1) болѣе или менѣе удобными для земледѣлія представляются средняя и южная части Сахалина; сѣверная же — приблизительно отъ 50°30' с. ш. — для него безусловно непригодна; 2) двѣ первыя трети острова, покрытыя въ значительной своей части горами, неудобными

для культуры, вмѣщаютъ въ себѣ сравнительно немного мѣстностей, годныхъ для земледѣлія; это—низменности, долины и достаточно широкіе распадки, расположенные среди горныхъ хребтовъ и ихъ отроговъ; 3) допуская возможность ошибки въ произведенномъ и, конечно, только приблизительно, на основаніи исключительно личнаго знакомства съ островомъ, расчетъ вѣроятнаго запаса годныхъ для земледѣльческой культуры земель, даже вдвое, должно прійти къ заключенію, что такихъ земель не болѣе, какъ на 3500 новыхъ хозяйствъ, считая по 3 десятины пахатной и усадебной земли на каждое. «И это, по моему крайнему убѣжденію, все, что можетъ вмѣстить Сахалинъ, кромѣ того, что онъ уже вмѣстилъ», говоритъ фонъ-Фрикенъ. Впрочемъ, приведенное заключеніе высказывается не безусловно. Запасъ земель для поселеній могъ бы быть нѣсколько увеличенъ, но такими угодьями, «которыя потребовали бы отъ населенія кромѣ весьма тяжелой работы по раскорчевкѣ изъ подъ дѣвственнаго лѣса, еще и нѣкоторыхъ другихъ такихъ же тяжелыхъ *) меліоративныхъ работъ, какими, на примѣръ, являются болѣе или менѣе коренная осушка болотъ, пережиганіе и глубокое перепаживаніе торфяниковъ, или улучшеніе физическихъ свойствъ почвъ изъ подъ хвойныхъ лѣсовъ, внесеніемъ въ нихъ обильнаго удобренія. Всѣ эти работы, однако, не подъ силу среднему (да и зажиточному) поселенческому хозяйству и едва-ли могутъ входить въ расчеты хозяевъ, смотрящихъ на свое пребываніе на островѣ Сахалинѣ, въ качествѣ земледѣльцевъ-колонизаторовъ, какъ на временное и скоропроходящее».

Таковы, повидимому, пространственныя условія Сахалина, какъ земледѣльческой штрафной колоніи, и таковъ вѣроятный запасъ свободныхъ земель на немъ.

*) Несмотря на дешевую цѣну рабочихъ рукъ на Сахалинѣ, за раскорчевку съ квадратной сажени берутъ по 5 к., что составитъ 120 или 160 р. (сороковую) за десятину.

Посмотримъ теперь, удалась и окрѣпла ли въ основанныхъ уже селеніяхъ подневольная земледѣльческая колонизація острова, ведущая какъ мы уже знаемъ свое начало съ 70-годовъ, когда для ссыльныхъ, которые не могли быть заняты всѣ въ Дуйскихъ каменноугольныхъ коняхъ, начали придумывать какія-нибудь работы? На поставленный вопросъ, къ сожалѣнію, пока приходится отвѣтить отрицательно. Неудачу земледѣльской колонизаціи признавалъ и бывшій Приамурскій генералъ-губернаторъ, покойный баронъ Корфъ. Штрафная колонизація Сахалина, по его мнѣнію, можетъ стать успѣшной только въ томъ случаѣ, если колонія будетъ сдѣлана промышленной, а занятіе сельскимъ хозяйствомъ будетъ въ ней занятіемъ подсобнымъ. Но вопросъ, насколько успѣшно можетъ быть осуществимъ такой планъ? Инспекторъ сельскаго хозяйства утверждаетъ, что только одна десятая часть всѣхъ поселенческихъ хозяйствъ острова имѣетъ какое-нибудь значеніе. Половина остальныхъ девяти-десятихъ колонистовъ ведетъ хозяйство для проформы (какъ иногда говорятъ здѣсь, «для начальства»), для полученія права на переходъ въ крестьянство, а другая половина вовсе не ведетъ его и представляется бродячей. Поселенцы этой категоріи живутъ въ мѣстахъ причисленій до тѣхъ поръ, пока получаютъ пайки. Но и въ это время они бродяжатъ по окружнымъ селеніямъ, а по прекращеніи выдачи пайковъ, что бываетъ черезъ два и три года, и вовсе разбредаются въ разныя стороны, вслѣдствіе чего число бездомовыхъ, т. е. «совершенно не приступавшихъ къ устройству своего быта», по округамъ представляется весьма значительнымъ. Въ Александровскомъ округѣ бездомовыхъ сс.-поселенцевъ 59,17%, такихъ же крестьянъ изъ ссыльныхъ—54,85%. Въ Тымовскомъ округѣ бездомовыхъ сс.-поселенцевъ—19,73%, крестьянъ изъ ссыльныхъ—39,07% и, наконецъ, въ округѣ Корсаковскомъ бездомовыхъ сс.-поселенцевъ—44,60%, и крестьянъ изъ ссыльныхъ—50,99%. При этомъ нужно замѣтить, что здѣсь въ число бездомовыхъ зачислены только совершенно неприступившіе къ устройству своего быта; имѣющіе же срубъ или вообще какое-

либо начало домообзаводства зачислены въ разрядъ владѣльцевъ. Нелишне будетъ прибавить, что въ Александровскомъ округѣ изъ 1124, такъ называемыхъ, «владѣльцевъ», принадлежащихъ къ разряду сс.-поселенцевъ, какой-либо скотъ имѣютъ 211 чел., изъ 363 «владѣльцевъ», принадлежащихъ къ разряду крестьянъ изъ ссыльныхъ,—210 чел.; въ Тымовскомъ округѣ изъ 1468 «владѣльцевъ» изъ сс.-поселенцевъ скотъ имѣютъ 447 чел., изъ 995 «владѣльцевъ» изъ крестьянъ изъ ссыльныхъ—462 ч.; въ Корсаковскомъ округѣ изъ 1150 «владѣльцевъ» изъ сс.-поселенцевъ скотъ имѣютъ 539 чел., изъ 393 «владѣльцевъ» изъ крестьянъ изъ ссыльныхъ—251 чел. При этомъ многимъ изъ лицъ, имѣющихъ скотъ, послѣдній въ сущности не принадлежитъ, потому что взятъ изъ казны и долгъ за него не уплаченъ.

Мнѣ даже пришлось слышать, что прилежные поселенцы-хозяева подвергаются укорамъ и нѣкоторому какъ бы преслѣдованію со стороны остальныхъ за то, что они будто бы желаютъ выставиться и выслужиться передъ начальствомъ.

Категорія «бездомовыхъ» составляется, съ одной стороны, изъ только-что упомянутыхъ колонистовъ, проживавшихъ и проживающихъ болѣе или менѣе долгое время въ селеніяхъ на казенныхъ пайкахъ, а, съ другой,—изъ сс.-поселенцевъ, еще не отправленныхъ на поселенія, за недостаткомъ участковъ, и ожидающихъ посылки иногда по году и болѣе. Тѣ и другіе, по большей части, пробиваются изо-дня въ день всегда болѣе или менѣе случайными, иногда легальными, а иногда и нелегальными (напр., провозъ водки, краденыхъ вещей, притоны разврата, воровство и проч.) заработками и промыслами. Вслѣдствіе этого, исканіе какого-либо труда всегда больше спроса на него. При осмотрѣ жилищъ въ посту Александровскомъ и при личныхъ разспросахъ, приходилось слышать жалобы, что на поселя они не отправляются, пайковъ не получаютъ и достаточной работы не могутъ найти. Отпускъ въ заработки на материкъ холостыхъ поселенцевъ былъ весьма стѣсненъ, а потому многіе мастеровые, почти или вовсе не находящіе на островѣ примѣненія своему труду и, въ ка-

чествѣ городскихъ жителей, мало способные къ земледѣльческимъ работамъ, уже вслѣдствіе этого, дѣйствительно, нерѣдко бывали осуждены на шатаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на постепенное ослабленіе своей работоспособности.

Тюремная администрація старается приходить на помощь къ безработнымъ, особенно въ массовыхъ случаяхъ, и, по возможности, приискивать для нихъ трудъ и заработокъ. Ихъ нанимаютъ для постройки зданій и баржъ *), для проведенія дорогъ, для доставки бревенъ, возки каменнаго угля и проч. Въ крайнихъ же случаяхъ неимѣющихъ работы сажаютъ временно на пищевое довольство изъ казеннаго котла, какъ это имѣло, напр., мѣсто въ 1894 г., когда человѣкъ болѣе 100 настойчиво ходатайствовали передъ начальникомъ острова о выдачѣ имъ содержанія.

При объѣздѣ селеній въ очень многихъ изъ нихъ невольно бросается въ глаза ихъ безхозяйность. Значительное число недостроенныхъ, непокрытыхъ или кое-какъ покрытыхъ и сколоченныхъ домовъ, заброшенныхъ срубовъ и избъ, отсутствіе дворовъ и надворныхъ построекъ—все, какъ будто, говоритъ о томъ, что обитатели смотрятъ на свое пребываніе въ нихъ, какъ на временное, только вынужденное, для улучшенія условій котораго не стоитъ поэтому и тратить труда. Хозяйство въ селеніяхъ ведется плохо, земли не удобряются и хлѣбъ сѣять по хлѣбу. По словамъ смотрителя поселеній Тымовскаго округа, «изъ обзора поселенческихъ хозяйствъ видно, что, по крайней мѣрѣ, 80% ихъ не удовлетворяютъ даже самымъ насущнымъ потребностямъ поселенца».

Посѣщая безъ выбора поселенческіе дома въ разныхъ селеніяхъ и спрашивая ихъ владѣльцевъ о житьѣ-бытьѣ въ присутствіи постороннихъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями, мнѣ почти всегда приходилось слышать жалобы и сѣтованія на «плохое житье», на постоян-

*) Для доставленія работы баржи строились съ убыткомъ.

ныя «нехватки», отсутствіе заработковъ, неурожаи, недостатокъ земель, разливы рѣкъ, туманы, вредящіе хлѣбамъ, поздніе морозы весною и ранніе осенью, дурныя и горькія травы и вообще на неблагопріятныя условія жизни на Сахалинѣ. Въ селеніи Николаевскомъ поселенцы горько жаловались на свое бѣдственное положеніе, заявляя, что имъ кормиться рѣшительно нечѣмъ и приходится жить впроголодь. И Николаевское селеніе вовсе не единственное; есть и нѣкоторыя другія, находящіяся не въ лучшемъ, а еще въ худшемъ положеніи. «На Сахалинѣ тѣсно живется», говорятъ поселенцы. «Какая здѣсь жизнь; никогда куска хлѣба досыта не доѣшь». «Работаешь, работаешь, а все толку нѣтъ: ни сытъ ни голоденъ». «Здѣсь съ голоду пропадешь». «Безъ пайка никакъ не проживешь». «Если бы казна не поддерживала, то всѣ бы подошли». «Боже сохрани оставаться на Сахалинѣ; живого въ гробъ кладите—не хочу». «Только дай Богъ вырваться». «Если бы эту хатенку насыпали золотомъ, то и тогда бы не пожелалъ остаться: золото проживается, а мѣсто, гдѣ мнѣ и моему потомству жить, не проживется». Не разъ мнѣ приходилось слышать и отъ женъ, добровольно послѣдовавшихъ за мужьями, что если бы онѣ напередъ знали какъ живется на Сахалинѣ, то ни за что бы не пошли.

Вслѣдствіе этого почти всѣ здѣсь, по словамъ одного живущаго въ селеніи надзирателя, собираются на выѣздъ, чтобы «хотя умереть на материкѣ». Въ имѣющихся у меня опросныхъ карточкахъ почти не встрѣчается заявленій опрошенныхъ о ихъ намѣреніи оставаться на Сахалинѣ и послѣ полученія крестьянскихъ правъ. Напротивъ, заявленія противоположнаго характера дѣлаются почти всѣми поголовно даже и въ болѣе зажиточныхъ и старыхъ селеніяхъ, каковы, напр., Корсаковка и Ново-Михайловка. Если и удерживаетъ что, то это: «съ казной еще не могу расплатиться; много долженъ». «Денегъ еще не собралъ на переѣздъ».

Конечно, на Сахалинѣ существуютъ и поселенія сравнительно хорошо обстроенныя и въ лицѣ большей или меньшей части своихъ жителей даже отчасти зажиточныя. Таковы

нѣкоторыя изъ болѣе старыхъ поселеній и поселенія, въ которыхъ расположены тюрьмы, представляющія собою большіе или меньшіе центры администраціи. Своимъ сравнительнымъ благосостояніемъ они обязаны, однако, не земледѣлію, а обыкновенно какимъ-либо инымъ условіямъ. Такъ, напр., развитіе селенія Корсаковскаго относится къ прошлому и, главнымъ образомъ, зависѣло отъ выгодной торговли водкою, которая въ то время свободно выдавалась корсаковцамъ администраціей. То же нужно сказать и о селеніи Ново-Михайловскомъ и нѣкоторыхъ другихъ. Въ тюремныхъ же селеніяхъ обыкновенно существуютъ самые разнообразныя, а въ томъ числѣ и весьма сомнительныя промыслы, какъ результатъ отчасти городского характера селенія и существованія въ немъ сравнительно большого рынка, представляемаго тюрьмою, ея администраціей и военною командою. Особенно это нужно сказать о такихъ центрахъ, какъ посты Александровскій и Корсаковскій и селеніе Рыковское. Сверхъ того кое-что нужно отнести и на долю другого источника—выдачи всякаго рода вспомоствованій изъ казенныхъ средствъ, что особенно практиковалось въ прежнее время. Къ 1 іюля 1896 г., на пайковомъ довольствѣ состояло 2336 мужч. и женщ. Сверхъ того выдаются кормовыя деньги. Таковыхъ въ 1895 г. было выдано 39.907 руб. 95 коп.

Изъ таблицъ г. фонъ-Фрикентъ между прочимъ усматривается, что изъ общаго числа 37 селеній Александровскаго округа только въ 4 сборъ хлѣбовъ обеспечиваетъ пищу и сѣмьями наличное число душъ населенія; изъ общаго числа 21 селенія Тымовскаго округа—только въ 7 и, наконецъ, изъ общаго числа 58 селеній округа Корсаковскаго—только въ 17. Указываютъ иногда, какъ на доказательство удачи сельскохозяйственной колонизаціи Сахалина, на сравнительно значительное количество различныхъ продуктовъ, пріобрѣтаемыхъ тюремной администраціей отъ поселенцевъ. Въ 1895 г., напр., фуража было пріобрѣтено 2942 п. 2 ф. на сумму 2942 р. 5 к., соленой рыбы—8049 п. 17²/₃ ф. на сумму 8382 р. 77 коп., мяса и огородныхъ продуктовъ—на сумму

43.085 р. 77 к. и зерноваго хлѣба 10.948 п. 29 ф. на сумму 13.381 р. 29 к., а всего на 67.791 р. 88 к. Но цифры эти только сразу бросаются въ глаза. Дѣля послѣднюю цифру на наличное число хозяйствъ—5235, получимъ на каждое изъ нихъ, т. е. на семью, состоящую изъ нѣсколькихъ чело-
 ловѣкъ, всего 12 р. 95 к. *). И это доходъ цѣлаго года, и притомъ составляющійся вовсе не отъ продажи однихъ из-
 бытковъ **). Почти всѣ свои денежные средства поселенцы въ той или иной формѣ получаютъ отъ тюремной админи-
 страціи и служащихъ въ ней. Администрація, вслѣдствіе замкнутости острова въ самомъ себѣ и вслѣдствіе слабости его собственнаго рынка, въ большинствѣ состоящаго изъ бѣдняковъ-поселенцевъ, вынуждена создавать рынокъ для сбыта продуктовъ поселенческаго хозяйства, покупая ихъ для тюремъ по сравнительно высокой цѣнѣ, и изыскивать для поселенцевъ заработки, повидимому, съ нѣкоторымъ ущербомъ для собственной продуктивности тюремъ. Такой порядокъ, являющійся необходимымъ слѣдствіемъ предпри-
 нятой штрафной колонизаціи, едва-ли выгоденъ для казны, которая, даже при временномъ значительномъ отвлеченіи силъ на желѣзно-дорожныя работы, лишается возможности, между прочимъ и вслѣдствіе этого, свободно и надлежащимъ образомъ, эксплуатировать трудъ каторжныхъ.

На Сахалинѣ существуютъ, конечно, и посторонніе за-
 работки, но такихъ сравнительно немного. Поэтому для при-
 обрѣтенія различныхъ необходимыхъ вещей, а въ томъ числѣ и водки, на которую очень падки поселенцы, послѣдніе часто сбываютъ въ казну и ту часть продуктовъ, которая должна бы оставаться для ихъ собственнаго продовольствія и посѣва, а сами живутъ впроголодь и перебиваются кое-какъ. Мнѣ

*) За перевозку казенныхъ грузовъ по острову уплочено еще 21.775 р. 64 к., а всего съ суммою, полученною за проданные продукты,—89.567 р. 52 к.

**) Общій урожай со всего острова не обеспечиваетъ пищею даже са-
 михъ поселенцевъ.

извѣстны случаи, гдѣ въ казну продавали послѣднее. А каково качество продуктовъ сельскаго хозяйства сс.-поселенцевъ видно, напр., изъ слѣдующаго. Былъ сдѣланъ опытъ поставки поселенческаго хлѣба интендантству, но оказалось, что поставляемое зерно «въ массѣ неудовлетворительно, съ значительнымъ процентомъ постороннихъ примѣсей и часто недозрѣлое». Интендантству пришлось сдать хлѣбъ изъ тюремныхъ складовъ, а поселенческій хлѣбъ принять для расходованія на нужды тюремъ.

Колонизація о. Сахалина и причины ея неудачи.

XV.

Изъ всего сказаннаго выше неудача, до сихъ поръ, сельскохозяйственной колонизаціи на островѣ Сахалинѣ, какъ мнѣ кажется, становится довольно очевидной. Ея причины, насколько удалось ознакомиться съ ними, довольно многочисленны, и она зависитъ отъ совокупности ихъ вліянія.

Прежде всего нельзя не указать на неудовлетворительную постановку на Сахалинѣ дѣла каторги и ссылки въ недалекомъ прошломъ. Лично мнѣ пришлось слышать отъ очевидцевъ не мало рассказовъ объ этомъ времени, когда и врачи вмѣсто лѣкарствъ прописывали розги. Припомнимъ хотя бы знаменитое Онорское дѣло, гдѣ было много случаевъ членовредительства, отрубанія рукъ и пальцевъ и случаевъ убійствъ съ цѣлью избавиться отъ онорскихъ работъ. Въ продолженіе лѣта 1892 въ селеніе Рыковское съ Оноры доставляли трупы каторжныхъ со слѣдами тяжкихъ побоевъ. Если же признать, что начальная постановка всякаго дѣла и всегда, какъ-бы въ качествѣ закваски, оказываетъ болѣе или менѣе важное вліяніе на его послѣдующій ходъ, то нельзя будетъ не отнести къ числу факторовъ неудачи колонизаціи, между прочимъ, и ея неудовлетворительной начальной организаціи.

Изъ остальныхъ причинъ неудачи колонизаціи однѣ по отношенію къ населенію чисто внѣшнія, а другія лежатъ въ немъ самомъ и потому—по крайней мѣрѣ при существующемъ положеніи—являются какъ-бы присущими ему. Къ числу первыхъ относятся.

Неудачный выборъ мѣстъ для поселеній и чрезмѣрное перенаселеніе послѣднихъ, при которомъ сколько-нибудь правильное хозяйство становится невозможнымъ и поселенцы обрекаются на недоѣданіе, житье впроголодь и полнѣйшее оскудѣніе. Не стану говорить о болѣе отдаленномъ времени, когда выборъ мѣстъ производился къмъ попало и часто безъ всякаго знакомства съ ними, просто почти наугадъ. Къ сожалѣнію, въ новѣйшее время выборъ нерѣдко совершается не болѣе осторожно и все сводится къ тому, чтобы возможно большее число поселенцевъ приурочить къ недостаточнымъ и неудобнымъ клочкамъ земли, которые по своимъ особенностямъ уже, конечно, никого неспособны пріохотить къ земледѣльческимъ занятіямъ. Нерѣдко новыя поселенія сначала открываются и заселяются, а потомъ заднимъ числомъ требуется заключеніе инспектора сельскаго хозяйства о пригодности мѣстъ. Объ открытіи нѣкоторыхъ поселеній ему приходилось узнавать и вовсе стороною. Для селенія Соболинаго инспекторомъ было, напр., предположено только 30 уч., а между тѣмъ поселено свыше 70, да сверхъ того насчитывается еще 19 свободныхъ участковъ.

Однимъ изъ яркихъ примѣровъ выбора мѣстъ для Сахалинскихъ поселеній можетъ служить, между прочимъ, селеніе Далдаганъ, основанное въ 1891 г. Земли въ этомъ мѣстѣ плохого качества и во время дождя затопляются. Сколько-нибудь удобныхъ земель здѣсь очень мало и ихъ хватило бы не болѣе, какъ дворовъ на 6, на 7, считая примѣрно по $1\frac{1}{2}$ д. на дворъ. Предположили, однако, 40 участковъ и прислали 40 чел. Пришлецы построили зимовье, но недѣли черезъ 2 ушли на желѣзнодорожныя работы. Потомъ пришли другіе 8 человѣкъ, прожили зиму, а весною часть изъ нихъ ушла. Осенью «нагнали» новыхъ, но и эти большею частью

разбредлись, и теперь селеніе представляется почти пустымъ и производитъ впечатлѣніе вымирающаго.

Таковъ же Тауланъ, существующій съ 1890 г. Онъ расположенъ на болотѣ. Въ немъ предположили 24 участка, но поселили лишь человѣкъ 12 или 14. Поселенцы разбредлись и изъ нихъ на мѣстѣ осталось только два двора, а отъ селенія—пустые и разрушающіеся дома, да срубы. Одинъ изъ поселенцевъ живетъ бобылемъ (во время моего посѣщенія онъ собирался уйти въ с. Рыковское), а другой—съ сожигательницею. Самый видъ этого вполне мертваго селенія производитъ удручающее впечатлѣніе.

Селеніе Чернолѣсье основано въ 1894 г. Стоитъ оно на болотѣ и кругомъ болото. Половина его числящихся обитателей въ немъ не живетъ, а бродятъ по сторонамъ. Хозяйства въ немъ, по мнѣнію смотрителя поселеній, вести почти нельзя, а потому и нѣтъ ничего удивительнаго, что самые большіе посѣвы въ немъ не превышаютъ 2 пуд. пшеницы и 15 п. картофеля. А между тѣмъ въ немъ числится 36 хозяевъ. Чѣмъ будутъ жить они съ прекращеніемъ пайковъ,—сказать трудно.

Селеніе Борисовка, основанное въ томъ же году, какъ и предыдущее. Въ немъ числится 34 хозяйственныхъ участка, но благосостоянія жителей нѣтъ и слѣда. По мнѣнію смотрителя поселеній, это мѣсто вовсе непригодно для поселенія.

Во многихъ селеніяхъ, какъ, напр., въ Бутаковѣ, расположенныхъ въ узкихъ падахъ, вовсе не видно полей, а только небольшіе тамъ и сямъ отдѣльно разбросанные и плохо обработанные маленькіе кусочки земли, которые и представляютъ собою основаніе сельскохозяйственной состоятельности ихъ жителей.

Какъ велика скученность и сельскохозяйственная перенаселенность въ сахалинскихъ деревняхъ уже и въ настоящее время, видно, напр., изъ слѣдующаго. Въ Арковской долины, которая представляется очень узкой и, по мнѣнію инспектора сельскаго хозяйства, была бы достаточна только для одного Аркова I-го, образовано три селенія: Арково I, со-

стоящее изъ 27 дворовъ, Арково II—изъ 25 дворовъ и Арково III—изъ 10 дворовъ. Въ селеніи Агнево образовано 37 участковъ; по мнѣнію же смотрителя поселеній, въ немъ могло бы быть образовано не болѣе 10 или 12 участковъ. Въ селеніи Славянка 50 участковъ, а по количеству земли должно бы было быть не болѣе 15. Въ селеніи Владиміровка, основанномъ въ 1893 г., 60 дворовъ, а земли, по мнѣнію смотрителя поселеній, не болѣе какъ на 20 участковъ надлежащихъ размѣровъ, при чемъ еще половина усадебъ расположена на болотѣ. И такихъ селеній очень не мало! Всѣ они въ настоящемъ своемъ составѣ, очевидно, не имѣютъ будущаго, вслѣдствіе уже одного только несоотвѣтствія количества населенія съ пространствомъ земель, пригодныхъ для сельскохозяйственной культуры.

И прежде бывало, бываетъ и въ послѣднее время, какъ, напр., это было во Владиміровкѣ, что новымъ поселенцамъ, въ помощь для устройства ихъ домообзаводства, даются каторжные. Помощь эта, однако, недостаточна, да и сравнительно рѣдко дается. Обычно новоселы одни отправляются въ глухую тайгу, гдѣ каждый изъ нихъ собственными силами и долженъ создавать свою будущую усадьбу и хозяйство. Топоръ, лопата, мотыга, веревка, одна пила на нѣсколько человѣкъ и мѣсячный паекъ—вотъ съ чѣмъ приходитъ новый поселенецъ въ бездорожную тайгу, на мѣсто, отстоящее на большее или меньшее число верстъ отъ ближайшаго пункта, откуда ему придется носить все ему нужное. Только малопроходимая лѣсная тропа, нерѣдко много разъ перерываемая бурными горными рѣчками, соединяетъ его новое мѣстопробываніе съ этимъ центромъ. Чтобы хотя нѣсколько ознакомиться съ подобными, подчасъ головоломными, путями сообщенія, я съ нѣкоторыми спутниками прошелъ часть дороги отъ селенія Владиміровки до Тись-Кизы. Подъ самой Владиміровкой пришлось переходить черезъ разлившуюся горную рѣчку. Ранѣе перекинутыя бревна были снесены бурнымъ потокомъ. Поселенцамъ съ немалымъ трудомъ пришлось устраивать новую переправу, а намъ—балансиловать по двумъ двой-

нымъ бревнамъ, помѣщеннымъ сравнительно высоко надъ водой, съ опасностью, по непривычкѣ, свалиться и искупаться въ рѣкѣ. Отсюда тропа шла частью берегомъ рѣчки, а большею частью глухимъ лѣсомъ и иногда извивалась въ бурьянѣ, съ листьевъ котораго довольно обильно падали капли воды, скопившіяся на нихъ отъ шедшаго дождя. Тропа, немного сырая и болотистая, была завалена валежникомъ. Приходилось перескакивать съ хворостинки на хворостинку, съ пенечка на пенечекъ, придерживаясь за кусты и сучья. Пройдя пять верстъ, мы снова очутились передъ извилиной той же бурной рѣчки. Переправы не было, потому что поселенцы изъ Тисъ-Кизы не вышли снова сдѣлать ее. Трое поселенцевъ шли на встрѣчу намъ во Владиміровку и далѣе. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, они не безъ труда перебрались черезъ быструю рѣку, выше пояса въ водѣ. Мы не послѣдовали ихъ примѣру и намъ пришлось вернуться обсушиваться во Владиміровку. Отъ встрѣтившихся узнали, что они просидѣли цѣлую недѣлю въ Тисъ-Кизѣ, не имѣя возможности изъ-за переправъ двинуться ни назадъ, ни впередъ. Они же рассказали намъ, что случается, что идущіе съ пайками обрываются здѣсь и теряютъ пайки; въ прошломъ же году одинъ каторжникъ даже утонулъ съ пайками. И такой путь не единственный; существуютъ и гораздо худшіе. Бездорожье новыхъ поселеній—почти общее правило, вслѣдствіе практикующейся системы устройства поселеній. А между тѣмъ поселенцы должны не только устраивать свое домообзаводство, но и періодически ходить за пайками и всѣмъ нужнымъ для нихъ въ ближайшія мѣста нахожденія складочныхъ магазиновъ. Такъ, напр., поселенцы селеній Добротворскаго и Таскина, по словамъ смотрителя поселеній, употребляютъ по полторы недѣли на доставку двухъ пайковъ. Случается, что часть пайка растеривается; при долгихъ же задержкахъ въ пути, отъ непогоды, значительная его часть съѣдается и домой приносятся только остатки. Какъ вліяетъ все это на правильность питанія, на правильность труда и вообще на нравственный складъ,—понять не трудно. И безъ того

въ большинствѣ случаевъ не особенно рачительные поселенцы такими періодическими путешествіями только еще болѣе и какъ-бы систематически приучаются къ бродяжеству и безхозяйности. А тутъ на новомъ мѣстѣ, въ глухой тайгѣ поселенцу предстоитъ упорный и чрезвычайно тяжелый трудъ. Недаромъ же знающіе люди говорятъ, что «каторга не на каторгѣ, а на поселеніи». Чаща, вѣковыя деревья, которыя приходится валить и таскать, да дѣвственная почва въ гористой странѣ—все это условія, мало подильныя для безлошаднаго, плохо питающагося поселенца, вооруженнаго только топоромъ, веревкой, лопатой да мотыгой. Неудивительно, что нѣкоторые, даже рачительные поселенцы, разъ они не имѣютъ помощи со стороны, въ три и четыре года не успѣваютъ стать на ноги, а нѣкоторые, болѣе слабые или лѣнныя, или прежде никогда не занимавшіеся сельскимъ хозяйствомъ, и вовсе не устраиваютъ никакого домообзаводства. За «нерадѣніе» послѣдніе иногда попадаютъ въ заводскія, т. е. въ прежнія работы *), носившія только тогда названія каторжныхъ. Нѣкоторые же кое-какъ сколачиваютъ неоканчиваемые и никому ненужные домишки, кое-какъ перебиваются три пайковыхъ года, а затѣмъ и четвертый годъ—кратчайшій срокъ для полученія крестьянскихъ правъ, и спѣшатъ, если не держатъ долги или какія другія причины, перебираться на материкъ, забрасывая въ сахалинскихъ селеніяхъ свое незаконченное «домообзаводство». Конечно, есть и устраивающіеся, и даже наживающіе «денежки», но такихъ немного (значительное число ихъ—или кулаки, такъ или иначе эксплуатирующіе другихъ, или лица, занимавшіеся и занимающіеся какими-либо нелегальными и сомнительными промыслами, или привезшіе, получавшіе и получающіе деньги съ родины), да и они большею частью не

*) Смотритель поселеній, Реутъ, говоритъ мнѣ, что если бы всѣхъ, дурно ведущихъ свое хозяйство, обращать во временно-заводскія работы, то большая часть поселенцевъ оказалась бы въ тюрьмѣ.

хвалять жизнь на Сахалинѣ и, какъ я уже сказалъ, не выражаютъ желанія остаться здѣсь. Начальникъ Тымовскаго округа, г. Савримовичъ, передавалъ мнѣ, напр., что одинъ изъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ округа, имѣющій очень хорошій домъ, построенный бывшимъ начальникомъ тюрьмы, Ливеномъ, мельницу и обработанный участокъ земли, стоящіе вмѣстѣ по меньшей мѣрѣ 2 т. руб., просилъ взять все это и дать ему съ семьей только билеты на проѣздъ до Одессы, которые обошлись бы рублей въ 700.

Сказать, что островъ Сахалинъ, и притомъ во всѣхъ своихъ частяхъ, совершенно неудобенъ для сельскохозяйственной культуры,—было бы крайнимъ преувеличеніемъ. Хотя и очень плохое хозяйство сахалинскихъ поселенцевъ служило бы его прямымъ опроверженіемъ. Но и благоприятными условія острова, особенно въ Александровскомъ и Тымовскомъ округахъ, назвать никакъ нельзя. Значительная гористость, большая узкость многихъ долинъ и падей, занятыхъ поселеніями, часто позднее застаиванье весенней воды на поляхъ и потому поздніе, не имѣющіе шансовъ на вызрѣваніе, посѣвы, нерѣдкіе поздніе весенніе и ранніе осенніе морозы, туманы, портящіе хлѣба во время ихъ цвѣтенія, частые и все учащающіеся съ уничтоженіемъ лѣсовъ разливы рѣкъ, сносящіе посѣвы—таковы нѣкоторыя изъ болѣе неблагоприятныхъ природныхъ условій острова. Поэтому урожаи здѣсь получаютъ нерѣдко неудовлетворительные, и зерно—«щуплое, маловѣсное, недозрѣлое». По мнѣнію инспектора сельскаго хозяйства, систематическое уничтоженіе горныхъ лѣсовъ, происходящее, какъ онъ думаетъ, отъ плохого хозяйства или, правильнѣе, отъ отсутствія всякаго хозяйства въ лѣсахъ, неминуемо должно повлечь за собою сокращеніе пахоти, вслѣдствіе разлива рѣкъ весною и послѣ сильныхъ дождей, нерѣдкихъ на Сахалинѣ. Уже и теперь многія мѣста, не страдавшія прежде отъ наводненій, подвергаются имъ ежегодно.

Указанныя условія особенно тяжелы и непосильны для крайне слабыхъ поселенческихъ хозяйствъ. Большая часть ссыльных выходятъ на поселеніе безъ всякихъ средствъ и

вынуждены брать ссуды изъ казны (на нихъ насчитывается 6 проц.) орудіями, сѣмьями, скотомъ и вообще всѣмъ нужнымъ. Казна приходитъ на помощь, но, вслѣдствіе слишкомъ значительнаго числа поселенцевъ, далеко не въ надлежащей степени. Орудія по большей части выдаются примитивныя и не въ достаточномъ числѣ, скотъ выдается не всѣмъ нуждающимся въ немъ, а только нѣкоторымъ, да и тѣмъ нерѣдко выдается спустя долгое время послѣ начала ходатайствъ. Тѣмъ не менѣе задолженность населенія очень велика. Не считая частныхъ долговъ, сумма одного казеннаго долга къ 1 января 1896 г. достигла 187.598 руб. 69^{3/4} коп., что въ среднемъ даетъ на каждаго должника 70 р. 58 к. Высшія же цифры задолженности на одно лицо достигаютъ по Александровскому округу 202 р. 93 к., По Тымовскому—457 р. 14 к. и по Корсаковскому—153 р. Въ Ново-Михайловскомъ одинъ изъ поселенцевъ на мой вопросъ о долгѣ отвѣтилъ мнѣ: «На насъ столько долгу, что у иного столько и волосъ на головѣ нѣтъ». Есть долги съ 1883 г., не считая сложенныхъ за безнадѣжностью. Такія слабыя и задолженные хозяйства, вслѣдствіе одной только недостаточности своей основы, представляются крайне неустойчивыми. Большинство ихъ владѣльцевъ живутъ впроголодь и перебиваются кое-какъ различными случайными и недостаточными заработками. Стоитъ пасть полученной въ ссуду лошади или произойти какому-либо другому толчку, чтобы совершенно обезсилить даже болѣе прилежныхъ изъ нихъ.

Таковы нѣкоторые изъ главнѣйшихъ внѣшнихъ причинъ неудачи сахалинской колонизаціи. На-ряду съ ними и въ томъ же направленіи съ значительною силою дѣйствуютъ и причины внутреннія присущія самому населенію.

XVI.

Не малая часть ссыльныхъ заканчиваетъ каторжныя работы и выходитъ на поселеніе въ болѣе или менѣе ужъ пожиломъ возрастѣ, когда заведеніе вновь деревенскаго хозяйства и домообзаводства, особенно при сахалинской системѣ колонизаціи, становится трудновато и когда мысль о предстоящихъ долгихъ годахъ напряженныхъ усилій мало возбуждаетъ энергію и даже заставляетъ опускаться руки. Изъ имѣющихся у меня свѣдѣній видно, что средній возрастъ выходившихъ на поселеніе въ сравнительно исключительные годы 1894 и 1895—равнялся въ первомъ 34 годамъ, а во второмъ 35^{1/2}. Приведенныя двѣ цифры не выясняютъ, однако, дѣйствительныхъ условій возраста. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что въ 1894 г., изъ числа переведенныхъ въ поселенцы лицъ, не достигшихъ сорокалѣтняго возраста, было 472 чел. и изъ нихъ 326 чел. были въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ; перешедшихъ сорокалѣтній возрастъ было 202 чел. Последняя цифра слагалась изъ слѣдующихъ: въ возрастѣ отъ 40 до 50 л., было 159 чел., отъ 50 до 60 л.—28 чел., отъ 60 до 70 л.—13 чел. и отъ 70 до 80 л.—2 чел. Въ 1895 г. лицъ, не достигшихъ сорокалѣтняго возраста было 1566 и изъ нихъ въ возрастѣ отъ 30 до 40 л. было 983 чел. Перешедшихъ сорокалѣтній возрастъ было 578 чел., распредѣлявшихся слѣдующимъ образомъ: отъ 40 до 50 л.—438 чел., отъ 50 до 60 л.—116 чел., отъ 60 до 70 л.—18 чел., отъ 70 до 80 л.—6 чел. А между тѣмъ приведенные годы, какъ уже упомянуто, годы нѣсколько исключительные. Стеченіе Всемилостивѣйшихъ манифестовъ и Высочайшаго указа 1891 г., на много сокративъ сроки каторжныхъ работъ, значительно и экстраординарно понизили возрастъ выходящихъ на поселеніе. При этомъ еще должно замѣтить, что изъ осужденныхъ на каторжныя работы на Сахалинъ назначаются, по выбору, люди болѣе здоровые и молодые. На Нер-

чинской же каторгѣ средній возрастъ освобожденныхъ отъ работъ даже въ 1895 г. равнялся 41 году и недостигшихъ сорокалѣтняго возраста было 506 чел., а перешедшихъ этотъ возрастъ—439 чел. *).

Какъ ни важно значеніе возраста въ данномъ случаѣ, но одинъ возрастъ еще далеко не характеризуетъ въ достаточной степени состояніе силъ и работоспособность населенія, предназначеннаго для колонизаціи Сахалина. Нельзя упускать изъ виду, что штрафное населеніе въ общемъ болѣе слабо, быстрѣе старѣется и изнашивается. Есть, конечно, въ средѣ его люди крѣпкіе и стойкіе, но процентъ ихъ въ массѣ меньше, нежели въ средѣ людей непреступныхъ. И причины этого на лицо. Говоря вообще, въ ссылку приходятъ большею частью люди, которые были менѣе упорядочены въ своей прошлой жизни, люди, нерѣдко много пожившіе, болѣе или менѣе злоупотреблявшіе, особенно алкоголемъ, и уже потому ослабленные и расшатанные въ своемъ здоровьи, люди, побывавшіе и обыкновенно болѣе или менѣе уже пожившіе въ тюрьмахъ, вся совокупность условій которыхъ не особенно благопріятствуетъ сохраненію органической устойчивости.

По свидѣтельству врачей, алкоголизмъ, повидимому, довольно сильно развитъ между ссыльными. Къ сожалѣнію, вопросъ о немъ, какъ и многіе другіе весьма важные вопросы, относящіеся къ вопросу о преступности, не ставятся еще въ нашихъ тюрьмахъ, а потому никакихъ относящихся сюда цифръ и не имѣется.

Вновь прибывающія на Сахалинъ арестантскія партіи подвергаются медицинскому осмотру, хотя и весьма спѣшному—«формально по внѣшнему виду», какъ пояснялъ заведующій медицинскою частью. Подобные же осмотры производятся однажды или два раза въ годъ передъ началомъ работъ, при чемъ всѣ свидѣтельствуемые распредѣляются,

*) Въ возрастѣ отъ 30 до 40 л. было—361 ч., отъ 40 до 50 л.—235 ч., отъ 50 до 60 л.—128 ч., отъ 60 до 70 л.—60 ч., отъ 70 до 80 л.—15 ч. и свыше 80 л.—1 ч.

въ видахъ назначенія ихъ на работы, на полносильныхъ, слабосильныхъ и неспособныхъ къ работамъ. Въ 1895 г. слабосильныхъ значилось мужчинъ 13,47⁰/₀ и женщинъ 7,46⁰/₀ всего числа арестантовъ и арестантокъ, а неспособныхъ къ работамъ—2,69⁰/₀ первыхъ и 0,84⁰/₀ вторыхъ. По свѣдѣніямъ за 1896 г. по нѣкоторымъ тюрьмамъ получается значительно болѣе неблагопріятное отношеніе. Такъ, по Рыковской тюрьмѣ, гдѣ около $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{6}$ ч. арестантовъ во время моего пребыванія не успѣли еще быть осмотрѣны, на 714 полносильныхъ приходилось 285 слабосильныхъ. По свѣдѣніямъ доктора Лобасъ, изъ 95 чел. дровотасковъ Александровской тюрьмы, работа которыхъ принадлежитъ къ труднѣйшимъ сахалинскимъ работамъ, требующимъ болѣе сильныхъ людей, 54 ч. отмѣчены здоровыми, 30 чел. слабыми (плохо развитая грудь и слабо развитая мускулатура) съ тѣми или другими осложненіями или безъ нихъ, а у остальныхъ 11 чел. отмѣчены тѣ или другія разстройства (грыжа, малокровіе хроническій бронхитъ и проч.). Есть полное основаніе допустить, что по крайней мѣрѣ половина всѣхъ сахалинскихъ арестантовъ принадлежитъ къ числу слабосильныхъ. И большая часть такихъ слабосильныхъ и недостаточныхъ людей, малоспособныхъ къ работамъ и на готовыхъ казенныхъ харчахъ, пробывъ болѣе или менѣе долгое время въ тюрьмѣ, будутъ отправлены на поселя, чтобы тамъ устраивать домообзаводство и снискивать себѣ пропитаніе самостоятельнымъ и тяжелымъ земледѣльческимъ трудомъ въ глухой сахалинской тайгѣ.

Вопросъ о слабыхъ и слабосильныхъ, помимо прочихъ уже указанныхъ причинъ, вызывающихъ слабосиліе, находится въ большой зависимости и отъ тюремнаго питанія. Каторжный арестантъ, въ общемъ, находится сравнительно долгое время въ связи съ тюрьмою, а потому пищевой режимъ и вообще всѣ условія жизни въ ней оставляютъ глубокіе слѣды на всемъ его существѣ.

Питаніе сахалинскихъ каторжныхъ и большинства поселенцевъ, по отзыву врачей, которые обратили очень большое вни-

маніе на эту существенную сторону дѣла, рѣшительно недостаточно. Однимъ изъ лучшихъ доказательствъ справедливости этого мнѣнія служитъ тотъ фактъ, что первое мѣсто въ числѣ болѣзней, которыми страдаютъ ссыльные, занимаютъ гастрическія растройства, какъ это, между прочимъ, видно и изъ ежегодныхъ медицинскихъ отчетовъ по острову *). По свидѣтельству завѣдывающаго медицинскою частью, д-ра Поддубскаго, желудочно-кишечный катарръ существуетъ почти поголовно у всѣхъ ссыльныхъ съ сопутствующими ему явлениями малокровія, на почвѣ которыхъ легко ризвиваются и осложняются разнообразныя заболѣванія. По мнѣнію д-ра Лобаса, желудочныя заболѣванія, переходящія въ хроническія формы, даютъ въ средѣ ссыльныхъ самую большую цифру заболѣваній и служатъ почвой, на которой появляются другія болѣзни, зависящія отъ упадка питанія: малокровіе, въ связи съ истощеніемъ тѣла, воспріимчивость къ легочнымъ заболѣваніямъ, которыя имѣютъ склонность переходить въ хроническія формы, заканчивающіяся то энфиземою легкихъ, то прямо туберкулезомъ. На обѣднѣніе арестантскаго организма, по мнѣнію д-ра Лобаса, указываютъ тѣ долгіе сроки, которые требуются для излеченія въ самыхъ неважныхъ случаяхъ заболѣваній. Часто наблюдаются отеки ногъ, не обусловленные какимъ-нибудь страданіемъ внутреннихъ органовъ и зависящіе исключительно отъ ненормальнаго состава крови. Въ отношеніи желудочныхъ заболѣваній д-ръ Лобасъ полагаетъ, что, «благодаря условіямъ питанія, они на Сахалинѣ—непоправимое зло» **).

*) Въ числѣ причинъ смертей, о которыхъ публикуется въ приказахъ военнаго губернатора, невольно останавливаетъ вниманіе сравнительно значительное число смертей отъ чахотки и тяжелыхъ хроническихъ страданій легкихъ.

**) Врачи указываютъ, напримѣръ, на недостаточность дачи овощей, на жидкость хлѣба и на употребленіе въ пищу почти исключительно соленыхъ продуктовъ—солонины и соленой рыбы—изъ которыхъ и варится жидкая горячая пища, называемая арестантами „баландой“.

Вопросъ объ улучшеніи питанія арестантовъ и объ измѣненіи пищевой формулы возникалъ уже нѣсколько разъ (1893 и 1894 года), но онъ и до времени моего посѣщенія еще не получилъ надлежащаго разрѣшенія. Нѣкоторымъ категоріямъ рабочихъ пищевое довольство, не измѣняясь въ своемъ характерѣ, нѣсколько увеличивается. Такъ, напр., по ходатайству горнаго инженера о. Сахалина, горнымъ рабочимъ увеличена дача пищи не только въ лѣтнее время, какъ это было прежде, но и во все остальное время года, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ лѣтомъ. Остальныя же категоріи остаются при обыкновенной дачѣ, хотя всѣ онѣ нуждались бы въ усиленіи питанія.

Сахалинскія тюрьмы, какъ, по меньшей мѣрѣ, и громаднѣйшее большинство другихъ нашихъ тюремъ, не только вновь не приучаютъ арестантовъ къ труду и не сохраняютъ въ нихъ на прежней высотѣ существовавшую работоспособность, а, напротивъ, понижаютъ послѣднюю и ослабляютъ ихъ трудовую инициативу.

Вопросъ о правильной постановкѣ и организаціи работъ въ тюрьмахъ—весьма сложный вопросъ, имѣющій громадную важность въ тюремной и послѣ-тюремной жизни, когда бывшій арестантъ долженъ стоять на собственныхъ ногахъ. Онъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о питаніи, одежномъ довольствѣ и съ другими условіями тюремнаго содержанія. Недостаточное питаніе (о немъ я уже говорилъ выше), иногда недостаточная одежда, скученность въ тюремныхъ помѣщеніяхъ (въ сахалинскихъ тюрьмахъ часто приходится менѣе кубической сажени воздуха на человѣка), сырость и неудовлетворительность послѣднихъ—все это ослабляетъ организмъ и всегда болѣе или менѣе понижаетъ уровень его силъ, а, слѣдовательно, и его работоспособность, что не только наноситъ ущербъ интересамъ казны во время тюремнаго сидѣнья и дурно вліяетъ на порядокъ жизни въ тюрьмѣ, но—что еще болѣе важно—выпускаетъ изъ тюремъ много людей ослабленныхъ, мало пригодныхъ къ напряженному труду, къ устройству вновь сколько-нибудь прочнаго домообзаводства и веденію само-

стоятельнаго хозяйства, а потому и болѣе или менѣе наклонныхъ къ впаденію въ новыя преступленія и часто нуждающихся въ общественномъ призрѣніи. Чтобы показать, какъ вліяютъ указанныя условія на работоспособность, приведу одинъ яркій примѣръ. Въ зиму 1892 г. И. Н. Галличанинъ нанялъ у завѣдывавашаго каторжными желѣзно-дорожными командами, тюремнаго инспектора Каморскаго, 100 человѣкъ для заготовленія шпалъ. Изъ этого числа ему было дано 86 чернорабочихъ, до этого не работавшихъ ни пилой, ни топоромъ. Галличанинъ назначилъ на каждого по 4 ф. хлѣба въ день, по 1 ф. мяса, по полуфунту соленой рыбы на завтракъ, а крупу, сало, картофель, капусту, кирпичный чай — безъ опредѣленія порціи, а сколько будетъ съѣдено. Заработная плата выдавалась на руки рабочимъ и для нихъ былъ устроенъ складъ, гдѣ они могли покупать одежду по оптовой цѣнѣ. Работы шли превосходно, и въ 4^{1/2} мѣсяца было поставлено 76 тысячъ шпалъ; при приѣмѣ которыхъ забракованы только 92 штуки (у остальныхъ поставщиковъ браковались отъ 8 до 20^{0/0}). Между тѣмъ въ ближайшей и втрое многочисленнѣйшей командѣ (300 человѣкъ) въ тѣ же 4^{1/2} мѣсяца было поставлено только около 50 тысячъ шпалъ и срублено до 800 бревенъ.

По свидѣтельству сахалинскихъ врачей, органическая энергія арестантовъ, вслѣдствіе вліянія вышеуказанныхъ причинъ, значительно ослабляется. А извѣстно, что органическое ослабленіе обычно сопровождается повышенной раздражительностью, при извѣстныхъ условіяхъ—озлобленностью, усиленіемъ склонности къ нарушеніямъ порядка, а въ тюрьмахъ иногда вызываетъ и явленія, такъ называемаго, уклоненія и отказа отъ работъ, которыя въ свою очередь, въ качествѣ примѣра, оказываютъ весьма дурное вліяніе на остальныхъ арестантовъ и влекутъ за собою для виновника наказанія какъ розгами, такъ и карцернымъ сидѣніемъ, еще болѣе способствующимъ развитію слабосилія. Къ сожалѣнію, тѣлесныя наказанія, особенно въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ, все еще примѣняются чрезмѣрно легко. То же, впрочемъ,

нужно сказать и о карцерѣ. Такъ, въ 1895 г. тѣлесныя наказанія были назначены въ 292 случаяхъ, а карцеръ—въ 328. При нѣскольکو иномъ отношеніи къ каторжнымъ, несомнѣнно, можно было бы значительно уменьшить число и строгость наказаній, какъ ясно показываетъ хотя-бы примѣръ центральной Александровской каторжной тюрьмы близъ Иркутска, о которой я скажу ниже. Въ командѣ того же г. Галичанина люди все время вели себя прекрасно, такъ что къ репрессивнымъ мѣрамъ прибѣгать не приходилось; побѣговъ также не было.

Казалось бы арестантъ всецѣло находится въ рукахъ тюремной администраціи, которая имѣетъ и дѣйствительно примѣняетъ по отношенію къ нему достаточныя средства укрощенія. Тѣмъ не менѣе въ штрафныхъ тетрадяхъ приходится встрѣчать, что арестантъ, наказанный «за уклоненіе» отъ работъ 40 ударами розогъ, на пространствѣ самага непродолжительнаго времени наказывается уже «за упорный отказъ отъ работъ» и т. д. Въ Александровской тюрьмѣ пришлось встрѣтить арестанта, долго содержавшагося въ темномъ карцерѣ за проступокъ послѣдняго рода; общую арестантскую пищу онъ получалъ только черезъ два дня въ третій, а остальное время—хлѣбъ и воду *).

Изъ разсказа, слышаннаго мною отъ начальника Тымовскаго округа, видно, до какихъ предѣловъ можетъ иногда достигать «упорный отказъ» отъ работъ. Одного арестанта

*) Бѣжавшій со мною на пароходѣ черезъ о. Байкаль инженеръ Гетье, завѣдывавшій желѣзнодорожными работами въ Верхнеудинскомъ участкѣ, передавалъ мнѣ, что у нихъ работали 30 арестантовъ изъ мѣстной тюрьмы, за которыхъ платили по 70 к. въ день за человѣка. Сначала вырабатывали только по 0,18 куба на человѣка. Тогда имъ объявили, что за хорошую работу будутъ выдавать сверхъ того по 10 к. на каждого для улучшенія пищи. Работа пошла иначе и явилась возможность увеличить урокъ до 0,42 куб., который они все-таки оканчивали къ 5 вмѣсто 6 ч. веч. Въ этомъ случаѣ, помимо заинтересованности арестантовъ, конечно, играло роль и улучшеніе питанія.

за такой отказъ систематически подвергали наказаніямъ и сажали въ карцеръ, при уменьшенномъ питаніи. Наказаніе, однако, не помогло. Арестанта выпускали, заставляли работать, онъ снова отказывался, его сажали снова, потомъ опять выпускали, снова заставляли работать, онъ снова отказывался и т. д. Подъ конецъ уговаривали даже только помести передъ домомъ начальника округа, но арестантъ и на это не соглашался. Кончилось тѣмъ, что онъ выкололъ себѣ глаза и былъ переведенъ въ богадѣльню. Если принять во вниманіе возможность существованія начальной слабости у этого несчастнаго и возможность несоотвѣтствія размѣра его силъ съ первоначально назначенными ему работами, если принять также во вниманіе условія послѣдующаго долгаго карцернаго сидѣнія, вызывающія состояніе органической раздражительности, а вслѣдствіе того и озлобленности.—состоянія, которыя могутъ и дѣйствительно развиваются у ослабленныхъ неврастенниковъ, то этотъ случай можно понять и объяснить, не предполагая даже существованія какой-либо опредѣленной формы душевной болѣзни. По свидѣтельству врачей, послѣднія, впрочемъ, встрѣчаются между арестантами гораздо чаще, нежели то обыкновенно предполагается и оффиціально констатируется *). Отъ одного изъ поселенцевъ на Оморѣ мнѣ

*) Д-ръ Лобасъ замѣчаетъ: „Съ несомнѣнными душевно-больными, ссылаемыми въ каторгу, мнѣ, какъ врачу Александровскаго округа на Сахалинѣ, приходится встрѣчаться очень часто“ и при томъ съ душевно-больными, „одержимыми рѣзко выраженными формами неизлѣчимыхъ душевныхъ болѣзней“, число которыхъ на Сахалинѣ „съ каждымъ годомъ увеличивается“. Кромѣ этой группы онъ упоминаетъ еще о другой, которую нѣкоторые характеризуютъ не совсѣмъ удачнымъ названіемъ нравственнаго помѣшательства и которая принадлежитъ къ промежуточной области между душевнымъ здоровьемъ и болѣзнію. Представители этой послѣдней всею обстановкою своихъ ужасныхъ дѣяній и всѣми проявленіями своей личности во внѣ обыкновенно заставляютъ глубоко задумываться обвинителей, защитниковъ и судей, а также и экспертовъ, когда они призываются. Г. Ло-

пришлось слышать, что когда онъ отбывалъ еще каторжныя работы, то бывалъ наказываемъ за то, что, будучи бревнотаскомъ, по присущему ему слабосилію, иногда не могъ выполнять назначенную работу.

На Сахалинѣ, какъ и въ другихъ учрежденіяхъ для каторжныхъ, какихъ-либо особыхъ «каторжныхъ» работъ не существуетъ. Болѣе тяжелыя работы—работы горныя, дорожныя, бревнотасковъ, дровотасковъ и нѣкоторыя другія. Существуетъ и много сравнительно болѣе или менѣе легкихъ работъ: прислуга, разсылные, сторожа, писцы, чертежники, нѣкоторые ремесленные рабочіе и проч. Есть случаи, что люди попадали въ прислугу, не проходя вовсе черезъ тюрьму. Казалось бы правильнѣе уничтожить прислугу изъ каторжныхъ. Для этого есть выходящіе на поселеніе. Послѣдніе получили бы лишній заработокъ, въ которомъ они часто такъ нуждаются *). Сверхъ того и размѣры рабочихъ уроковъ при обыкновенныхъ условіяхъ большею частью сравнительно не велики **), и сравнительно не велико также и количество выработываемаго. На Александровскомъ каменноугольномъ рудникѣ мнѣ пояснили, напр., что у нихъ двое рабочихъ добываютъ отъ 150 до 200 пуд. въ день, тогда какъ за-границей на частныхъ рудникахъ на одного рабочаго приходится до 250 пуд. Производительность труда каторжныхъ считается

басъ говорить, что такіе типы, какъ ему кажется, „встрѣчаются въ каторгѣ очень часто“. „На Сахалинѣ мнѣ пришлось наблюдать“, говоритъ онъ, „повторныхъ преступниковъ, которые по ничтожности поводовъ къ преступленіямъ, по звѣрской обстановкѣ таковыхъ, по безусловному отсутствію признанія вины и, наконецъ, по хватовству совершеннымъ, должны быть отнесены именно къ числу такъ называемыхъ нравственныхъ идіотовъ“. Газета „Врачъ“ 14 сент. 1895 г.

*) Съ первой половины прошлаго 1898 г. это, наконецъ, осуществлено, какъ видно изъ приказа по острову.

**) Конечно, при недостаточности питанія и другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, и эти уроки иногда оказываются только-что подъ силу, а иногда и вовсе непосильными.

почти вдвое меньше, даже по сравненію съ производительностью труда сс.-поселенцевъ. Каторжный, при обычныхъ условіяхъ, производитъ въ два или два съ половиною раза менѣе свободнаго рабочаго; нѣкоторые считаютъ трудъ каторжнаго даже въ три съ половиною раза менѣе производительнымъ, сравнительно съ трудомъ вольнаго рабочаго. Но это, повторяю, при обычныхъ условіяхъ. Желѣзнодорожныя работы, болѣе правильно поставленныя, показали, что могутъ быть получаемы и иные результаты.

Трудъ Сахалинскихъ каторжныхъ, если говорить вообще, тяжелъ не по своимъ качествамъ, а по условіямъ своей постановки и обстановки. Кромѣ уже указанныхъ выше неблагоприятныхъ условій существуютъ и другія.

Распредѣленіе по работамъ зависитъ преимущественно или въ значительной мѣрѣ отъ низшихъ тюремныхъ служащихъ, которые при этомъ допускаютъ иногда большія неправильности и злоупотребленія. Даже наемъ за себя на работу имѣлъ мѣсто и во время моего посѣщенія. Случается также, что полносилые арестанты назначаются на работу и занятія очень легкія, напр., въ прислугу, въ сторожа и проч., и, напротивъ, люди слабосилые назначаются на болѣе тяжелыя работы, что при урочной работѣ группами, помимо непосильности такихъ работъ для подобныхъ арестантовъ, подчасъ навлекаетъ на нихъ болѣе или менѣе крупныя непріятности со стороны связанныхъ съ ними сотоварищей. Приведенный выше осмотръ дровотасковъ, въ числѣ которыхъ оказалось не мало слабосилыхъ, вполне подтверждаетъ это.

Размѣръ уроковъ также въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ надзирателей. При осмотрѣ мною Александровской тюрьмы, одинъ изъ работавшихъ арестантовъ на мой вопросъ заявилъ мнѣ, что когда надзиратель подобрѣе, то даетъ и урокъ полегче и можно отработаться къ 2 или 3 часамъ, а при другомъ надзирателѣ отработаешься только къ вечеру. По различнымъ тюрьмамъ размѣры рабочихъ уроковъ различны. Былъ поднятъ вопросъ объ опредѣленіи и уравниваніи уроковъ, но онъ пока не получилъ разрѣшенія.

Значительная неравномерность во всѣхъ условіяхъ различныхъ работъ въ значительной мѣрѣ отбиваетъ у большинства арестантовъ охоту трудиться. По отзыву всѣхъ, близко знающихъ тюрьму, арестанты всего болѣе чувствительны къ справедливости и всего болѣе цѣнятъ ее. Самое строгое отношеніе къ нимъ, разъ оно справедливо и заслужено, не вызываетъ ропота и переносится ими покорно. Напротивъ, всякая мелкая несправедливость вызываетъ уже неудовольствіе и раздраженіе. Видитъ какой-нибудь бревнотаскъ, что другіе, не лучшіе его и не слабѣйшіе, отбываютъ легкія работы (прислуга, писцы, разсылные и проч.), да еще получаютъ за нихъ деньги (получаютъ по 3, по 6 и даже по 15 р. въ мѣсяцъ), тогда какъ онъ долженъ работать по грудь въ снѣгу, мокнуть, обмораживаться и вообще подвергаться всѣмъ невздамъ сахалинской погоды—и шевелится зависть въ немъ, является раздраженіе и валятся руки отъ дѣла, которое отбывается только постольку, поскольку это необходимо, чтобы не попасть подъ наказаніе.

Безплатность труда, незаинтересованность въ немъ и отсутствіе поощреній хорошо работающимъ, помимо всѣхъ прочихъ неблагопріятныхъ условій, также постепенно понижаютъ работоспособность арестантовъ. Условія тюремной жизни далеки отъ того, чтобы развивать въ нихъ какія-либо болѣе возвышенныя стремленія къ исполненію долгаго. Имъ нуженъ непосредственный личный интересъ, который бы стимулировалъ ихъ. Арестантъ знаетъ, что онъ получитъ пищу, одежду и все прочее въ обыкновенно выдаваемомъ количествѣ и что трудъ его ничего не прибавитъ къ послѣднему. Для чего же стараться работать?

Большинство работъ на Сахалинѣ безплатны. Имѣютъ небольшой заработокъ горныя рабочіе ($\frac{1}{10}$ заработка) и мастеровые, при исполненіи рѣдкихъ частныхъ заказовъ. Сверхъ того военнымъ губернаторомъ въ награду выдается, большею частью къ Рождеству, нѣкоторая сумма для распредѣленія между рабочими, но эти выдачи, не будучи непосредственно приурочены къ произведенному въ извѣстный промежутокъ

времени личнымъ трудомъ cadaго, не оказываютъ по свидѣтельству лицъ, стоящихъ близко къ работамъ, вліянія на усердіе къ послѣднимъ. И вотъ хитритъ и обманываетъ арестантъ начальство, стараясь сдѣлать поменьше, да похуже, и при этомъ отвыкаетъ отъ упорнаго труда и нравственно все только больше портится.

Въ числѣ прибывающихъ на Сахалинъ арестантовъ есть много ремесленниковъ, фабричныхъ и горожанъ, занимавшихся торговлею и различными городскими промыслами. Большинство ихъ никогда земледѣліемъ не занималось, его не знаетъ и навыковъ въ немъ не имѣетъ. Для нихъ, особенно при сахалинскихъ условіяхъ, оно занятіе совершенно непосильное во всѣхъ отношеніяхъ. Но и они, за неимѣніемъ почти ничего иного, по отбытіи каторжныхъ работъ, также отправляются на поселъ. При объѣздахъ, мнѣ пришлось видѣть подобныхъ земледѣльцевъ. Они обыкновенно поясняютъ, что къ хлѣбопашеству «не сродны» и что оно имъ не дается. Нѣкто Барановъ, по ремеслу чемоданщикъ, былъ, напр., отправленъ на поселъ. Не зная земледѣлія, онъ не жилъ на мѣстѣ причисленія, а занимался выдѣлкою чемодановъ въ посту Александровскомъ. Приѣхавъ въ поселокъ и не найдя Баранова на мѣстѣ, смотритель поселеній занесъ его въ списокъ нерадивыхъ, подлежащихъ отдачѣ во временно-заводскія работы. Барановъ подалъ прошеніе начальнику округа, прося избавить его отъ незаслуженнаго наказанія. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что Барановъ имѣетъ домъ безъ печи во Владиміровкѣ, а самъ, какъ ремесленникъ, проживаетъ въ посту Александровскомъ, гдѣ и занимается выдѣлкою чемодановъ. Хорошо еще, если такіе «не сродные» къ хлѣбопашеству знаютъ ремесло, которое можетъ находить хотя-бы какой-нибудь заработокъ въ сахалинскихъ селеніяхъ. Тогда они имъ и занимаются, понемногу ковыряютъ землю, сами или съ помощью другихъ, и кое-какъ еще перебиваются. Въ противномъ случаѣ такіе поселенцы образуютъ бродячій, бездомовый элементъ, только вредно вліяющій на всѣхъ остальныхъ, болѣе осѣдлыхъ. Для такихъ поселенцевъ, при дан-

ныхъ условіяхъ, въ сущности нѣтъ мѣста на Сахалинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мало выхода съ него. Вопросъ о временномъ увольненіи поселенцевъ на заработки въ Сахалинской практикѣ много уже разъ получалъ различное рѣшеніе. Въ мою бытность отпуски одинокихъ были очень стѣснены *). Если цѣль заботливыхъ отношеній къ поселенцамъ — ихъ исправленіе и приспособленіе къ правомѣрной жизни, то пріученіе къ бездѣльничанью на островѣ является едва-ли цѣлесообразною мѣрою, особенно въ виду того, что они получаютъ крестьянство и тогда переберутся на материкъ, но уже значительно отвыкнувъ отъ работы.

Въ числѣ могущественнѣйшихъ причинъ неудачи сахалинской колонизаціи надо указать на семейныя неурядицы, усиленное развитіе разврата и проституціи. Въ этомъ отношеніи на островѣ наблюдаются съ нравственной стороны крайне прискорбныя явленія, которыя, вслѣдствіе ихъ привычности, къ сожалѣнію, почти не рѣжутъ глазъ мѣстнымъ обитателямъ.

Сахалинскія женщины двухъ категорій (исключая семей служащихъ). Къ первой относятся сс.-каторжныя, сс.-поселенки и крестьянки изъ ссыльныхъ. Такихъ было 2,143 чел. или приблизительно около $\frac{2}{3}$. Вторую категорію образуютъ женщины свободнаго состоянія, добровольно послѣдовавшія за мужьями, и крестьянки изъ дѣтей ссыльныхъ. Ихъ было 1,373 ч. или приблизительно одна треть. Это на 16,038 мужч. ссыльнаго населенія, не считая солдатъ и нѣкоторыхъ другихъ категорій служащихъ (всего взрослою мужскаго населенія на Сахалинѣ было 18,184 ч.).

Каторжныя женщины каторжныхъ работъ не несутъ **). Онѣ распредѣляются по поселенцамъ, сожительствуютъ съ ними «для совмѣстнаго веденія домообзаводства» и даютъ

*) Теперь это измѣняется.

**) Нѣкоторымъ, находящимся въ ближайшихъ къ тюрьмамъ селеніяхъ, даютъ иногда небольшую урочную работу шитья; въ болѣе же отдаленныхъ селеніяхъ и это не имѣетъ мѣста.

основаніе нелегальнымъ семьямъ, при существованіи на родинѣ нерасторгнутыхъ браковъ и дѣтей у той и другой стороны. Не трудно предвидѣть, какое потомство въ большинствѣ случаевъ должно происходить отъ такихъ сожителей.

«Бабы здѣсь потерянные», говорятъ сами поселенцы. На мой вопросъ, предложенный одной сахалинской «сожительницей», качавшей ребенка въ люлькѣ, она отвѣтила мнѣ, въ присутствіи своего сожителя, что выходить за него замужъ не желаетъ и пояснила при этомъ: «Много ихъ здѣсь шляется такихъ мужиковъ. Такое ужъ здѣсь положеніе». И дѣйствительно, на Сахалинѣ женщины съ удивительною легкостью переходятъ изъ рукъ въ руки и мѣняютъ своихъ «мужиковъ». На увѣщанія онѣ отвѣчаютъ: «Тутъ всѣ такъ дѣлаютъ». Въ селеніи Кресты одна женщина рассказывала мнѣ, что черезъ двѣ недѣли по прибытіи на Сахалинъ, она «пошла въ сожительство» въ селеніе «Поповы Юрты», прожила въ сожительствѣ 3 года и прижила 2-хъ дѣвочекъ, но тогда сожитель пожелалъ отправиться во Владивостокъ. Въ это время въ селеніе пришелъ ея теперешній сожитель. Землякъ ему и говорить: «Есть баба, хочешь—бери». Сожители договорились, и женщина перешла съ дѣтьми къ новому, а прежній вскорѣ уѣхалъ.

На возрастъ на Сахалинѣ мало обращаютъ вниманія и совсѣмъ старыя женщины «сожительствоуютъ», а подчасъ и производятъ дѣтей. Въ посту Александровскомъ мнѣ пришлось встрѣтить на видъ полную старуху, которая на мой вопросъ отвѣтила, что она «сожительница». Съ другой стороны и незрѣлость не служитъ препятствіемъ. Въ одномъ изъ селеній я видѣлъ совсѣмъ недоразвитую дѣвочку, которую счелъ за дочь хозяина, но она сейчасъ же вывела меня изъ заблужденія, пояснивъ, что она хозяйка-сожительница.

По общему отзыву, состояніе нравственности на Сахалинѣ по истинѣ ужасное. И это вполне понятно. Вліяніе окружающихъ примѣровъ, присущая, особенно малоразви-

тымъ людямъ, подражательность, постепенное освоиваніе и привыканіе къ обыденнымъ явленіямъ окружающей жизни— все это особенно сильно вліяетъ въ ссыльных мѣстностяхъ, гдѣ съ разныхъ концовъ собираются и искусственно сгущаются развращенные элементы.

Многіе поселенцы выпрашиваютъ женщинъ преимущественно съ цѣлью пользоваться доходами отъ ихъ проституціи. Они вынуждаютъ сожительницъ ходить на заработокъ и prostituироваться. «Иди, говорить, на фартъ; плачетъ, да идетъ», рассказывала мнѣ одна женщина въ сел. Дербенскомъ.

Ссылные посылаютъ prostituироваться за копѣйки не только сожительницъ, но и женъ, и дѣвочекъ-дочерей. «Живется тутъ хорошо тому» — пояснилъ одинъ сахалинскій ссыльный— «у кого жена и дочь хороши: тогда и двухъ коровъ не надо».

При разборѣ дѣлъ обнаруживается иногда, что драка произошла при торгѣ мужа своей женой. Мужъ просилъ 50 к., а претендентъ давалъ только 30 к.; не поладили и подрались. «Онъ вынуждаетъ меня добывать средства къ жизни для него пропеитуціей», говорится въ жалобѣ женщины вольнаго состоянія, Коненковой, на ея мужа. «Забирая въ тюрьмѣ хлѣбъ, дѣлаетъ подсылъ заимодавцевъ съ требованіемъ отъ меня расплаты тѣлеснымъ соединеніемъ».

Въ значительномъ числѣ селеній, мужчины, женщины и дѣти совмѣстно моются въ общихъ баняхъ *), которыя въ то же время часто служатъ и притонами разврата.

Многія женщины свободнаго состоянія, приходящія за мужьями, не долго сохраняются въ развращающей атмосферѣ Сахалина и быстро начинаютъ падать все ниже и ниже. «Такихъ, которыя живутъ вѣрою и правдою, здѣсь мало найдешь», говорятъ сами женщины. Зависитъ это отъ

*) Такой же обычай существуетъ и въ деревняхъ нѣкоторыхъ мѣстностей Европейской Россіи. Но что имѣетъ значеніе при однихъ нравахъ, то имѣетъ совершенно другое значеніе при другихъ.

многихъ причинъ. Могущее вліяніе окружающей среды и ея понятій, вліяніе, а часто и прямое насиліе испорченнаго мужа, отсутствіе на островѣ для женщинъ другихъ заработковъ и вообще достаточнаго труда, безъ котораго онѣ еще болѣе портятся, гнетъ сахалинской нужды, особенно ощутительной въ семьѣ—все это благопріятствуетъ паденію женщины. И бросаетъ она дѣтей, а сама идетъ «фартовать», а иногда и совсѣмъ переходитъ къ «чужому мужику».

Надо замѣтить, что матеріальное положеніе женщины свободнаго состоянія хуже, нежели каторжной. Последняя получаетъ пищевое и одежное довольство, а первая только 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ, тогда какъ пудъ муки стоитъ 1 р. 30 к.

Влеченіе къ алкоголю, а мужчинъ поселенцевъ и къ картежной игрѣ, оказываетъ не малое вліяніе на ослабленіе остатковъ нравственности въ сахалинской средѣ. Водка получается изъ колонизаціоннаго фонда, высшее распоряженіе которымъ принадлежитъ военному губернатору и изъ котораго отпускается по меньшей мѣрѣ 3,000 ведеръ въ годъ. Изъ одного ограничительнаго приказа губернатора за 1898 г. видно, «что выручка одного дня по винной лавкѣ иногда превышала 4000 руб. и что отпускъ водки съ каждымъ годомъ прогрессивно возрасталъ, и параллельно съ нимъ возрастаетъ задолженность населенія и количество преступленій». Водка тайно провозится также изъ Японіи и другихъ мѣстностей и тайно выкуривается на самомъ Сахалинѣ подъ названіемъ «самосадки». При полученіи водки, за которую поселенцы иногда платятъ сравнительно «бѣшенныя деньги», пьютъ всѣ члены семьи, пропиваютъ все, что можно, а затѣмъ не стѣсняются прибѣгать и къ женской проституціи, какъ средству добычи денегъ на водку *).

*) „Въ виду полного безденежья округа частые отпуска спирта крайне вредно отзываются на благосостояніи населенія. Ничего не имѣющій поселенецъ всегда найдетъ на спиртъ деньги, проигрывая иногда послѣднюю одежду“. „Любители водки не жалѣютъ пяти пудовъ сѣмянъ хлѣба — бу-

«Въ общемъ жизнь поселенцевъ какой-то тяжелый кошмаръ: смѣсь разгула, безшабашнаго разврата, наглости, безстыдства и разнузданности съ самымъ истиннымъ горемъ и невообразимыми лишеніями, жизнь во всѣхъ проявленіяхъ извращенная», такъ характеризовалъ состояніе сахалинской нравственности начальникъ Тымовскаго округа, г. Савримовичъ.

Несчастныя дѣти родящіяся на Сахалинѣ и приходящія сюда съ матерями, вырастая въ такой обстановкѣ, съ раннихъ поръ знакомятся со всѣми сторонами сахалинской жизни и, какъ существа еще только складывающіяся и развивающіяся, особенно легко поддаются ея тлетворному вліянію и потому очень часто вступаютъ въ жизнь уже въ корень испорченными. Съ физической стороны они уже отъ рожденія часто представляются болѣе или менѣе оскудѣлыми, что въ значительной степени зависитъ и отъ истощенности матерей, у которыхъ, по свидѣтельству врачей, нерѣдко не хватаетъ молока для кормленія грудью, и отъ другихъ условій наслѣдственности. Д-ръ Лобасъ произвелъ осмотръ дѣтей въ Корсаковскомъ пріютѣ, гдѣ они обставлены уже очень недурно. Тѣмъ не менѣе на 37 мальчиковъ въ 14 случаяхъ отмѣчено малокровіе, въ 2—рахитизмъ, въ 4—золотуха, въ 8—тупость умственныхъ способностей, въ одномъ—судорожные припадки, въ 5—неправильности образованія или отсталость въ развитіи. Дѣвочки значительно здоровѣе мальчиковъ и на 22 дѣвоч. совершенно здоровыми отмѣчено 14; малокровіе отмѣчено въ 2 случаяхъ, золотуха—въ одномъ и рахитизмъ—въ одномъ.

Окружающіе примѣры разврата и всѣ вообще впечатлѣнія отъ каторги и ссылки, вліяющія на юную душу, содѣйствуютъ нравственному искаженію ребенка или, правильнѣе, искаженности его развитія и формированія. Невидавшему и близко незнающему сахалинской жизни трудно и представить себѣ, что видитъ, слышитъ и съ чѣмъ отъ колыбели

душаго ихъ обезпеченія, чтобы пріобрѣсть бутылку водки, надѣясь весною на помощь казны“.

свыкается онъ и изъ какихъ зараженныхъ матеріаловъ постепенно слагается его душевная жизнь. Если придумывать духовную отраву, то худшей и болѣе сильной придумать нельзя. Лютеранскій пасторъ, давно уже посѣщающій Сахалинъ для исполненія духовныхъ требъ ссыльныхъ лютеранъ, говорилъ мнѣ, что отъ новаго поколѣнія ссыльныхъ мало можно ждать хорошаго. Завѣдывавшая дѣтскимъ пріютомъ въ сел. Корсаковскомъ *), г-жа Лобасъ, также передавала мнѣ, что ея питомцы хорошо ознакомлены со всѣми наиболѣе темными сторонами и явленіями сахалинской жизни. Сахалинскія дѣти, какъ хорошія зеркала, съ полной точностью отражаютъ въ себѣ эти послѣднія. «Сожитель мамку билъ, чтобы не спала съ чужимъ мужикомъ» — рассказываютъ маленькіе ребятишки. «Я буду твоя сожительница, и мы пойдемъ на поселъе», — лепечетъ еще совсѣмъ крошечная дѣвочка. «Я тебя зарѣжу» — грозитъ мальчикъ. «Я буду Патринъ, а ты пойдешь бродяжничать и я тебя буду драть», — уговариваются при играхъ дѣти и при этомъ сообщаютъ другъ другу, что «тятюку нонѣ выдрали», «мамку въ карцыю взяли», и вообще обмѣниваются рассказами о различныхъ поучительныхъ для нихъ эпизодахъ сахалинской жизни.

Дѣвочки съ 12 и 13 лѣтъ уже начинаютъ жить половою жизнью, а бываютъ случаи, хотя, конечно, очень рѣдкіе, что и ранѣе этого возраста уже попадаютъ въ сожительницы. Въ мою бытность на Сахалинѣ въ Александровскомъ лазаретѣ лечилась девятилѣтняя дѣвочка, представлявшая явленія зараженія сифилисомъ на наружныхъ половыхъ частяхъ. Д-ръ Лобасъ передавалъ мнѣ, что еще не такъ давно въ лазаретѣ лечилось нѣсколько мальчиковъ отъ сифилитическаго зараженія черезъ акты педерастіи.

Развращеніе дѣвочекъ часто происходитъ съ вѣдома родителей, которые не стѣсняются торговать ими, и отдачу въ

*) Казалось бы, что такіе пріюты во всякомъ случаѣ должно устранивать внѣ раіоновъ каторги, чтобы хотя на время воспитанія совершенно прекратить притокъ развращающихъ вліяній отъ этой послѣдней.

сожителство дѣвочекъ-подростковъ считаютъ, повидимому, настолько естественнымъ, что говорятъ о ней и въ официальныхъ документахъ. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ приходится повторить, хотя и съ очень тяжелымъ чувствомъ, слышанный мною отзывъ, что въ лицѣ значительной части молодого сахалинскаго поколѣнія «растетъ новая каторга», развивающаяся подъ вліяніемъ всѣхъ условій ссылки.

Въ нравственномъ развращеніи ссыльныхъ, помимо всѣхъ прочихъ причинъ, значительную роль играютъ и сахалинскія тюрьмы *). Въ нихъ безразлично смѣшиваются арестанты различныхъ въ существѣ ихъ категорій, и въ томъ числѣ сибирскіе и забайкальскіе каторжные, прошедшіе въ партіяхъ долгій путь по различнымъ острогамъ и развращающимъ этапамъ, богатые опытомъ тюремной науки и почему-то извѣстные, между прочимъ, и подъ именемъ «терпигорцевъ». Они оказываютъ значительное вліяніе на другихъ и во многомъ даютъ тонъ жизни своей тюрьмы.

Основаніемъ для распредѣленія арестантовъ по отдѣльнымъ тюрьмамъ на Сахалинѣ преимущественно служитъ различіе въ срокахъ, на которые они осуждены. Болѣе долгосрочные оставляются въ Александровскомъ округѣ, малосрочные отправляются въ округъ Корсаковскій, а Тымовскій округъ представляетъ собою какъ-бы среднее между первыми двумя.

По камерамъ арестанты размѣщаются преимущественно по роду работъ, ими производимыхъ: напр., въ одной помѣщаются плотники, въ другой дровотаски и т. д. Въ особія камеры

*) Большинство сахалинскихъ тюремъ, несмотря на то, что значительная часть арестантовъ тюремнаго разряда живутъ на квартирахъ и въ другихъ помѣщеніяхъ (напр., зимовьяхъ), а семейные иногда прямо или черезъ самое непродолжительное время отправляются на поселя, представляются вполнѣ недостаточными въ смыслѣ помѣщенія, а въ отношеніи гигиеническомъ—очень неудовлетворительными. Болѣе удовлетворительна только новая и бывшая еще недостроенной Онорская тюрьма. Въ ней вводились нѣкоторыя существенныя улучшенія.

выдѣляются еще подслѣдственные и подсудимые и иногда рецидивисты, ненадежные въ отношеніи къ побѣгамъ. Иныхъ оснований для распредѣленія не существуетъ, и лица, мало испорченные и совершившія преступленія при болѣе или менѣе исключительныхъ условіяхъ, легко смѣшиваются съ людьми, глубоко испорченными, а также и съ многоопытными бродягами. Последними нерѣдко бываютъ долгосрочные, иногда весьма важные преступники, «мѣняющіе свою участь», но иногда бываютъ и лица, находящіеся въ какихъ-либо неблагопріятныхъ семейныхъ или въ другихъ исключительныхъ условіяхъ. Въ Александровскую тюрьму для испытуемыхъ, иначе называемую «кандалъной», помѣщаютъ арестантовъ, еще не отбывшихъ срока испытуемости, и сюда же помѣщаютъ арестантовъ подслѣдственныхъ и ссыльныхъ, живущихъ на поселеньяхъ и на квартирахъ, въ случаѣ совершенія ими какихъ-либо дисциплинарныхъ проступковъ. А между тѣмъ эта тюрьма представляетъ собою разсадникъ высшей арестантской науки. Въ ней очень много долгосрочныхъ арестантовъ, которые потеряли всякую надежду на легальное улучшеніе своей участи, отчаянно махнули на себя рукой и озлобились. И всѣ эти заключенные вполнѣ предоставляются взаимнымъ вліяніямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и взаимной порчѣ. Вообще въ эту страшную тюрьму люди попадаютъ иногда слишкомъ уже легко. Мнѣ передавали, что даже дѣти, разсердившись на каторжную прислугу, грозятъ ей кандалнымъ отдѣленіемъ.

Спрошенные мною начальники тюремъ пояснили, что если говорить объ исправленіи, то сроки каторжныхъ работъ должны быть сокращены. Для максимума указывали 15, 12 и даже 10 л. Въ достаточной мѣрѣ широко поставленное условное досрочное освобожденіе, надлежащимъ образомъ организованное, могло бы приносить существенную пользу, безъ ослабленія строгости наказанія. По поводу долгосрочныхъ арестантовъ я считаю долгомъ сказать, что нѣкоторые изъ нихъ достойны самаго живѣйшаго состраданія и по своему нравственному складу вовсе не заслуживаютъ той тяжелой участи, которую несутъ. Они «набѣгали», и притомъ иногда въ первые годы послѣ

осужденія, чрезвычайно долгіе сроки каторжныхъ работъ и испытваемости (въ Александровскомъ, напр., округѣ 35 человѣкъ осуждены на сроки отъ 30 до 40 л. и 5 человѣкъ на срокъ свыше 40 л.; срокъ испытваемости у нѣкоторыхъ достигаетъ 25 л.). Гнетущее вліяніе всей тюремной обстановки, щемлящая сердце тоска по семьѣ, по волѣ и всей прежней жизни, въ связи съ воспоминаніями о совершенномъ преступленіи—все это вызываетъ иногда у заключенныхъ такіа тяжелыя внутреннія состоянія, при которыхъ они перестаютъ думать о будущихъ послѣдствіяхъ, а только страстно стремятся избавиться отъ гнетущей ихъ тоски въ настоящемъ. Надо замѣтить еще, что многіе арестанты въ первые годы послѣ осужденія пессимистично настроены и не надѣются обыкновенно дожить до окончанія долгихъ сроковъ, а потому имъ и кажется, что все уже потеряно и терять больше нечего. Подъ вліяніемъ такихъ состояній нерѣдко и совершаются побѣги, съ цѣлью возврата на родину, или простыя отлучки, вызываемыя напряженнымъ желаніемъ хотя нѣсколько времени побыть на волѣ, подышать «вольнымъ воздухомъ», и притомъ совершаются безъ всякихъ другихъ проступковъ и преступленій. И примѣняются за это къ нимъ до крайности суровыя постановленія о побѣгахъ Устава о ссыльныхъ, даются и плети и накладываются десятки лѣтъ каторжныхъ работъ и испытваемости, и они черезъ то превращаются въ безнадежныхъ и заживо похороненныхъ каторжниковъ. Въ Дуйской тюрьмѣ я видѣлъ 72-лѣтняго каторжнаго, осужденнаго за убійство и потомъ судившагося за 4 побѣга. Онъ получилъ болѣе 300 плетей и присужденъ въ совокупности къ 65 г. работъ. У бывшаго начальника Александровскаго округа въ кучерахъ уже нѣсколько лѣтъ состоялъ каторжный Коваленко, который все время очень хорошо велъ себя. За разбой онъ былъ осужденъ на 11 лѣтъ, да за послѣдующіе 3 побѣга ему дано 100 плетей и накинута 33 г. каторжныхъ работъ и 6 лѣтъ испытваемости. Было бы величайшимъ благоудѣяніемъ облегчить участь всѣхъ таковыхъ и подвергнуть пе-

решенію дѣйствующихъ узаконеній объ отвѣтственности за побѣги и отлучки.

Какія-либо систематическія нравственныя воздѣйствія на арестанта, ознакомленіе съ нимъ и заглядываніе къ нему въ душу съ цѣлью его нравственнаго поднятія на практикѣ не имѣютъ мѣста, и мысль законодателя, проглядывающая въ цѣлостности постановленій Устава о ссыльныхъ, остается безъ осуществленія. Дѣленіе на испытуемыхъ и исправляющихся на практикѣ чисто формальное дѣленіе.

Мѣстные священники, быть можетъ, очень занятые исполненіемъ своихъ обязанностей по поселеніямъ, въ сущности стоятъ далеко отъ внутренней жизни тюрьмы. Не менѣе далеко отстоятъ отъ нея и большинство начальниковъ тюремъ, поглощенныхъ хозяйственными заботами и многообильной и нерѣдко бесполезной перепиской. Начальникъ Мало-Тымовской тюрьмы, Климовъ, вель дѣло иначе и, какъ рассказываютъ, значительно преобразилъ тюрьму. Къ сожалѣнію, онъ скоро долженъ былъ оставить свою дѣятельность, и послѣ него въ тюрьмѣ все пошло по старому. Что касается вліянія обширной переписки, то должно сказать, что за бумагами очень часто совсѣмъ не видятъ живаго дѣла и живыхъ людей съ ихъ нуждами и безысходнымъ горемъ. Канцеляріи переполнены народомъ, а входящія и исходящія—нумерами, которые отъ лицъ завѣдывающихъ требуютъ очень много труда и времени. Напримѣръ, Александровское окружное полицейское управленіе, находящееся всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ канцеляріи в.-губернатора, усиленно переписывается съ этой послѣдней, а также и съ находящейся отъ нея вблизи канцеляріей Александровской тюрьмы. При необходимости, напр., перевода изъ тюрьмы въ лазаретъ, врачъ былъ долженъ писать начальнику тюрьмы, тотъ—начальнику округа, послѣдній—в.-губернатору, резолюція котораго возвращалась тѣмъ же путемъ, вслѣдствіе чего больные иногда попадали въ лазаретъ только спустя много дней. При однообразіи и замкнутости жизни сахалинскихъ служащихъ, усиленный обмѣнъ бумагами, допускающими больше обдумыванія и отдѣлыванія,

служить иногда и поводомъ къ обмѣну колкостями и сведенію личныхъ счетовъ. Поэтому въ тюрьмахъ значительнѣйшая доля вліянія принадлежитъ недостаточному, и въ количественномъ и качественномъ отношеніи, надзирательскому персоналу.

Въ бытность мою на Сахалинѣ, по расчету, одинъ младшій надзиратель приходился на 35 человѣкъ каторжныхъ и одинъ старшій на 40. Но благодаря тому, что надзиратели разбросаны по селеніямъ, состоятъ при канцеляріяхъ, управляютъ полицейскіи обязанности и проч., надзоръ въ тюрьмахъ былъ очень слабъ. Такъ, напр., въ Александровской кандалной тюрьмѣ на цѣлый обособленный корпусъ, въ которомъ помѣщаются до полутора ста человѣкъ, полагается одинъ надзиратель, который дежуритъ цѣлыя сутки. Изъ общаго числа 361 надзирателей, состоявшихъ на-лицо къ 1 іюля 1896 г., свободного состоянія было 140 чел., крестьянъ изъ ссыльных—19 чел., сс.-поселенцевъ—71 чел. и солдатъ, еще состоявшихъ на службѣ,—131 чел. Относительно послѣднихъ нужно замѣтить, что начальники частей, въ видахъ своихъ собственныхъ интересовъ, по большей части сбываютъ въ надзиратели менѣе способныхъ. Изъ дѣлъ видно, что надзиратели увольняются сравнительно довольно часто и причинами увольненія, между прочимъ, служатъ: пьянство, картежная игра съ каторжными, нанесеніе побоевъ арестантамъ, оказаніе содѣйствія при побѣгахъ, неправильное полученіе водки и проч. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что до послѣдняго времени Александровская, напр., тюрьма для исправляющихся представляла собою какой-то ночлежный домъ, куда сходились поселенцы и каторжные, живущіе на квартирахъ, проносилась водка и велась оживленная картежная игра.

Наконецъ, въ числѣ причинъ неудачи колонизаціи надо указать и на отвращеніе ссыльныхъ къ Сахалину. Здѣсь они отбывали наказаніе и все имъ здѣсь постоянно напоминаетъ тюрьму и тюремную жизнь. Въ селеніяхъ они находятъ разноплеменное, разноязычное и разнохарактерное населеніе,

соседающееся со всѣхъ концовъ Россіи, постоянную близость надзирателя, отъ аттестаціи котораго такъ много зависитъ въ жизни поселенца, и постоянную угрозу въ сущности тѣмъ же каторжными работами (отдача во временныя заводскія работы). Все это, въ связи съ другими причинами, порождаетъ въ поселенцахъ сильное, неудержимое желаніе подальше уйти отъ Сахалина, отъ его порядковъ и поскорѣе забыть о нихъ. «Сейчасъ бы полетѣлъ, если бы пустили; ничего здѣсь хорошаго нѣтъ». «Народъ здѣсь сборный» и «какое же тутъ хорошее мѣсто». Сахалинъ «все равно, какъ тюрьма». «Мы бы еще могли остаться и здѣсь—люди старые, но изъ-за дѣтей не останемся. Здѣсь народъ избалованный и дурной, и всѣ молодые уѣзжаютъ, а здѣсь не остаются. Уѣзжаютъ и пріѣзжаютъ, а все оставаться не хотятъ. Правильно сказать, скучно и скучно. Наше дѣло старое, а все какъ будто потерявши что, да и развратнаго народу много. Нынче стали и кражи, и убійства; были и прежде, но меньше. Народъ здѣсь мертвый, такъ мертвымъ и пахнетъ. Бросить все несколько не жалко». «Хотя бы дѣтямъ вольный свѣтъ показать» и «гдѣ бы ни умереть, только на материкѣ». Таковы сужденія и отзывы, которые мнѣ приходилось слышать во время объѣздовъ, при разспросахъ поселенцевъ о ихъ житьѣ-бытьѣ, о ихъ планахъ на будущее и о побудительныхъ причинахъ къ этимъ планамъ.

При такомъ отношеніи старшихъ, молодежь уходитъ съ Сахалина, а потому сколько-нибудь прочное его заселеніе ссыльными и до настоящаго времени не образовалось еще и въ зачаткѣ. На Сахалинѣ существуетъ только обширное казенное тюремное учрежденіе съ переходною стадіей къ выселенію—временнымъ поселеніемъ.

Промыслы на островѣ Сахалинѣ.

XVII.

Въ заключеніе обзора Сахалина, какъ сельско-хозяйственной штрафной колоніи, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о занятіяхъ и промыслахъ второстепенныхъ и подсобныхъ, каковы: добыча каменнаго угля, эксплуатація и разработка лѣса, ловля и засолъ рыбы, которая на Сахалинѣ представляетъ громадныя богатства, приготовленіе удобриельныхъ туковъ, ловля морской капусты и работы въ различныхъ мастерскихъ *).

Всѣ упомянутые промыслы были и продолжаютъ оставаться подсобными и еще мало развитыми, въ которыхъ нѣкоторая часть поселенцевъ находитъ кое-какіе заработки. Даже каменноугольное дѣло, возникшее ранѣе земледѣльческой колонизаціи, пока не вызывало никакихъ прочныхъ образованій.

Для дальнѣйшаго развитія и сколько-нибудь широкой постановки промысловъ, особенно такихъ, какъ разработка каменнаго угля и рыбныя ловли, администраціи пришлось бы не только затратить капиталы и придать надлежащую организацію самымъ производствамъ, въ соотвѣтствіи съ особенностями приливающего на островъ штрафнаго элемента, но еще и правильно организовать вывозъ и сбытъ, что, вслѣдствіе своеобразности сахалинскихъ условій, въ свою очередь, пред-

*) По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Тымовскомъ округѣ открыты золотыя розсыпи. Если это открытіе подтвердится и розсыпи окажутся достаточными, то оно уже, конечно, не послужитъ къ упорядоченію сахалинской ссылки.

полагало бы устройство въ разныхъ мѣстахъ складовъ, заведеніе коммиссіонеровъ и проч., однимъ словомъ,—широкую организацію дѣла на правильныхъ коммерческихъ началахъ. Въ состояніи ли такая его постановка дать основанія для прочной ссылки, въ смыслъ прочнаго заселенія острова и образованія изъ него промышленной штрафной колоніи, и представляются ли всѣ указанныя обширныя задачи по силамъ тюремной администраціи—разрѣшить это съ несомнѣнностью могло бы только будущее. Принимая же во вниманіе продолжительный опытъ прошлаго и внимательно вглядываясь и вдумываясь въ настоящее положеніе *) и образующіе его элементы, позволительно очень сильно сомнѣваться въ возможности успѣшнаго разрѣшенія всѣхъ этихъ задачъ и въ будущемъ.

Въ настоящее время каменноугольная промышленность на островѣ находится въ рукахъ частныхъ обществъ, съ одной стороны, и тюремной администраціи—съ другой. Количество угля, добываемаго въ 3-хъ тюремныхъ рудникахъ, въ послѣднее время достигло 60 тыс. пудовъ въ мѣсяцъ. Къ сожалѣнію, на его качество мнѣ приходилось слышать жалобы. Неудовлетворительность получавшагося до сихъ поръ угля признавалъ и инженеръ о. Сахалина, г. Марголіусъ, въ разговорѣ со мною, при осмотрѣ Владимірскаго рудника. Но онъ относилъ это исключительно на долю существовавшихъ еще недостатковъ въ организаціи разработки угля, которые надѣялся устранить въ будущемъ. Нельзя, впрочемъ не замѣтить, что такія же надежды всегда существовали и въ прошломъ.

Между частными углепромышленниками и тюремной администраціей уже и въ мою бытность замѣчался нѣкоторый антагонизмъ и соперничество. Первые жаловались на недостаточно благожелательное отношеніе второй къ част-

*) Всѣ приводимыя свѣдѣнія, а потому и всѣ мои замѣчанія относятся къ началу второй половины 1896 г. Здѣсь не лишне припомнить и сопоставить сказанное о французской ссылкѣ (стр. 27).

нымъ предпріятіямъ, а также и на то, что, пользуясь своимъ исключительно благопріятнымъ положеніемъ въ отношеніи рабочихъ и средствъ эксплуатаціи вообще, она до крайности затрудняла дѣло частныхъ промышленниковъ и создала для нихъ разорительную конкуренцію. При этомъ они попутно указывали на прошлыя неудачи и невыгодность разработки каменнаго угля тюремной администраціей и на ея неспособность вести дѣло на правильныхъ коммерческихъ началахъ.

Добычею морской капусты и ловлею и приготовленіемъ рыбы занимаются японцы, русскіе частные промышленники, какъ изъ людей свободнаго состоянія, такъ и изъ ссыльныхъ, вновь организующіяся малыя артели сс.-поселенцевъ и тюремная администрація.

Исключая предпріятія «Семеновъ и Демби», всѣ остальные русскія предпріятія (въ томъ числѣ и тюремная администрація) еще только возникаютъ и организуются, а потому говорить о результатахъ ихъ дѣятельности пока преждевременно. Несомнѣнно, что ссыльные съ администраціей во главѣ могутъ достигнуть того, что будутъ въ состояніи удовлетворять всѣмъ безъ исключенія неприхотливымъ мѣстнымъ нуждамъ въ рыбѣ, но будутъ ли они въ состояніи собственными силами сколько-нибудь надлежащимъ образомъ эксплуатировать рыбныя богатства Сахалина на коммерческихъ началахъ—болѣе нежели сомнительно *).

Эксплуатація лѣсовъ острова до настоящаго времени, можно сказать, еще не начиналась. Лѣса преимущественно истребляются значительными пожарами, которые иногда распространяются на очень большія пространства. По сторонамъ дорогъ то и дѣло попадаются обширныя площади, покрытыя обгорѣлыми стволами, которыя представляютъ очень печальный видъ. До сихъ поръ лѣсъ употреблялся почти исключительно на тюремныя и поселенческія постройки, да на нѣкоторыя подѣлки (напр., столярныя работы; въ послѣднее время онъ

*) Есть основаніе предполагать, что въ ближайшемъ будущемъ разовьются свободныя предпріятія этого рода.

употреблялся и на постройку заказныхъ баржъ). Въ 1896 году имѣлъ мѣсто опытъ съ вывозкою лѣса въ формѣ шпалъ.

Разнообразныя тюремныя мастерскія, занимающія, вмѣстѣ съ чернорабочими, до 400 арестантовъ, удовлетворяютъ почти исключительно нуждамъ тюремнаго вѣдомства и выполняютъ немногіе частные мѣстные заказы. Обученіе ремеслу въ нихъ не практикуется, что составляетъ съ пенитенціарной точки зрѣнія ихъ наиболѣе слабую сторону. Мнѣ передавали, что однажды, при недостаткѣ плотниковъ, нѣкоторыхъ арестантовъ подучили плотничному дѣлу, но это былъ исключительный случай. Между тѣмъ въ средѣ арестантовъ есть не мало людей слабосильныхъ (возвращеніе въ довольно значительномъ числѣ съ желѣзнодорожныхъ работъ рабочихъ, за негодностью ихъ къ послѣднимъ, съ очевидностью доказываетъ это), для которыхъ земледѣльческій трудъ, особенно тяжелый на Сахалинѣ, а также и въ Приамурскомъ краѣ, является совершенно непосильнымъ и потому способнымъ только отохочивать и отучать ихъ отъ работы. Для такихъ обученіе ремесленнымъ производствамъ, соотвѣтствующимъ уровню ихъ силъ и способностей, было бы особенно полезно какъ съ точки зрѣнія общегосударственныхъ, такъ и ихъ личныхъ интересовъ. Тюрьма должна заботиться не только о наиболѣе продуктивной утилизаціи находящагося въ ея распоряженіи контингента заключенныхъ, но и должна главнымъ образомъ заглядывать въ будущее, когда эти заключенные получатъ болѣе или менѣе полную свободу, выйдутъ изъ непосредственнаго надзора, станутъ на свои ноги и должны будутъ воспользоваться всѣми своими способностями, умѣніями и навыками для устройства своей дальнѣйшей судьбы.

Частные предприниматели, насколько я могъ убѣдиться лично въ разговорахъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, повидимому, предпочитаютъ употреблять въ качествѣ рабочихъ японцевъ и китайцевъ. Въ чемъ заключается причина такого предпочтенія—съ увѣренностью сказать не могу. Отъ самихъ промышленниковъ пришлось слышать жалобы на работу какъ каторжныхъ, такъ и сс.-поселенцевъ. Г. Семеновъ говорилъ

мнѣ, что послѣдніе не желаютъ работать, работаютъ дурно, а потому онъ и избѣгаетъ ихъ. Г. Креморенко, нанимавшій 43 рабочихъ японцевъ и только 5 русскихъ изъ ссыльныхъ, пояснилъ мнѣ, что послѣднихъ можно брать лишь съ большимъ выборомъ. Они, по его словамъ, портятся въ тюрьмахъ и работаютъ плохо, да къ тому же и много воруютъ. Онъ передавалъ также, что ему давали каторжныхъ по низкой цѣнѣ, но онъ все-таки нашелъ ихъ трудъ невыгоднымъ для себя и больше не беретъ ихъ.

На рудникѣ товарищества И. О. Маковскій и К^о, во время моего посѣщенія, работало 71 китаецъ и 130 сс.-поселенцевъ. Сопутствовавшій намъ служащій на рудникѣ пояснилъ, что они предпочитаютъ китайцевъ поселенцамъ. Первые работаютъ «безъ праздниковъ» (у нихъ только два праздничныхъ дня въ мѣсяцъ, да и въ тѣ, въ случаѣ нужды, они легко соглашаются работать), не пьянствуютъ, при полученіи денегъ, и, работая поденно, въ общемъ будто-бы производятъ больше сс.-поселенцевъ. Вслѣдствіе этого г. Маковскій, по словамъ того же служащаго, имѣлъ намѣреніе набрать исключительно китайцевъ и отказаться отъ работы поселенцевъ.

Привожу всѣ эти отзывы въ виду ихъ значенія, какъ показателей. Въ прежнее время Сахалинъ, открытый въ теоріи для всѣхъ, фактически представлялся исключительно штрафной колоніей, въ которой распоряжалась и вела всѣ дѣла одна тюремная администрація. Приѣзжавшіе японцы получали только право ловли и вывоза къ себѣ наловленнаго. Общество «Сахалинъ» *) являлось арендаторомъ тю-

*) Оно также жаловалось на рабочихъ, доставляемыхъ тюремною администраціею. Насколько основательны эти жалобы—судить не берусь. Не могу, однако, не отмѣтить, что въ то время, когда г. Маковскій, принимающій столь дѣятельное участіе въ обществѣ „Сахалинъ“, въ предпріятіи основаннаго имъ товарищества платитъ сс.-поселенцамъ отъ 15 до 20 и даже до 30 руб. въ мѣсяцъ,—общество „Сахалинъ“ получаетъ отъ казны своихъ рабочихъ всего по 20 коп. въ день.

ремнаго рудника и дѣйствовало въ силу контракта, заключеннаго съ тюремнымъ вѣдомствомъ; частное же предпріятіе Семенова и Демби не возвышало голоса.

Въ послѣднее время положеніе, однако, измѣнилось. Число частныхъ предпріятій увеличилось и, конечно, будетъ продолжать увеличиваться. Дѣло каторги и ссылки въ свою очередь значительно разрослось и осложнилось. Выяснилось съ очевидностью, что штрафная колонія рѣшительно не можетъ быть обезпечена однимъ земледѣліемъ. Поэтому, если, не смотря на все, и въ будущемъ рѣшено будетъ сохранить штрафное заселеніе острова, — болѣе правильная постановка періода сс.-поселенчества и организація различныхъ подсобныхъ промысловъ, которые бы дали сколько-нибудь достаточные заработки населенію и тѣмъ предохранили островъ отъ развивающагося праздношатательства и бродяжества, нерѣдко приводящихъ людей въ тюрьму и каторгу, безусловно необходимы.

Все сказанное, приводитъ къ заключенію, что заурядовая массовая ссылка, являющаяся послѣдствіемъ каторжныхъ работъ, даже при системѣ всесторонней опеки ссыльныхъ, до сихъ поръ не удалась, и не удалась, между прочимъ, какъ вслѣдствіе особенностей значительной части ссыльныхъ, такъ и вслѣдствіе недостаточности средствъ у администраціи сколько-нибудь надлежащимъ образомъ справиться съ ежегоднымъ наплывомъ осужденныхъ и ихъ принудительной колонизаціей, несмотря на безотносительно весьма значительныя суммы, ежегодно затрачивавшіяся и затрачиваемыя на Сахалинъ. Не оградила ссылка на островъ и отъ побѣговъ, какъ на это рассчитывали прежде. Изъ свѣдѣній канцеляріи в.-губернатора видно, что не возвращенныхъ бѣглыхъ было: въ 1891 г.—58 чел., въ 1892 г.—158 чел., въ 1893 г.—93 чел., въ 1894 г.—62 чел. и въ 1895 г.—40 чел. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что, при отсутствіи повѣрокъ ссыльнаго населенія острова, цифры эти едва-ли могутъ считаться достаточно точными.

Нерчинская каторга.

ХVIII.

Нерчинская каторга занимаетъ довольно обширный районъ и состоитъ изъ восьми тюремъ, изъ которыхъ я имѣлъ случай видѣть только двѣ — Зарентуйскую, представляющую административный центръ Нерчинской каторги, потому что при этой тюрьмѣ находится ея управленіе, и Мальцовскую *).

На каторгѣ еще сохраняются нѣкоторыя воспоминанія о сравнительно не очень отдаленномъ прошломъ,—о временахъ знаменитаго «звѣря» Разгильдѣева, который запарывалъ арестантовъ, и о послѣдующихъ временахъ, когда, какъ рассказываютъ, нѣкоторыми смотрителями тюремъ устраивались даже аѳинскіе вечера и когда на каторгѣ совершались и другія не малыя злоупотребленія!

Но это отошло уже въ область преданій и за послѣдніе годы въ жизни каторги весьма многое, а въ томъ числѣ и отношеніе къ арестантамъ значительно измѣнили свой характеръ, вслѣдствіе чего нѣсколько улучшились, какъ говорятъ, и нравы самихъ каторжанъ.

Къ 1 сентября 1896 г. на Нерчинской каторгѣ по всѣмъ тюрьмамъ состояло сс.-каторжныхъ: мужчинъ 1783 и женщинъ 210. Изъ этого числа 577 чел. находились на работахъ на строящейся сибирской желѣзной дорогѣ.

Важнѣйшая обычная работа нерчинскихъ каторжныхъ, ради которой самое мѣсто для каторги избрано на отдаленной и глухой окраинѣ Забайкальской области—разработка

*) Видѣнное мною зданіе этой тюрьмы сгорѣло еще въ бытность мою въ Горномъ Зарентуѣ.

серебро-свинцовыхъ рудниковъ. Работы эти нельзя отнести къ числу выгодныхъ, а потому казнѣ приходится довольно много приплачивать за содержаніе арестантовъ.

Завѣдывающіе работами представители горнаго вѣдомства жалуются на недостаточное количество рабочихъ рукъ, доставляемыхъ тюремнымъ вѣдомствомъ, на «слишкомъ незначительную производительность сс.-каторжныхъ въ сравненіи съ продуктивностью вольнонаемныхъ рабочихъ» и на «вялость и апатичность» въ работѣ первыхъ. По свидѣтельству представителей горнаго вѣдомства, даже «старательская плата», выдаваемая за сверхъ-урочную работу, и «поощренія болѣе прилежнымъ», хотя и заставляютъ сс.-каторжныхъ относиться нѣсколько охотнѣе, но и при означенномъ условіи работа эта все-таки представляется «слишкомъ непродуктивной».

Важнѣйшія причины явленій, подающихъ поводъ къ приведеннымъ жалобамъ представителей горнаго управленія на работу каторжныхъ, повидимому, кроются главнымъ образомъ въ недостаточности питанія и связанной съ нею нервно-органической истощенности послѣднихъ.

Эти явленія довольно обычны и въ тюрьмахъ другихъ странъ. При осмотрѣ французскихъ тюремъ, мнѣ пришлось слышать отъ тюремнаго врача Gaillon'ской тюрьмы, д-ра Niguel, что и у нихъ «фізіологическая бѣдность», т. е. органическое оскудѣніе, представляетъ собою «тюремную болѣзнь». Другою причиною является малая заинтересованность каторжныхъ въ работахъ. Доказательствомъ служить, что измѣненія въ благопріятномъ направленіи условій постановки дѣла обыкновенно влекутъ за собою и значительное повышеніе продуктивности труда тѣхъ же каторжныхъ, какъ это ясно показываетъ приводившійся уже мною примѣръ успѣха работъ у г. Галичанина и примѣръ другихъ желѣзнодорожныхъ работъ, о которыхъ я скажу ниже.

Другимъ доказательствомъ могутъ служить и слѣдующія данныя. Изъ 1159 чел. каторжныхъ мужчинъ, по свѣдѣ-

ніямъ 1896 г., только 493 чел., по состоянію ихъ силъ, были способны къ горнымъ и строительнымъ работамъ; къ домашнимъ тюремнымъ работамъ были способны 253 чел., къ легкимъ домашнимъ работамъ — 250 чел. и вовсе неспособныхъ ни къ какимъ работамъ было 163 чел. Такимъ образомъ, оказывается, что значительно больше половины освидѣтельствованныхъ сс.-каторжныхъ представлялись неспособными къ болѣе тяжелымъ работамъ. По словамъ врача каторги, г. Голосова, въ арестантахъ прежде всего поражаетъ всякаго, близко къ нимъ стоящаго человѣка, ихъ «непонятная, ничѣмъ необъяснимая лѣнь». «Прибѣгаютъ ко лжи, жалуются на болѣзни, искусственно производятъ разнаго рода поврежденія и все только для того, чтобы какъ-нибудь освободиться отъ работы».

Это «непонятное», «необъяснимое» отвращеніе къ труду, доходящее до произведенія искусственно разнаго рода поврежденій, едва-ли можетъ быть объяснено исключительно одною незаинтересованностью арестантовъ въ работахъ и неудовлетворительною постановкою послѣднихъ. Какъ ни важны указанные факторы, ими, повидимому, все не исчерпывается. Многое надо отнести и на счетъ самихъ арестантовъ, на счетъ ихъ органическихъ состояній. Послѣднія, какъ вездѣ и всегда, являются результатами наслѣдственныхъ вліяній, условій предшествующей жизни, особенностей тюремнаго режима, а у нерчинскихъ и вообще у сибирскихъ каторжниковъ, также и результатами крайне неблагопріятныхъ условій пересылки, которая длится многіе мѣсяцы и во время которой арестанты холодають, голодають, подвергаются всевозможнымъ лишеніямъ и потому страшно истощаются.

Многія зданія на этапномъ пути находятся въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Вмѣстимость ихъ безусловно недостаточна для проходящихъ партій, вслѣдствіе чего арестанты на ночь размѣщаются не только подъ нарами и на полу, но также въ корридорахъ, на чердакахъ, а иногда—несмотря ни на какую погоду—даже на дворѣ подъ открытымъ небомъ, при чемъ о раздѣленіи по поламъ и возвра-

стамъ въ такихъ случаяхъ, конечно, нѣтъ и рѣчи. Отъ скученности и отъ вносимыхъ на ночь «парашъ» воздухъ въ этапныхъ помѣщеніяхъ, особенно къ утру, становится зараженнымъ и совершенно негоднымъ для дыханія.

Питаются арестанты во время пути по большей части въ сухомятку; они не получаютъ горячаго и покупаютъ пищу у сходящихся къ этапу торговцевъ, при чемъ выдаваемыхъ 8 коп. кормовыхъ во многихъ мѣстахъ, вслѣдствіе дороговизны, совершенно недостаточно, особенно для людей, совершающихъ большіе и тяжелые переходы. Напримѣръ, на Зарентуйскомъ трактѣ коврижка хлѣба фунта въ три продается за 15 к., яйца 20 к. за десятокъ, а молоко 10 к. за бутылку. Поэтому арестанты, не имѣющіе собственныхъ денегъ, голодаютъ. Во время пути они обнашиваются и иногда терпятъ недостатокъ въ одеждѣ, бѣльѣ и обуви. О нравственности уже и говорить нечего. По словамъ лицъ близко знакомыхъ съ вліяніемъ условій пересылки, дѣвушки и женщины и не только каторжныя, но и добровольно слѣдующія за мужьями, въ пересыльных партіяхъ часто въ корень портятся и приходятъ на каторгу уже готовыми проститутками. Не менѣе пагубное вліяніе оказываетъ пересылка и на идущихъ въ партіи при родителяхъ дѣтей, которыя во время долгаго пути на каждомъ шагу сталкиваются съ развращающими примѣрами *). Завѣдывавшая Зарентуйскимъ пріютомъ, А. В. Толвинская, передавала мнѣ, что одинъ маленькій питомецъ заведенія, замѣченный въ занятіяхъ педерастіей, объяснилъ, что онъ научился этому во время слѣдованія въ партіи.

Изъ свѣдѣній тюремныхъ врачей, осматривающихъ пересыльные партіи, видно, что у арестантовъ этихъ партій «прежде всего бросается въ глаза общее истощеніе и нервное переутомленіе организма: исхуданіе, общая слабость, разбитость, блѣдность слизистыхъ оболочекъ, желтовато-зеленый

*) Теперь это уже во многомъ облегчено и скоро, вѣроятно, отойдетъ въ область прошлаго.

цвѣтъ кожи, головныя боли и головокруженія, особый блескъ глазъ, повышеніе нажной температуры тѣла, сердечныя перебои и частый, слабаго наполненія пульсъ. Эти болѣзненныя проявленія присущи громадному большинству приходящихъ».

На столь хорошо подготовленной почвѣ у арестантовъ развивается большое количество заболѣваній пищеварительныхъ органовъ, которыя обуславливаютъ «недостаточное перевариваніе пищи, недостаточное ея усвоеніе и препятствуютъ правильному возстановленію организма: отсюда истощеніе, малокровіе, вялость тканевыхъ элементовъ, постепенное увяданіе силъ и угасаніе жизни». «Диспепсія, острый и хроническій катарръ пищевыхъ путей, растяженіе желудка и атонія нервно-мышечнаго аппарата различныхъ отдѣловъ пищевого тракта являются преобладающими надъ всѣми остальными болѣзнями. Чрезвычайно рѣзкое увеличеніе объема желудка (растяженіе) съ атрофіей мышечной стѣнки и железъ представляетъ обыденную болѣзнь долгое время идущихъ въ партіяхъ арестантовъ и является результатомъ постоянного обремененія желудка громадными массами полусырого хлѣба и несоразмѣрно большого употребленія жидкостей — обычнаго способа питанія въ тюрьмахъ».

Слѣдующее мѣсто занимаютъ различныя болѣзни дыхательныхъ органовъ. «Катарръ легкихъ и чахотка особенно часто встрѣчаются у арестантовъ грузинскаго, иранскаго и горскихъ племенъ». Во время пути названныя болѣзни у нихъ «быстро развиваются, пріобрѣтаютъ галопирующій характеръ» и заканчиваются быстрымъ и полнымъ истощеніемъ организма, сопутствующей неспособностью къ труду и преждевременной гибелью.

Большое распространеніе среди арестантовъ въ партіяхъ представляютъ хроническіе ревматизмы мышцъ и суставовъ, застарѣлыя формы сифилиса (довольно часто пріобрѣтается въ дорогѣ), скорбутъ (пріобрѣтается благодаря особенностямъ тюремнаго питанія), растяженія венъ нижнихъ конечностей и грыжи.

Часто встрѣчаются страданія сосудовъ (атероматозное перерожденіе артерій, какъ результатъ пьянства и другихъ неблагопріятныхъ вліяній) и нервныя болѣзни. Изъ послѣднихъ часто наблюдаются различныя невралгіи, эпилепсія (большею частью развивающаяся на наслѣдственной почвѣ) и параличныя явленія (на почвѣ сифилиса и атероматоза).

Большинство душевныхъ разстройствъ, наблюдаемыхъ у арестантовъ, развивается «на почвѣ инсалиднаго мозга и тяжелой наслѣдственности, отягощенной послѣдующими неблагопріятными вліяніями». Между этими разстройствами, какъ показываютъ статистическія данныя Иркутскаго психіатрическаго отдѣленія гражданской больницы, рѣшительно преобладаютъ формы вырожденія, а между ними первичное и эпилептическое помѣшательство и тѣ тонкія формы душевныхъ уклоненій, которыя подводятъ иногда подъ понятіе «нравственнаго помѣшательства» (Moral insanity).

У большинства женщинъ-арестантокъ встрѣчаются различныя разстройства половой сфѣры и притомъ чаще въ хроническихъ формахъ, которыя, въ связи съ дурнымъ питаніемъ и неблагопріятными вліяніями, свойственными пересылкѣ, вызываютъ нерѣдко встрѣчаемый у ссыльныхъ женщинъ преждевременный маразмъ.

Въ такомъ органическомъ состояніи приходятъ арестантскія партіи на каторгу, гдѣ условія жизни въ каторжныхъ тюрьмахъ мало способствуютъ восстановленію расшатаннаго здоровья. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ средѣ каторжныхъ арестантовъ, помимо лицъ, страдающихъ перечисленными уже болѣзнями и разстройствами, очень часто встрѣчаются, какъ свидѣлствуютъ тюремные врачи, неврастеники, отличающіеся легкой возбудимостью и различными разстройствами чувствительности. Конечно, всѣ такіе органически подбитые арестанты не могутъ быть хорошими работниками. Они-то и даютъ большое количество слабосильныхъ и такъ называемыхъ «уклоняющихся отъ работъ», которые болѣе или менѣе часто и вызываютъ противъ себя дисциплинарныя мѣры репрессіи. По имѣющимся у меня свѣдѣ-

ніямъ, размѣры рабочихъ уроковъ сс.-каторжныхъ меньше размѣровъ уроковъ вольныхъ рабочихъ, и составляютъ лишь 0,7 величины ихъ. Уменьшеніе уроковъ «вызывается упадкомъ физическихъ силъ арестантовъ подъ вліяніемъ нравственныхъ причинъ и сравнительно меньшаго питанія». Не трудно понять, какъ такое санитарное состояніе значительнаго числа арестантовъ должно отражаться на ихъ обычномъ самочувствіи, настроеніи, а вслѣдствіе того и на проявленіяхъ характера.

При такой органической подготовкѣ и всѣхъ послѣдующихъ вліяніяхъ каторги, будущее на поселеніи мало сулитъ этимъ людямъ и мѣстному населенію, среди котораго имъ, по выходѣ, придется жить и дѣйствовать.

Помимо горныхъ работъ на Нерчинской каторгѣ производятся и многія другія работы, которыя въ совокупности поглощаютъ около $\frac{5}{6}$ всѣхъ рабочихъ поденщинъ. Наибольшая часть послѣднихъ уходитъ на работы домашнія (изъ 621.963 рабочихъ поденщинъ 311.287 были употреблены на домашнія работы), а затѣмъ на работы строительныя и ремонтныя.

При тюрьмахъ существуютъ также различныя мастерскія, которыя удовлетворяютъ преимущественно нуждамъ тюремнаго вѣдомства, а иногда исполняютъ и немногочисленные частные заказы. Въ послѣднемъ случаѣ имѣютъ мѣсто частныя соглашенія и заработныя деньги поступаютъ работавшимъ.

Нѣкоторыя казенныя работы бесплатны, напримѣръ, работы чернорабочихъ, а другія платныя, при чемъ послѣднія вознаграждаются неодинаково. Урочныя горныя работы вознаграждаются 10% отъ поденной платы (20 коп.), вносимой горнымъ вѣдомствомъ за каждаго рабочаго; сверхъ-урочныя горныя работы оплачиваются особо и вознагражденіе за нихъ полностью идетъ работавшему. Вознагражденіе за плотничныя, каменные и другія строительныя работы, а также за работы во многихъ мастерскихъ производится единовременными выдачами отъ двухъ до трехъ разъ въ годъ, по пред-

ставленіямъ начальниковъ тюремъ, въ размѣрѣ отъ двухъ до трехъ рублей. Работы въ портняжной и сапожной мастерскихъ вознаграждаются 10% отъ заработка, опредѣляемаго по особому разсчету.

Такую систему вознагражденій за трудъ заключенныхъ едва-ли можно признать цѣлесообразной. Особенныя неудобства представляетъ полная бесплатность нѣкоторыхъ видовъ тюремныхъ работъ. Съ каторги, въ среднемъ, люди выходятъ въ лѣтахъ уже сравнительно болѣе или менѣе пожилыхъ, когда наиболѣе активный рабочій возрастъ остался позади, а между тѣмъ освобождаемымъ еще предстоитъ вновь создавать себѣ свое жизненное положеніе. На свободѣ главныя основанія послѣдняго закладываются большею частью именно въ тотъ періодъ, который каторжные проводятъ въ тюрьмахъ. Послѣдующіе же годы обыкновенно посвящаются сохраненію и увеличенію уже пріобрѣтеннаго. Имѣя это въ виду, слѣдовало бы стремиться хотя къ нѣкоторому обезпеченію заключенныхъ въ тотъ періодъ ихъ жизни, когда они покинутъ тюрьмы и будутъ вынуждены самостоятельно выдерживать упорную борьбу за существованіе и обезпечивать себя и свои семьи. Съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на наказаніе и какое бы значеніе ему ни придавали—мы не можемъ не считаться съ фактами живой дѣйствительности и съ реальными интересами общественной пользы. Вполнѣ достаточная помощь со стороны государства всѣмъ выходящимъ изъ тюремъ никогда и нигдѣ не имѣла и не имѣетъ мѣста какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, да едва-ли когда-нибудь будетъ достигнута и въ будущемъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ. Освобожденіе же изъ тюремъ значительнаго числа людей, лишенныхъ средствъ, сравнительно уже пожилыхъ и болѣе или менѣе изжитыхъ, обыкновенно влечетъ за собою впаденіе въ новыя преступленія, возвратъ въ тюрьмы, ихъ заполненіе рецидивистами и чрезмѣрное отягощеніе общественной и частной благотворительности. Для устраненія этого, между прочимъ, и должна бы служить правильная постановка тюремныхъ работъ и вознагражденіе за нихъ. Работы эти, по

возможности, слѣдовало бы организовать на правильныхъ коммерческихъ началахъ, при чемъ работы общественныя, казалось бы, могли съ пользою для всѣхъ играть въ нихъ весьма важную роль. Тѣ же виды тюремныхъ работъ, которые непосредственно не даютъ дохода, слѣдовало бы оплачивать изъ общихъ тюремныхъ заработныхъ суммъ.

Нельзя признать, какъ я уже замѣчалъ выше, цѣлесообразнымъ и практикующееся на каторгѣ вознагражденіе за работы единовременными выдачами, по представленіямъ начальниковъ тюремъ. При такой системѣ связь и зависимость между вознагражденіемъ, его размѣрами и суммой затраченныхъ трудовыхъ усилій не представляются очевидными для работающихъ, особенно когда ими являются мало развитые каторжные.

Послѣдніе, при настоящей постановкѣ работъ, къ сожалѣнію, мало заинтересованы въ нихъ, что, въ связи съ недостаточностью питанія, служитъ могущественною причиною облѣниванія арестантовъ и утраты ими привычки къ труду. Вообще отсутствіе у арестанта возможности сколько-нибудь значительно вліять въ ближайшемъ будущемъ на улучшеніе своей участи упорнымъ трудомъ и самодѣятельностью представляетъ собою одну изъ наиболѣе слабыхъ сторонъ въ постановкѣ нашего тюремнаго дѣла. Лучшія усилія и старанія арестанта, вызывая иногда одобреніе ближайшаго начальства, въ общемъ, остаются почти безъ вліянія и мало измѣняютъ его судьбу къ лучшему. А между тѣмъ тюремный опытъ различныхъ странъ, при его ближайшемъ внимательномъ разсмотрѣніи, показываетъ съ достаточною ясностью, что дисциплина и всѣ цѣли тюрьмы гораздо лучше достигаются цѣлесообразно организованной системой поощреній, нежели самыми суровыми наказаніями *). Отсутствіе поощ-

*) То же подтверждается, какъ это и слѣдуетъ ожидать, и практикой нашихъ исправительно-воспитательныхъ заведеній. См. мою статью объ этихъ заведеніяхъ въ журн. Минист. Юстиц. за октябрь, ноябрь и декабрь 1898 г.

реній ослабляетъ энергію и дѣйствуетъ расхолаживающимъ образомъ, особенно на людей, болѣе или менѣе подбитыхъ и склонныхъ къ унынію и безнадежности, а потому особенно и нуждающихся въ ободреніи. «Сколько ни старайся — лучше не будетъ», — говорятъ арестанты. И они въ значительной степени правы. Мысль, заложенная въ основу Устава о ссыльныхъ, о такой организаціи наказанія, при которой поощрялись бы усилія караемаго къ исправленію и онъ получалъ бы награду за нихъ въ прогрессивномъ улучшеніи его положенія, на практикѣ не получила сколько-нибудь надлежащаго осуществленія и дальнѣйшаго развитія. Разряды, установленные Уставомъ, въ глазахъ администраціи получили значеніе какихъ-то формально-предустановленныхъ категорій, черезъ которыя механически-однообразно должны проходить арестанты, *почти* внѣ всякой зависимости отъ характера перемѣнъ въ ихъ нравственномъ мірѣ. При такомъ пониманіи, живительный смыслъ учрежденія отпадаетъ, замѣняясь мертвенностью формулъ, вслѣдствіе чего и значеніе учрежденія почти уничтожается. Переводъ въ разрядъ исправляющихся, *въ то время, когда онъ совершается*, въ глазахъ арестантовъ имѣетъ мало значенія. Соединенныя съ нимъ уменьшенія сроковъ начинаютъ цѣниться ими только въ періодъ, близко предшествующій освобожденію отъ работъ, а до этого времени послѣднее обыкновенно представляется имъ чѣмъ-то отдаленнымъ, невѣрнымъ, до чего они почти не надѣются и дожить.

XIX

Зданіе Зарентуйской тюрьмы еще сравнительно недурно. При камерахъ существуютъ удовлетворительно устроенныя отхожія мѣста, устраняющія потребность въ «парашкахъ»; въ самыхъ камерахъ нѣтъ неподвижныхъ наръ, а устроены откидныя койки, которыя представляютъ значительныя удобства во всѣхъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, вмѣстимость зданія не соотвѣтствуетъ числу арестантовъ, помѣщающихся въ немъ. Въ камерахъ приходится иногда только около $1\frac{1}{2}$ куб. саж. воздуха на человѣка, и многіе арестанты должны спать подъ откидными нарами. Находящееся при тюрьмѣ зданіе для, такъ называемой, вольной команды представляетъ собою старую и потому очень холодную и сырую казарму, сдѣланную изъ плетня. Во всю ея длину тянутся нары, и въ ней безразлично смѣшиваются холостые и семейные арестанты съ ихъ дѣтьми. Что видятъ, слышать и чему учатся иногда эти послѣднія среди неприглядныхъ нравственныхъ условій жизни въ подобной казармѣ—ясно само собою.

Въ деревянномъ зданіи Мальцевской тюрьмы также нерѣдко приходилось менѣе одной кубической сажени воздуха на каждого человѣка, что особенно давало себя знать вслѣдствіе того, что въ камеры на ночь ставились «параши», сильно заражавшія и безъ того промозглый воздухъ.

Пищевое довольство арестантовъ недостаточно вообще, а особенно въ постные дни недѣли, когда пища ни скоромная, ни постная, а только значительно уменьшенная въ своей питательности: давались шкварки отъ сала и въ то же время мясо исключалось.

Одежное довольство въ общемъ представляется достаточнымъ, и только нѣкоторыя вещи, напр., обувь у горныхъ рабочихъ, не вынашиваютъ положенныхъ сроковъ. Одежнымъ вещамъ ведутся стремящіеся къ самой мелочной точности одежныя записи, крайне сложныя и потому требующія отъ

составителей много времени и труда. Это чрезвычайно кропотливое счетоводство далеко не всегда может предохранять отъ злоупотребленій, на устраненіе которыхъ оно, очевидно, рассчитано. Время дѣйствительной носки вещей и время, назначенное и показываемое въ записяхъ, можетъ быть не всегда одно и то же, особенно при переводѣ изъ тюрьмы въ тюрьму, когда получаются иногда далеко не согласные результаты.

Распредѣленіе арестантовъ по камерамъ, обусловливающее близкое соприкосновеніе, а потому и взаимное вліяніе, совершается по чисто внѣшнимъ и потому случайнымъ признакамъ. Въ одну камеру скучиваются и запираются, напр., сапожники всѣхъ разрядовъ, въ другую—портные, въ третью—слабосильные и т. д. А между тѣмъ въ средѣ этихъ сапожниковъ и портныхъ могутъ и бываютъ люди самыхъ различныхъ степеней развращенія и порчи. Въ средѣ ихъ одинаково встрѣчаются люди въ первый разъ и почти случайно совершившіе преступленія, люди трезвые, хорошіе семьяне и хорошіе члены крестьянскихъ обществъ, которые по своему нравственному складу почти вовсе не приходится «ко двору каторги», а на-ряду и бокъ-о-бокъ съ ними—многоопытные бродяги-рецидивисты, почти весь вѣкъ свой кочевавшіе по тюрьмамъ различныхъ названій, извращенные застарѣлые алкоголики, люди озвѣрѣлые, про которыхъ говорятъ, что они «укладываютъ людей для счета» и которые наслаждаются мученіями и истязаніями жертвъ *), а также и болѣе или менѣе душевно-разстроенные, особенно, напр., страдающіе болѣе тонкими формами бреда преслѣдованія. Послѣдніе проходятъ иногда совсѣмъ незамѣченные передъ судомъ, а тѣмъ болѣе остаются незамѣченными и на каторгѣ. И все это разнообразное населеніе камеры постоянно близко

*) Одинъ изъ такихъ наслаждался, напр., мученіями матери, производившимися въ присутствіи ея дѣтей. Его рассказы заставляли невольно содрогаться слушателей.

соприкасается и взаимно воспитываетъ и вліяетъ другъ на друга.

Но иначе и быть не можетъ, при настоящей постановкѣ дѣла, а для иной—къ сожалѣнію, пока еще мало людей въ тюрьмѣ. Начальники тюремъ и ихъ помощники почти не знаютъ арестантовъ и не заглядываютъ и не пытаются заглянуть къ нимъ въ душу. Они видятъ только внѣшнюю сторону, а что кроется подъ нею—ускользаетъ отъ ихъ вниманія. Если они и заботятся о чемъ, то только о поддержаніи внѣшняго порядка, и мысль о дѣйствительномъ исправленіи заключенныхъ и о средствахъ къ тому почти совсѣмъ чужда имъ. Къ тому же они имѣютъ и чрезвычайно мало времени. Мнѣ приходилось слышать отъ начальниковъ тюремъ откровенныя признанія, что, благодаря работѣ въ канцеляріи, они не имѣютъ даже возможности каждый день бывать въ самой тюрьмѣ, а не то чтобы индивидуально вліять и всматриваться въ арестантовъ, которые въ корень портятся въ заключеніи, а вовсе не исправляются въ немъ, какъ предполагаетъ законъ.

Почти все время начальника тюрьмы поглощается многочисленной, мелочной и во многихъ случаяхъ бесполезной канцелярской перепиской, которая и опутываетъ каждый шагъ въ тюремной жизни. За мертвой бумагой въ ней часто вовсе не видно живого дѣла.

До какихъ предѣловъ доходитъ пустая, сама по себѣ бесполезная, а по своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ вредная переписка—могутъ показать нѣкоторые заурядъ взятые примѣры.

Въ управленіе каторгой раза два въ мѣсяцъ изъ всѣхъ тюремъ представляются, напр., такого рода донесенія вполне отрицательнаго содержанія:

1) Доносится, что «согласно приказа по управленію Нерчинскою каторгою за № такимъ-то, начальникомъ тюрьмы («мною») сего числа, совмѣстно съ надзирателями, былъ произведенъ обыскъ въ тюрьмѣ у сс.-каторжныхъ, при чемъ

ничего воспрещеннаго закономъ не найдено. О чемъ имѣю честь донести Вашему Высокоблагородію».

2) Доносится также особыми рапортами въ такой же формѣ о производствѣ медицинскихъ осмотровъ, «при чемъ больныхъ, одержимыхъ сифилисомъ и венерическими болѣзнями, не было». И такія бумажки за нумерами пересылаются на многія десятки верстъ изъ отдѣльныхъ тюремъ въ управленіе каторгою для отягощенія его входящихъ и архива.

Если требуется купить какихъ-либо продуктовъ, напр., молока на нѣсколько копѣекъ, то первоначально пишется за номеромъ и надлежащимъ подписомъ отношеніе въ подлежащее учрежденіе, напр., волостное правленіе, о сообщеніи по прилагаемой формѣ справочныхъ цѣнъ на покупаемый продуктъ, каковыя, также при подлежащемъ отношеніи, и доставляются въ канцелярію тюрьмы. Тогда особой комиссіей, состоящей изъ начальника и нѣсколькихъ надзирателей, составляется актъ освидѣтельствованія покупаемаго продукта, которымъ удостовѣряется, что онъ «качества хорошаго и къ употребленію въ пищу годенъ». На актѣ за надлежащимъ подписомъ пишется справка, за какимъ номеромъ и на какой страницѣ купленный продуктъ записанъ по продуктивной книгѣ тюрьмы. Затѣмъ пишется счетъ начальнику тюрьмы отъ продавца. На немъ продавецъ расписывается и на немъ же, за надлежащимъ подписомъ, выписывается справка о томъ, за какимъ номеромъ и на какой страницѣ записанъ продуктъ по продуктивной книгѣ.

При ходатайствѣ о возвращеніи на пополненіе аванса денегъ, израсходованныхъ на покупку какихъ-либо предметовъ, начальникомъ тюрьмы представляется въ управленіе каторги донесеніе и при немъ подлинный счетъ продавца, копія съ него и актъ освидѣтельствованія купленнаго, а въ дѣлахъ тюрьмы оставляется отпускъ донесенія, ³копія со счета и двѣ копіи съ акта (вторая для приложенія къ мѣсячной отчетности).

Въ случаяхъ исправленій какихъ-либо предметовъ первоначально составляется актъ о необходимости исправленія, при чемъ одна копія акта оставляется въ дѣлѣ, а другая прилагается къ отчету. Послѣ покупки матеріаловъ, нужныхъ для исправленія, они свидѣлствуются, составляется актъ освидѣтельствованія и съ него въ свою очередь снимаются двѣ копіи. По окончаніи исправленія, составляется третій актъ освидѣтельствованія и съ него также пишутся двѣ копіи.

Неудивительно поэтому, что въ канцелярію Зарентуйской тюрьмы, находящейся рядомъ съ управленіемъ каторги, поступаетъ въ годъ до 4443 входящихъ бумагъ и изъ нея выходитъ до 8606 исходящихъ и что у начальниковъ тюремъ не хватаетъ времени, чтобы ежедневно бывать въ тюрьмѣ и приходить въ личное соприкосновеніе съ арестантами. Между тѣмъ въ заграничныхъ тюрьмахъ, напр., въ большой Лувенской тюрьмѣ въ Бельгіи, директоръ тюрьмы ежедневно дѣлаетъ по 25 визитовъ къ одиночно-заключеннымъ, съ единственною цѣлью вліять на нихъ.

При такой постановкѣ, болѣе интеллигентныя силы администраціи поглощаются преимущественно канцелярской работой, а непосредственное вліяніе на арестантовъ почти всецѣло предоставляется надзирателямъ.

Надзиратели набираются изъ казаковъ и изъ нижнихъ чиновъ. Въ общемъ надзирательскій персоналъ, по отзывамъ начальниковъ тюремъ, весьма неудовлетворителенъ. Это люди мало или вовсе неразвитые и совершенно неподготовленные къ исполненію своихъ трудныхъ обязанностей, которыя требуютъ большого такта и разсудительности. Надзиратели, какъ мнѣ пришлось слышать, не отказываются входить и въ сдѣлки съ арестантами, и, при разборѣ ихъ жалобъ на послѣднихъ и обратно, въ значительномъ числѣ случаевъ оказывается, что виноваты надзиратели.

Какія-либо систематическія нравственныя воздѣйствія на арестантовъ, направленные на измѣненіе ихъ понятій и взглядовъ на самихъ себя и все окружающее, къ величайшему

сожалѣнію, отсутствуютъ. Въ нравственной сферѣ они вполне предоставлены самимъ себѣ и своимъ взаимнымъ вліяніямъ. Повторные рассказы о своихъ прошлыхъ преступныхъ похожденіяхъ, грубыя и развращенныя занятія и забавы и такіе же разговоры—вотъ чѣмъ большею частью заполняется все свободное время въ тюрьмѣ. Этимъ, а также и гнетущимъ однообразіемъ всѣхъ впечатлѣній тюрьмы, доводящимъ болѣе воспріимчивыхъ людей почти до отчаянія и крайней подавленности, и создается та вредно дѣйствующая тюремная атмосфера, подъ вліяніемъ которой арестанты только портятся, утрачиваютъ многія качества, необходимыя для жизни въ свободномъ обществѣ, и въ нравственномъ отношеніи постепенно падаютъ все ниже и ниже, а многіе начинаютъ смотрѣть на себя, какъ на «мертвыхъ людей», для которыхъ нѣтъ просвѣта въ жизни.

Священники ведутъ иногда въ тюрьмахъ ежедневныя бесѣды-поученія. Къ сожалѣнію, бесѣды эти, насколько по крайней мѣрѣ я имѣлъ случай познакомиться съ ними лично, нерѣдко представляются слишкомъ отвлеченными и мало согласованными съ уровнемъ развитія и особенностями арестантовъ, а потому и мало способными оказывать на нихъ сколько-нибудь замѣтное вліяніе.

Нравственную заброшенность, если позволительно такъ выразиться, особенно грустно видѣть именно на каторгѣ. Здѣсь на долгіе сроки сосредоточиваются, въ общемъ, натуры значительно болѣе энергичныя и самостоятельныя, нежели въ тюрьмахъ общаго устройства,—люди, проявляющіе болѣе характера какъ во злѣ, такъ и въ добрѣ, а потому и болѣе доступные исправленію, при сколько-нибудь настойчивыхъ и систематическихъ добрыхъ вліяніяхъ. Но ихъ-то и нѣтъ въ тюрьмѣ. Неудивительно поэтому, что въ средѣ ея обитателей развивается такое страстное влеченіе къ водкѣ и картамъ, которому все приносится въ жертву. Въ этомъ влеченіи къ водкѣ несомнѣнно многое относится на долю прежняго пьянства, но многое—и на долю неблагоприятныхъ условій жизни въ тюрьмѣ. Во время тюремнаго сидѣнья

удовлетвореніе этого влеченія, конечно, представляетъ сравнительно большія трудности, но за то, разъ вкоренившись, оно получаетъ болѣе или менѣе широкій просторъ отчасти по выходѣ въ вольную команду; а главнымъ образомъ—на поселеніе.

Для поддержанія внѣшняго порядка въ тюрьмѣ, администрація прибѣгаетъ преимущественно къ внѣшнему же принужденію и дисциплинарнымъ наказаніямъ, которыми почти и исчерпывается весь запасъ ея исправительныхъ средствъ.

Главное мѣсто въ числѣ этихъ наказаній занимаютъ наказанія тѣлесныя—до 100 ударовъ, заключеніе въ тюрьму (для находящихся въ вольной командѣ) и заключеніе въ карцеръ съ ограниченіями въ пищи,—дачею горячей пищи только черезъ два дня въ третій.

Тѣлесныя наказанія, къ величайшему сожалѣнію, продолжаютъ примѣняться на Нерчинской каторгѣ, хотя, какъ ясно показываетъ примѣръ нѣкоторыхъ каторжныхъ тюремъ, безъ нихъ легко и съ величайшею пользою можно обходиться. Въ 1895 г. розги въ количествѣ 100 ударовъ были назначены 5 чел. и въ количествѣ 50 ударовъ также 5 чел. Въ теченіе первой половины 1896 г. по 100 ударовъ розогъ было назначено 10 чел. «Служба на островѣ Сахалинѣ имѣетъ много тяжелыхъ сторонъ»,—говоритъ въ своей запискѣ врачъ Корсаковского округа, г. Сурминскій,—и изъ нихъ самая мучительная для меня—это необходимость присутствовать при приведеніи въ исполненіе судебныхъ приговоровъ надъ арестантами, т. е. во время ихъ наказанія, особенно плетью. Чувства, испытываемыя при этомъ, дѣлаются иногда просто невыносимыми». Далѣе онъ говоритъ, что думалъ, что «обтерпится и привыкнетъ», но на дѣлѣ вышло не такъ, и процессъ наказанія «производитъ теперь болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ прежде». А вѣдь дисциплинарное тѣлесное наказаніе мало чѣмъ отличается отъ судебного: исполнители одни.

Даже на той же Нерчинской каторгѣ, въ ея самой многочисленной тюрьмѣ—Зарентуйской, въ теченіе 1896 г., по 10

сентября включительно, не было наложено тѣлесныхъ наказаній, иначе говоря, могли обходиться и безъ нихъ. Несомнѣнно, что нѣкоторые арестанты, но далеко не всѣ, больше боятся тѣлесныхъ, нежели другихъ наказаній, но это еще не можетъ служить основаніемъ для ихъ примѣненія. Сами начальники тюремъ, какъ мнѣ приходилось слышать, признаютъ, что тѣлесныя наказанія деградируютъ подвергающихся имъ, болѣе или менѣе ожесточаютъ и убиваютъ въ нихъ чувство чело-вѣческаго достоинства — одинъ изъ сильнѣйшихъ рычаговъ для исправленія. Между тѣмъ заключеніемъ въ каторжную тюрьму не заканчивается задача государства; ему еще придется имѣть дѣло съ бывшимъ арестантомъ и послѣ его выхода изъ тюрьмы, когда онъ станетъ болѣе или менѣе свободнымъ чело-вѣкомъ.

Едва-ли также полезно и усиленіе наказаній заключенія въ карцеръ ограниченіями въ пищѣ. Питаніе арестантовъ, особенно при требуемыхъ отъ нихъ работахъ, и безъ того недостаточно. Еще большее недоѣданіе можетъ только ослаблять организмъ и вызывать въ немъ меньшую или большую степень раздражительности, предрасполагающую къ различнымъ нарушеніямъ дисциплины и въ томъ числѣ и къ уклоненіямъ отъ работъ, а слѣдовательно и къ дальнѣйшимъ наказаніямъ. Въ рукахъ тюремной администраціи для воздѣйствія въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится прибѣгать къ стѣсненіямъ, и безъ того есть достаточно средствъ. Это—лишеніе различныхъ льготъ и поощреній. Опытъ показываетъ, какъ свидѣтельствуютъ сами начальники тюремъ, что, напр., лишенія на болѣе или менѣе долгій срокъ права куренія, лишенія цѣлой камеры права имѣть маленькіе жестяные самоварчики служатъ чрезвычайно сильными наказаніями. При тяжелыхъ условіяхъ тюремной жизни, всѣ мелочныя удобства и льготы пріобрѣтаютъ такую огромную цѣну въ глазахъ арестантовъ, что лишенія ихъ получаютъ значеніе тяжелыхъ наказаній и только нежеланіе или неумѣніе пользоваться ими можетъ заставлятъ прибѣгать къ такимъ средствамъ, какъ розги и лишеніе пищи.

Вообще можно пожелать, чтобы тюремная администрація поменьше прибѣгала къ наказаніямъ и побольше къ различнымъ видамъ незначительныхъ поощреній, которыя способны, однако, оказывать сильное вліяніе на арестантовъ. Начальникъ Зарентуйской тюрьмы, г. Фищевъ, передавалъ мнѣ, напр., что въ предшествовавшемъ году, въ Свѣтлое Воскресеніе, онъ устроилъ въ каждой камерѣ торжественное освященіе пасхи: батюшка ходилъ по камерамъ и въ каждой совершалъ полный обрядъ освященія. Это произвело сильное и хорошее впечатлѣніе, и арестанты говорили потомъ: «въ нынѣшнемъ году и мы разговлялись не какъ собаки». Повтореніе, быть можетъ, давно забытаго, но для многихъ пріятнаго и дорогого прошлаго и не могло, конечно, сильно не подѣйствовать на этихъ хотя и преступныхъ, но въ то же время внутренно глубоко несчастныхъ отверженцевъ общества.

Мнѣ пришлось также слышать мнѣніе, что если бы каторжнымъ было предоставлено возвращаться на родину, послѣ отбытія наказанія, то каторгу не узнать бы. Трудно, конечно, сказать, насколько вѣрно это мнѣніе въ такой категорической его формѣ, но едва-ли можно сомнѣваться, что въ немъ во всякомъ случаѣ заключается значительная доля правды. Возможность заслужить безупречнымъ поведеніемъ и исправленіемъ, какъ высшую награду, право возврата на родину, несомнѣнно служило бы для нѣкоторыхъ однимъ изъ сильнѣйшихъ стимуловъ къ заглаживанію упорными усиліями своего преступнаго прошлаго. Справедливость этого подтверждается тѣмъ страстнымъ стремленіемъ и тоскою по родинѣ, которыя наблюдаются у многихъ каторжныхъ и которыя заставляютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ рисковать всѣми невзгодами, соединенными съ побѣгами, съ единственною цѣлью пробраться на родину и взглянуть на дорогія мѣста и на дорогихъ людей.

Коснувшись дисциплинарныхъ наказаній, нельзя не остановиться на вопросѣ о кандалахъ и бритьѣ половины головы. Согласно всѣмъ слышаннымъ мною отзывамъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу, ни та, ни другая мѣра не служатъ мѣрами предупрежденія отъ побѣговъ и не устраняютъ послѣд-

нихъ. Многіе виды работъ, на которыя могутъ употребляться только арестанты изъ разряда полносильныхъ, требуютъ расковки арестантовъ, которые и дѣйствительно расковываются, такъ что отягощеніе, связанное съ ношеніемъ кандаловъ, выпадаетъ большею частью на слабосильныхъ и потому самому уже менѣе рискующихъ на побѣги. Сверхъ того кандалы легко разбиваются и нѣкоторыми даже снимаются. А между тѣмъ обѣ мѣры оказываютъ неблагопріятное вліяніе на нравственную сторону арестантовъ. Онѣ «шельмуютъ» ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ и, въ числѣ прочаго, способствуютъ развитію въ нихъ взгляда на себя, какъ на «мертвыхъ людей», которымъ надѣяться, кромѣ побѣга, почти не на что.

Одинъ изъ арестантовъ Александровской тюрьмы для испытуемыхъ на Сахалинѣ на мой вопросъ, зачѣмъ онъ бѣжалъ, зная какъ законъ строго караетъ за побѣги, отвѣтилъ: «Что же мнѣ было вѣчно оставаться въ кандалной».

Во французской каторгѣ кандалы, какъ я уже имѣлъ случай говорить при ея описаніи, въ качествѣ общей мѣры не примѣняются. Они отягощаютъ положеніе только арестантовъ, попавшихъ въ дисциплинарное отдѣленіе за дурное поведеніе и проступки, совершенные уже на каторгѣ, и притомъ исключительно на время пребыванія въ этомъ отдѣленіи.

За такое же примѣненіе кандаловъ только въ качествѣ дисциплинарной мѣры высказываются и многія лица нашей тюремной администраціи, съ которыми мнѣ приходилось говорить по этому поводу. Надо думать, что, при современномъ улучшеніи условій пересылки, устраненіе лишняго и вовсе не вызываемаго необходимостью «шельмованія», дѣйствительно, могло бы принести только пользу, какъ принесло ее и уничтоженіе прежняго клеймленія.

Неблагопріятное въ нравственномъ отношеніи вліяніе оказываютъ на арестантовъ и заурядъ слишкомъ продолжительные и почти неподвижные сроки наказанія, иногда еще значительно увеличиваемые за побѣги, не отягощенные ни-

какими другими проступками и преступленіями (ст. 445 Уст. о ссыльн.) *).

Осужденіе въ каторжныя работы, разлученіе съ родными, съ семьей и вообще разрывъ со всѣмъ прошлымъ—все это обыкновенно производитъ въ первые годы заключенія очень сильное вліяніе на подвергшихся ему, и они наиболѣе склонны тогда подчиняться добрымъ и ободряющимъ воздѣйствіямъ и дѣлать усилія къ исправленію и заглаживанію своего прошлаго. Къ сожалѣнію, это благопріятное время въ тюрьмѣ упускается. Долгосрочный арестантъ не видитъ, чтобы его самодѣятельность въ хорошемъ направленіи непосредственно влекла за собою болѣе или менѣе значительное улучшеніе его участи. Между тѣмъ вліяніе окружающей арестантской среды, подавляющее однообразіе тюремной жизни и связанныхъ съ нею впечатлѣній и другія неблагопріятныя условія дѣлаютъ свое дѣло и постепенно ослабляютъ благопріятное настроеніе: заключенный отчаивается, почти теряетъ надежду покончить съ своимъ долгимъ срокомъ, машетъ на все рукой и постепенно опускается все ниже.

Ст. 300, 305 и 309 Уст. о ссыльн., конечно, предоставляютъ нѣкоторыя льготы хорошо ведущимъ себя арестантамъ, но, къ сожалѣнію, установленныя въ нихъ сроки вполнѣ неподвижны и на практикѣ превратились въ однообразно для всѣхъ предустановленныя предѣлы, а опредѣ-

*) Какъ иногда совершаются побѣги, видно, напр., изъ слѣдующаго. Въ бытность мою въ Хабаровскѣ были пойманы два арестанта, бѣжавшіе изъ партіи, работавшей на Уссурийской желѣзной дорогѣ. Въ бѣгахъ они пробыли дней 17. Изъ ихъ показаній видно, что они бѣжали безъ приготовленій. Во время послѣбѣденнаго чая, подъ предлогомъ естественной нужды, они прошли за цѣпь конвойныхъ и, видя, что это не обратило вниманія, скрылись въ кустахъ. Уйти на родину они, по ихъ словамъ, не имѣли намѣренія, а бѣжали только подъ вліяніемъ желанія пожить нѣкоторое время на волѣ. Разслѣдованіемъ подтвердилось, что они ушли совершенно налегкѣ, не захвативъ съ собою ни одежды, ни запасовъ пищи или какихъ-либо другихъ вещей.

ляемое одною изъ нихъ сокращеніе сроковъ, помимо однообразія, страдаетъ еще и недостаточностью для нѣкоторыхъ случаевъ. Согласно ст. 309 Уст. о ссыльн., осужденный на 20 лѣтъ можетъ получить только скидку въ 2 года и 8 мѣсяцевъ—ни больше, ни меньше, что сокращаетъ назначенный ему срокъ только до 17 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ *). Для достиженія же цѣлей тюрьмы, было бы весьма полезно введеніе классной системы и установленіе болѣе значительныхъ скидокъ въ предѣлахъ «отъ» и «до», въ зависимости отъ степени энергіи въ самодѣтельности заключеннаго, направленной на исправленіе, а также и введеніе института условнаго досрочнаго освобожденія, а въ болѣе исключительныхъ случаяхъ и института освобожденія отъ остающагося срока работъ, путемъ помилованія, по представленіямъ мѣстнаго начальства и чрезъ посредство суда. При такой системѣ, особенно постоянно разъясняемой, арестантъ зналъ бы и видѣлъ, что улучшеніе его участи находится въ его собственныхъ рукахъ и отъ него, т. е. отъ его добраго поведенія и исправленія, зависитъ болѣе или менѣе значительно сократить назначенный ему срокъ наказанія и улучшить свою участь. Здѣсь не могу не припомнить слѣдующія въ существѣ ихъ глубокоправдивыя слова инициатора Лондонскаго международнаго тюремнаго конгресса, покойнаго д-ра Wines: «Все это,—говоритъ онъ,—не есть ли очевидное доказательство, что мудро обращаться къ лучшимъ чувствамъ человѣчества даже тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ людьми низкими и деградировавшими. Обращайтесь съ виновникомъ зла какъ съ себѣ подобнымъ, и болѣе, нежели вѣроятно, что его воля отзовется на вашъ призывъ; обращайтесь съ нимъ какъ съ собакой, и онъ будетъ дѣйствовать какъ она».

*) Здѣсь я не имѣю въ виду желѣзнодорожныхъ работъ, которыя представляютъ исключеніе.

XX.

Около тюремъ существуютъ особыя слободки, въ которыхъ помѣщаются семьи каторжныхъ тюремнаго разряда, добровольно послѣдовавшія за ними въ ссылку, и семейные каторжные внѣтюремнаго разряда. Въ Горномъ Зарентуѣ такая слободка, носящая названіе Обираловки, расположена на разстояніи около одной версты отъ тюрьмы. Слободка эта перенесена уже на другое мѣсто. Прежде она была расположена при дорогѣ, но въ ней, какъ я слышалъ, производились нерѣдкія кражи и ее вслѣдствіе того отнесли въ сторону.

Слободка состоитъ изъ мазанокъ, стѣны которыхъ, покрытыя съ одной или съ двухъ сторонъ глиною, дѣлаются изъ двухъ плетней. Промежутки между ними засыпаются землею. Мазанки, составляющія собственность семей (строятся или покупаются), по большей части очень малы, сыры, особенно въ дождливое время, нерѣдко холодны и вообще крайне негигіеничны. Нужда и убожество въ нихъ очень велики, и положеніе иногда многочисленныхъ дѣтей до крайности печально во всѣхъ отношеніяхъ. Особенно тяжело живется, конечно, тѣмъ семьямъ, главы которыхъ находятся еще въ тюрьмѣ. Ихъ житье-бытье производитъ на посторонняго человѣка самое удручающее впечатлѣніе. Особенно щемитъ сердце при мысли о судьбѣ отъ колыбели физически истощаемыхъ дѣтей, которымъ судьба и безъ того вовсе не улыбается.

Казна хотя и приходитъ на помощь къ несчастнымъ семьямъ, но въ такой недостаточной степени, что положеніе ихъ и при ней остается бѣдственнымъ. На всю каторгу отпускается для помощи семьямъ только 4000 руб. Деньги эти употребляются на покупку муки, которой, при высотѣ здѣшнихъ цѣнъ, пріобрѣтается сравнительно немного. Поэтому на каждаго члена семьи, не достигшаго 17 лѣтъ, выдается относительно небольшое и притомъ неодинаковое количество, въ зависимости отъ уровня цѣнъ. Въ 1896 г. выдавалось, напр.,

отъ 20 до 25 фунт. въ мѣсяцъ. Все остальное должно добываться собственными усиліями.

Въ мазанкахъ мнѣ пришлось выслушать не мало простыхъ, но весьма грустныхъ разсказовъ, особенно отъ женъ каторжныхъ тюремнаго разряда, имѣющихъ много маленькихъ дѣтей. Очень жаловались на тяжесть и всевозможныя невзгоды этапнаго пути, въ которомъ, благодаря болѣзнямъ какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, и послѣдующему лежанію въ больницахъ, приходилось проводить года по полтора и болѣе.

Нѣкоторыя изъ пришедшихъ женщинъ живутъ въ слободкахъ по нѣсколько лѣтъ безъ мужей, находящихся въ тюрьмахъ. Онѣ говорятъ, что «совсѣмъ погибають здѣсь», а нѣкоторыя и прибавляютъ, что «если бы теперешній умъ, то ни въ жисть не пошли бы сюда». И дѣйствительно, заработокъ, необходимый для восполненія скудныхъ казенныхъ дачъ, для женщинъ многосемейныхъ, привязанныхъ къ дому дѣтьми, мало доступенъ. Онѣ работаютъ урывками, поденно, у окружающихъ крестьянъ, бросаютъ на это время дѣтей однихъ, поручая младшихъ и даже грудныхъ уходу маленькихъ подростковъ.

Все это, конечно, мало можетъ содѣйствовать поддержанію нравственности. Гнетущая нужда и нищета плохо уживаются съ нею. А тутъ еще и предшествующая подготовка во время долгаго этапнаго пути, въ теченіе котораго, какъ я уже имѣлъ случай говорить выше, женщины нерѣдко совершенно развращаются и пропитываются нравственнымъ ядомъ арестантскихъ партій. Приходя на каторгу и сталкиваясь здѣсь съ безысходной нуждой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ большимъ спросомъ на женщинъ, онѣ легко увлекаются проституціей, которая, вмѣстѣ съ тайной торговлею водкою, составляетъ главный промыселъ въ каторжныхъ слободкахъ. Въ послѣднихъ процвѣтаютъ также пьянство, картежная игра, различныя нелегальныя занятія и весьма часто наблюдается, что жены, пришедшія за мужьями, сожительствуютъ съ посторонними, а женатые арестанты имѣютъ любовницъ.

Матеріальныя условія и нравственная атмосфера каторжныхъ слободокъ оказываютъ свое губительное вліяніе въ особенности, конечно, на родящихся или только вырастающихъ въ нихъ дѣтей, которыя съ самыхъ раннихъ поръ подвергаются различнымъ лишеніямъ, дѣлающимъ невозможными достаточно правильный ростъ и развитіе, и постепенно впитываютъ въ себя ядъ нравственнаго развращенія изъ окружающей среды. Особенно пагубно отражается жизнь въ слободкахъ на дѣвочкахъ. Онѣ становятся жертвами не только окружающихъ примѣровъ, но и мелочной корысти ихъ иногда глубоко испорченныхъ родителей, которые нерѣдко продаютъ и толкаютъ ихъ на путь разврата съ самымъ раннимъ возрастомъ, когда еще продолжаютъ закладываться основы душевной жизни ребенка.

Нѣкоторая часть дѣтей изъ слободокъ воспитывается въ хорошо постановленномъ Зарентуйскомъ пріютѣ, учрежденномъ усиліями Общества попеченія о семьяхъ ссыльно-каторжныхъ, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Е. А. Нарышкиной. Во время моего пребыванія, въ немъ состояло 34 мальчика и 40 дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 1 до 15 лѣтъ включительно. Но это только часть дѣтей изъ слободокъ. Другая ихъ часть не попадаетъ въ пріютъ, а попадающая приноситъ съ собой много уже готоваго развращенія и, вслѣдствіе близости каторги и легкости соприкосновеній съ ней, и въ пріютѣ не можетъ быть вполнѣ изолирована отъ пагубнаго вліянія послѣдней. Завѣдывавшая пріютомъ, А. В. Толвинская, передавала мнѣ, что она рѣшительно падаетъ духомъ, не видя почти никакихъ результатовъ своего труда. Ввѣренныя ей дѣти, по ея словамъ, очень испорчены и, несмотря на свой ранній возрастъ, знаютъ все. Уровень ихъ способностей въ общемъ ниже уровня способностей крестьянскихъ дѣтей, съ которыми ей приходилось прежде заниматься. У нихъ очень развита только одна способность—это хитрость, но за-то другія способности болѣе или менѣе ослаблены. Къ чтенію и класснымъ занятіямъ они проявляютъ мало склонности и съ трудомъ могутъ сосредоточивать свое вниманіе.

Дружба и привязанность между ними наблюдаются рѣдко; преобладающими у нихъ являются себялюбивыя, эгоистичныя чувства. Родители на нихъ вліяють очень дурно и тѣмъ до крайности затрудняютъ задачу ихъ воспитанія и исправленія.

Въ физическомъ отношеніи большинство дѣтей каторжныхъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, принимая во вниманіе условія ихъ рожденія и дальнѣйшаго развитія, также представляютъ не много утѣшительнаго. Врачъ каторги, А. А. Голосовъ, произвелъ довольно тщательное ихъ изслѣдованіе и вотъ его общія заключенія. «Осмотръ всѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ Зарентуйскаго пріюта»—говоритъ г. Голосовъ—«далъ приблизительныя свѣдѣнія о состояніи здоровья тѣхъ и другихъ, которое характеризуется однимъ словомъ—золотуха. За немногими исключеніями (какъ это ни прискорбно) всѣ почти дѣти недоразвиты: меньшій противъ нормы ростъ, меньшій объемъ груди, меньшая упругость мышечной системы—все говоритъ за дурную въ физическомъ отношеніи природу». «Почти всѣ дѣти блѣдны, наружные покровы у нихъ тонки съ просвѣчивающими черезъ нихъ сосудами; железки шейныя, а также локтевыя у большинства увеличены. За скрофулозную (золотушную) природу говорятъ и плохіе зубы, наклонность ко всевозможнымъ катаррамъ слизистыхъ оболочекъ, къ разстройствамъ желудочно-кишечнаго канала». «Сильное развитіе золотухи у дѣтей ссыльно-каторжныхъ зависитъ, конечно, отъ цѣлаго ряда причинъ, которыя не всегда можно прослѣдить. Убогая, быть можетъ, обстановка прежней жизни, систематическое голоданіе со дня рожденія, порочная наслѣдственность—все это могло развить и развило въ дѣтяхъ такую слабость въ борьбѣ съ вредоносными внѣшними вліяніями, которыя довели ихъ до состоянія физическаго убожества. Разъ это послѣднее наступило, тутъ уже не могутъ справиться ни лучшія условія жизни, ни лучшая пища, ни лучшая защита отъ вредныхъ вліяній, ни болѣе правильная жизнь (въ смыслѣ опредѣленныхъ занятій)».

«Другой отпечатокъ, который положенъ на дѣтей ссыльно-каторжныхъ и который можетъ быть констатированъ даже при поверхностномъ взглядѣ—это отпечатокъ вырожденія дѣтей, который производитъ удручающее впечатлѣніе на душу наблюдателя. Неправильная конфигурація черепа, скошенный или слишкомъ развитый затылокъ, развитые затылочные бугры, вдавленные виски, отвислыя или слишкомъ малыя уши, безжизненный, апатичный взглядъ, слабая память и вялое соображеніе—все это кладетъ на дѣтей отпечатокъ чего-то ненормальнаго».

Если бы даже и допустить, что въ приведенномъ заключеніи г. Голосовъ нѣсколько переоцѣниваетъ значеніе физическаго состоянія дѣтей ссыльно-каторжныхъ—чего лично я никакъ не думаю—то и тогда во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что приводимыя имъ данныя представляютъ весьма мало утѣшительнаго.

Въ виду этихъ данныхъ, а также и въ виду всего вышесказаннаго о положеніи семей ссыльно-каторжныхъ, невольно рождается вопросъ, насколько цѣлесообразно допускать слѣдованіе ихъ не только до окончанія каторжнымъ срока работъ, но и до окончанія періода испытваемости и даже единовременно съ самимъ осужденнымъ и притомъ въ составѣ арестантскихъ партій? Одно существованіе ссылки, которая и безъ того причиняетъ такъ много зла, еще никакъ не можетъ объяснить и оправдать такой порядокъ. Нельзя, конечно, отрицать, что присутствіе семьи можетъ производить на нѣкоторыхъ каторжныхъ доброе вліяніе, но правильно ли приносить въ жертву этому вліянію судьбу всей ни въ чемъ неповинной семьи и обрекать ее на всевозможныя лишенія и жизнь въ развращающей атмосферѣ каторжныхъ слободокъ? Не было ли бы лучше допускать слѣдованіе семей, и притомъ не въ арестантскихъ партіяхъ, только тогда, когда осужденный уже перечислится въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ и нѣсколько обоснуется? Во Франціи, какъ мы видѣли, переѣздъ семьи допускается не ранѣе того, какъ осужденный получить концессию, т. е. нѣкоторыя средства къ жизни.

До наступленія этого времени, вспомошествованіе нуждающимся семьямъ ссыльныхъ на мѣстахъ слѣдовало бы возложить на учрежденія общественнаго призрѣнія, безъ помощи или съ помощью отъ казны.

Вопросъ о поселеніи нерчинскихъ каторжныхъ, отбывшихъ сроки работъ, отдѣльными деревнями, вблизи рудниковъ, на свободныхъ земляхъ Кабинета Его Величества возникъ уже давно. Этотъ вопросъ былъ поднятъ горнымъ начальникомъ нерчинскихъ заводовъ еще въ 1882 году, при чемъ указывалось на необходимость селить только ссыльно-поселенцевъ хорошаго поведенія, не совершавшихъ въ Сибири вторичныхъ преступленій, не-бродягъ и въ возрастѣ не старше 45 лѣтъ. Въ 1884 г. были выработаны и проектированы правила устройства поселеній съ матеріальною и денежною помощью отъ казны. Въ томъ же году были нарѣзаны и земли при рудникахъ Зарентуйскомъ, Кодаинскомъ и Кутомарскомъ для устройства поселеній сравнительно въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Дѣло колонизаціи тогда, однако, не установилось, и къ 1890 г. было открыто только два поселенія—Ундурги *), состоявшее изъ 12 дворовъ, въ Карійскомъ раіонѣ, и Михайло-Никольское изъ 8 дворовъ (оно открыто въ 1886 г.) въ Алгачахъ. Оба они находились въ довольно неудовлетворительномъ состояніи.

Въ послѣднее время вопросъ объ учрежденіи поселеній снова выступилъ на очередь.

Съ сентября 1895 года поселенцы начали поступать въ поселокъ Сергіевскій, образованный при Кутомарской тюрьмѣ, при которой отведено 480 десятинъ для 75 семей. Въ бытность мою на каторгѣ, въ Сергіевскомъ было уже поселено 41 семья. Многіе изъ поселенныхъ перешли сорокалѣтній возрастъ, и нѣкоторые изъ нихъ уже брали билеты для отлучекъ на отхожіе промыслы. Заслуживаетъ вниманіе то

*) Мнѣ пришлось слышать, что это поселеніе представляло собою станцію для бѣглыхъ и что жители его занимались кражами.

обстоятельство, что до объявленія о высылкѣ отбывающихъ работы на островъ Сахалинъ, который между нерчинскими каторжными пользуется очень дурною славою, почти не являлось охотниковъ селиться въ предположенныхъ поселеніяхъ. Только послѣ объявленія, къ начальству каторги посыпались просьбы, которыя весьма вѣроятно вызывались желаніемъ избѣжать высылки на ненавистный Сахалинъ.

Насколько новыя поселенія будутъ удачнѣе прежнихъ, большинство которыхъ уже давно уничтожилось, покажетъ, конечно, будущее *); только сколько-нибудь основательной надежды на это нѣтъ, сомнѣній же много. Отъ лица, непосредственно и близко знакомаго съ каторжными, мнѣ пришлось слышать, что поселеніе отдѣльными деревнями не пользуется расположеніемъ арестантовъ, потому что имъ не улыбаются перспектива пребыванія въ ссыльной средѣ, въ которой, помимо всего прочаго, проступокъ одного влечетъ за собою большія или меньшія стѣсненія для всѣхъ остальныхъ.

*) Изъ имѣющихся у меня свѣдѣній видно, что изъ общаго числа 286 арестантовъ тюремнаго разряда Зарентуйской тюрьмы деревенскихъ жителей было 173 чел., горожанъ—104 чел., бродягъ—4 чел., бывшихъ помѣщиковъ и капиталистовъ—5 чел. Изъ нихъ въ прежнее время занимались сельскимъ хозяйствомъ 136 чел., а остальные 150 чел. имѣли различные другіе занятія и промыслы. Въ числѣ послѣднихъ 150 чел. только 80 чел. прежде занимались такими ремеслами, которыя могутъ имѣть какое-нибудь примѣненіе въ деревнѣ. Изъ 53 арестантовъ внѣ-тюремнаго разряда той же тюрьмы деревенскихъ жителей было 34 чел. и городскихъ—19 чел.; сельскимъ хозяйствомъ занимались 33 чел. и 20 чел.—различными другими промыслами.

Центральная Александровская каторжная тюрьма близъ Иркутска.

XXI.

Посѣщеніе и осмотръ центральной Александровской каторжной тюрьмы близъ Иркутска произвели на меня отрадное впечатлѣніе, а личное знакомство съ ея главными руководителями оставило по себѣ самое лучшее воспоминаніе. Тюрьма эта показываетъ, что могутъ сдѣлать, конечно, при извѣстномъ содѣйствіи высшей мѣстной власти, и единичныя усилія отдѣльныхъ лицъ, когда послѣднія вкладываютъ живую душу въ живое дѣло, вполне отдаются ему, дѣлаютъ изъ него свое дѣло и постоянно стремятся къ его дальнѣйшему развитію и улучшенію всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи, хотя-бы и сравнительно ограниченными, средствами.

Своимъ благоустройствомъ, постояннымъ стремленіемъ къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ и прекраснымъ, позволю себѣ сказать, сердечнымъ отношеніемъ къ каторжнымъ тюрьма главнымъ образомъ обязана двумъ лицамъ, много поработавшимъ и продолжающимъ работать для нея. Одинъ изъ нихъ—бывшій ея начальникъ, а въ настоящее время губернской тюремной инспекторъ А. П. Сипягинъ. Другой—І. І. Лятосковичъ, бывшій помощникъ А. П. Сипягина, а въ настоящее время начальникъ Александровской тюрьмы, являющійся продолжателемъ начатаго.

Александровская тюрьма учреждена въ 1873 году, но въ 1890 году она сгорѣла и отстроена вновь въ теченіе двухъ лѣтъ. Зданія ея каменные; они рассчитаны на 1000 мѣстъ

(если же считать по $1\frac{1}{2}$ куб. саж. пространства на каждого арестанта, то она можетъ вмѣстить до 1024 чел.). Тѣмъ не менѣе она представляется не вполне достаточной по количеству присылаемыхъ иногда арестантовъ. Такъ, напр., въ ней помѣщалось въ 1895 г. до 2166 человекъ.

Въ мою бытность, наличный составъ тюремнаго населенія доходилъ только до 709 чел. Изъ нихъ каторжныхъ 1-го разряда было 45 чел. *), 2-го—111 чел., 3-го—248 чел., временно-заводскихъ рабочихъ—274 чел., подслѣдственныхъ—2 чел. и срочныхъ—29 чел. При такомъ численномъ составѣ, арестанты были прекрасно размѣщены въ хорошо вентилируемыхъ камерахъ, въ которыхъ устроены откидныя койки. Когда койки подняты, то имѣютъ наклонное положеніе по отношенію къ стѣнѣ, такъ что между доскою койки и стѣною образуется свободное пространство. Въ этомъ пространствѣ поперечными полками образованы три отдѣленія. Нижнее занимается сложенной постелью, а два верхнихъ—различными вещами арестанта. Посрединѣ камеры находится длинный столъ, что придаетъ ей болѣе жилой и уютный видъ. Днемъ арестанты пользуются находящимися внѣ камеръ отхожими мѣстами, устроенными по бочечной системѣ, а на ночь, вмѣсто традиціонныхъ «парашъ», заражающихъ воздухъ, ставятся хорошо закрывающіеся переносные клозеты, помѣщаемые подъ колпаки вытяжныхъ трубъ, что устраняетъ всякій запахъ отъ нихъ.

Чистота въ зданіяхъ тюрьмы поддерживается образцовая. Во всѣхъ помѣщеніяхъ полы моются съ помощью песка одинъ и два раза въ недѣлю, смотря по надобности. Для поддержанія чистоты выдаются тряпки, служащія для стиранія пыли, половики, плетенные изъ кромокъ сукна, и плевальницы, которыя разставляются въ камерахъ и служатъ

*) Тюрьма предназначалась для каторжныхъ 3-го разряда, но, вслѣдствіе нужды въ большемъ количествѣ рабочихъ для желѣзнодорожныхъ работъ и заготовки одежды, генераль-губернаторомъ разрѣшено принимать въ нее и каторжныхъ первыхъ двухъ разрядовъ.

не для одной проформы только. Ежедневъно арестанты моются въ банѣ и при этомъ мѣняють бѣлье, для мытья котораго въ тюрьмѣ введенъ совершенно особый способъ. Благодаря ему достигнуты сбереженія въ бѣльѣ и уничтожены насѣкомыя, бывшія до этого времени неотъемлемою принадлежностью тюрьмы. Вся тюрьма бѣлится два раза въ годъ, но, независимо отъ этой общей побѣлки, въ каждомъ изъ трехъ отдѣленій имѣется особый бѣлильщикъ, на обязанности котораго лежитъ побѣлять грязныя пятна, образующіяся на стѣнахъ камеръ или корридоровъ.

Во всѣхъ отношеніяхъ поучительное пріученіе къ чистотѣ и опрятности было достигнуто не сразу. Въ первое время за выдающуюся чистоту въ камерѣ камерщики получали похвалу и имъ назначались небольшія денежныя награды. Только мало-по-малу привычка къ поддержанію чистоты привилась во всѣхъ камерахъ и во всей тюрьмѣ, и теперь уже сами арестанты просятъ, напр., о выдачѣ плевалъницъ, если ихъ недостаетъ въ камерѣ. Точно также и правило о ежедневной смѣнѣ и сдачѣ грязнаго бѣлья въ первое время вызывало неудовольствіе въ средѣ арестантовъ, которые привыкли и убѣдились въ его пользѣ только постепенно. Въ тюрьмѣ есть нѣкоторыя камеры, немного лучше обставленныя; въ нихъ сосредоточиваютъ и лучшихъ арестантовъ. Вообще высшее начальство Александровской тюрьмы стремится, насколько это допускаютъ существующія условія нашего дѣйствующаго законодательства и тюремнаго устройства, примѣнять въ практикѣ учрежденія систему исправленія, согласную съ духомъ Устава о ссыльн., но, къ сожалѣнію, весьма недостаточно развитую въ отдѣльныхъ его постановленіяхъ. Оно стремится воздѣйствовать на склонныхъ къ исправленію арестантовъ преимущественно путемъ различныхъ поощреній, а не наказаній. Этимъ оно хотя въ нѣкоторой степени ставитъ дальнѣйшую участь арестантовъ въ зависимость отъ нихъ самихъ, отъ ихъ поведенія и усилій исправиться и выйти изъ-подъ вліянія издавна установившихся арестантскихъ воззрѣній.

Такими поощреніями служатъ назначеніе на желѣзнодорожныя работы *), отправка на частныя и казенныя заводы, распредѣленіе на работы безъ конвоя, разрѣшеніе жить въ особо устроенныхъ баракахъ, разрѣшеніе жить въ прилежащемъ къ тюрьмѣ селеніи Александровскомъ на вольныхъ квартирахъ, назначеніе на нѣкоторыя должности, какъ то: сторожей, конюховъ и проч.

Въ тюрьмѣ существуетъ отдѣльная камера, въ которой въ свободное отъ работъ время всѣ желающіе могутъ читать находящіяся тамъ книги. Въ праздничные дни тюремный священникъ, о. Писаревъ, самъ читаетъ арестантамъ, собравшимся изъ всѣхъ камеръ, даетъ имъ нужныя объясненія прочитаннаго и по различнымъ случаямъ ведетъ общія бесѣды и произноситъ проповѣди въ тюремной церкви. Въ свою очередь и начальство тюрьмы не упускаетъ подходящихъ случаевъ (напр., первое назначеніе на желѣзнодорожныя работы), чтобы дѣйствовать на арестантовъ убѣжденіемъ.

Наказаніями служатъ выговоры, исключеніе на время изъ мастерскихъ **), лишеніе перевода въ разрядъ исправляющихся, лишеніе перевода въ баракъ, временное водвореніе въ тюрьму изъ вольной команды и заключеніе въ карцеръ безъ лишенія пищи.

Тѣлесныя наказанія, не будучи уничтоженными, фактически не примѣняются еще съ половины 1893 г. Въ предшествовавшіе годы они также примѣнялись сравнительно рѣдко. Съ 1891 г. и до половины 1893 г. эти наказанія, по отношенію къ среднему наличному числу арестантовъ, составляли

*) Въ Александровской тюрьмѣ дѣло уже давно постановлено такъ, что допущеніе къ работамъ служить наградой. Случалось, что и хорошіе, но дурно ведущіе себя арестанты-мастеровые лишались этого преимущества и связанныхъ съ нимъ льготъ: помѣщенія на ночь въ особыя камеры и права улучшать свою пищу на заработныя деньги.

**) При платности работъ, временное исключеніе изъ мастерскихъ можетъ служить однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ взысканій.

всего 0,49%, а по отношенію ко всему числу наказаній— 20%. Послѣдніе же годы ясно показали, что легко можно обходиться и безъ нихъ. По мнѣнію администраціи тюрьмы, тѣлесныя наказанія не только не исправляютъ, но дѣлаютъ наказанныхъ болѣе склонными къ повторнымъ проступкамъ. Въ прежнее время арестанты даже бравировали своею выносливостью къ физической боли и предпочитали розги карцерному сидѣнію, лишавшему ихъ общенія съ товарищами. Опытъ показалъ, что страхъ тѣлесныхъ наказаній сталъ чувствоваться арестантами именно съ тѣхъ поръ, какъ эти наказанія, не будучи отмѣнены, перестали фактически примѣняться. А. П. Сипягинъ и І. І. Лятосковичъ основательно держатся того мнѣнія, что добрый порядокъ и весь духъ тюрьмы основываются на вліяніи ея начальства на арестантовъ и на уваженіи къ нему послѣднихъ, которое въ свою очередь обусловливается степенью его безпристрастія, его вниманія къ нуждамъ и участи заключенныхъ. При наличности этихъ условій, сами собой исчезаютъ поводы къ примѣненію крутыхъ мѣръ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ при другой постановкѣ дѣла.

Александровская тюрьма владѣетъ $7\frac{1}{2}$ десятинами огородной земли. Сверхъ того въ 1892 году ей отведено еще 40 десятинъ, находящихся въ двухъ участкахъ. Земля эта расчищается изъ-подъ лѣса и готовится для огороднаго и полевого хозяйства. Существующіе огороды, которые доставляютъ тюрьмѣ до 20/т. кочней капусты и 700 четвериковъ картофеля, обрабатываются за счетъ экономическихъ суммъ. Сѣнокосныхъ земель у тюрьмы, нуждающейся въ сѣнѣ для содержаемаго ею скота, не существуетъ, и тѣмъ не менѣе сѣно получается хозяйственнымъ способомъ. По этому поводу не могу не замѣтить, что выдающаяся хозяйственность лицъ, стоящихъ во главѣ учрежденія, и ихъ постоянная забота о соблюденіи интересовъ казны и объ изысканіи источниковъ дохода, а съ тѣмъ вмѣстѣ и средствъ для удовлетворенія потребностей, не предусмотрѣнныхъ статьями смѣты, усматриваются на каждомъ шагу въ обиходѣ тюрьмы.

Такъ, напр., для пріобрѣтенія сѣна управленіе тюрьмы входитъ въ соглашеніе съ частными лицами. Послѣднія даютъ свои сѣнокосные участки и матеріалъ для ихъ ограды, а тюрьма даетъ арестантскій трудъ для изготовленія и окарауливанія сѣна, все количество котораго дѣлится пополамъ. Этимъ путемъ тюрьма пріобрѣтаетъ до 2000 пудовъ сѣна ежегодно, которое обходится ей отъ 5 до 10 коп. за пудъ, тогда какъ на рынкѣ сѣно стоитъ отъ 20 до 40 коп. за пудъ.

На экономическія суммы тюрьмы при ней, между прочимъ, основаны и содержатся нѣсколько подсобныхъ учрежденій. Очень недурно обставленный пріютъ для арестантскихъ дѣтей, число которыхъ колеблется около 20 (немножко больше, немножко меньше), и школа, въ которой обучается человѣкъ до 60 дѣтей сс.-каторжныхъ и надзирателей. Изъ тѣхъ же суммъ оказываются иногда небольшія пособія небольшому числу бѣднѣйшихъ семей *), прибывшихъ за каторжными и размѣщаемыхъ въ старомъ зданіи, принадлежащемъ тюрьмѣ, и производятся и другіе расходы.

Въ Александровской тюрьмѣ давно уже обращено усиленное вниманіе на устройство и развитіе тюремныхъ мастерскихъ и арестантскаго труда вообще **). При этомъ дѣло было поставлено такъ, что дозволеніе работать должно было служить наградой за хорошее поведеніе. Работающимъ оказывались различныя поощренія, допускаемыя тюремными правилами. Ихъ, напр., размѣщали на ночь въ особыя камеры и позволяли на выдаваемые заработныя деньги улучшать свою пищу, что вообще всегда очень цѣнится арестантами, изъ болѣе испытанныхъ формировали артели для производства работъ внѣ тюрьмы и т. д.

*) Дрова для отопленія занятаго ими зданія заготавливаются трудомъ каторжныхъ, и каждой семьѣ дается небольшой участокъ земли для огорода, который обязательно долженъ быть воздѣланъ.

**) Изъ опроса 636 чел. арестантовъ центральной Александровской тюрьмы оказалось: городскихъ жителей 238 чел., деревенскихъ—374 чел., кочевниковъ—12 чел. и бродягъ, не давшихъ объясненій,—12 чел.

Мастерскія пошли сравнительно очень хорошо и въ 1889 году принесли 15.616 руб. валоваго дохода, хотя, по недостатку работъ, могло быть занято только до одной шестой наличнаго состава арестантовъ. Въ 1890 г., къ несчастію, отдѣльное зданіе мастерскихъ сгорѣло вмѣстѣ съ тюрьмой и до настоящаго времени не можетъ еще быть возстановлено. Арестанты заняты теперь работами хозяйственными, изготовленіемъ предметовъ одежнаго довольства какъ для своей тюрьмы, такъ и для всѣхъ прочихъ тюремъ Иркутской губерніи, работами по ремонту и постройкѣ казенныхъ зданій и работами желѣзнодорожными.

Нѣкоторые рабочіе не получаютъ вознагражденія, и имъ выдается только къ большимъ праздникамъ, раза три или четыре въ годъ, отъ 50 к. до 1 р. 50 к. на cadaго. Другіе рабочіе получаютъ вознагражденіе въ различномъ размѣрѣ, смотря по роду работы. Караульщики получаютъ по 5 коп. въ день, плотники, кузнецы, столяры, пильщики, слесари отъ 15 до 25 к. въ день, портные и сапожники получаютъ поштучную плату и т. д.

Заработныя деньги выдаются частью на руки еще во время пребыванія въ тюрьмѣ, а частью послѣ выхода изъ нея. Значительное число арестантовъ получаемыя деньги употребляютъ на улучшеніе пищи.

Изъ мастеровыхъ (каменщики, печники, плотники, штукатуры и проч.) и изъ чернорабочихъ при постройкахъ формируются артели. Вознагражденіе высчитывается по урочному положенію, и расчетъ приходится дѣлать съ каждой отдѣльной артелью, которая сама производитъ распределеніе заработка между своими членами. Такая организація работъ, какъ и организація работъ у г. Галичанина, о которыхъ я имѣлъ случай упоминать, при описаніи о-ва Сахалина, представляетъ весьма большія выгоды. Между членами артели устанавливается извѣстное соревнованіе и взаимный контроль, а нѣкоторые рабочіе обучаются въ нихъ и ремеслу.

Арестантскія работы, и между ними строительныя, представляются весьма выгодными для казны, не говоря уже о

выгодѣ ихъ для арестантовъ и для достиженія цѣлей тюрьмы. Такъ, напр., постройка тюремной церкви, законченная въ 1894 году, обошлась въ 46.912 руб. 91 коп., считая въ томъ числѣ содержаніе и одежду работавшихъ арестантовъ (12.834 руб. 6 к.), при чемъ было произведено сверхсмытныхъ работъ на сумму до 20.000 и арестантамъ уплочено 4218 руб. 91 коп. Та же работа, исчисленная по цѣнамъ на вольныхъ рабочихъ и на подрядный способъ постройки, обошлась бы въ 86.662 руб. 52 коп.

Такія сбереженія, получавшіяся и при другихъ постройкахъ, были достигнуты не только отъ примѣненія арестантскаго труда, но и отъ удешевленія въ заготовкѣ матеріаловъ и отъ тщательнаго контроля при ихъ приѣмѣ, расходованіи и проч.

Въ 1894 году была предпринята операція изготовленія хозяйственнымъ способомъ арестантскихъ вещей для всѣхъ мѣстъ заключенія Иркутскаго генералъ-губернаторства.

Операція эта, подобно строительнымъ работамъ, дала прекрасные результаты для казны, для арестантовъ и для тюрьмы и при этомъ для послѣдней въ двухъ отношеніяхъ: получилось увеличеніе экономическихъ суммъ отъ сбереженій при раскроѣ, а, благодаря работамъ и заинтересованности въ нихъ работавшихъ, и улучшеніе поведенія арестантовъ.

Въ операцію 189⁴/₅ г. трудомъ арестантовъ произведено 71.452 шт. арестантскихъ вещей, а въ операцію 189⁵/₆ г. — 74.661 шт.

Арестанты получали за работу поштучную плату; въ 1895 г. имъ было выдано всего 2699 руб. 92 коп., что составляло, въ среднемъ, въ день 9,99 коп. на каждого работавшаго.

Желѣзнодорожныя работы.

XXII.

Особенно благопріятные результаты дали въ послѣдніе годы желѣзнодорожныя работы. Въ предшествующее время результаты эти, къ сожалѣнію, были не таковы. Каторжные, высланные съ острова Сахалина для работъ на Уссурійской желѣзной дорогѣ, какъ извѣстно, разбѣгались въ значительномъ числѣ и наводили панику на Владивостокъ своими преступленіями.

Причинами столь прискорбныхъ явленій, насколько можно судить въ настоящее время, служили, повидимому, неправильная начальная постановка дѣла, недостаточно тщательный выборъ арестантовъ по состоянію ихъ силъ, значительная невыгодность условій, на которыхъ, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ сахалинскихъ сс.-поселенцевъ, нѣкоторые подрядчики нанимали ихъ на работы, и проч., и проч.

Въ послѣдніе годы, при иной постановкѣ, положеніе дѣла измѣнилось, и партіи тѣхъ же сс.-каторжныхъ вели себя весьма добропорядочно безъ примѣненія крутыхъ мѣръ. Такъ, напр., въ Нерчинской партіи съ 26 ноября 1895 г. и по 1 сентября 1896 г. побѣговъ не было, а вмѣстѣ съ тѣмъ не было и случаевъ, которые бы требовали наложенія дисциплинарныхъ наказаній.

Въ Иркутской партіи, сформированной изъ каторжныхъ центральной Александровской тюрьмы *), арестанты рабо-

*) Не безынтересно отмѣтить, что начальство Александровской тюрьмы, при образованіи партій, сочло полезнымъ прямо объявить рабочимъ, что, соотвѣтственно особому значенію **Высочайше** предоставленнаго имъ новаго

тали часть времени съ 1894 г. и 1895 г. безъ конвоя, подъ наблюдениемъ только однихъ надзирателей, которыхъ приходилось по 6 чел. на 100 арестантовъ, и при этомъ въ партіи за все время не было никакихъ особыхъ происшествій и случаевъ побѣга. Въ 1896 году съ 5 сентября и по 12 октября арестанты также оставались подъ наблюдениемъ однихъ надзирателей, и за этотъ періодъ времени былъ совершенъ всего одинъ побѣгъ, хотя удобствъ для того на желѣзнодорожныхъ работахъ, гдѣ нѣтъ ни крѣпкихъ тюремныхъ зданій, ни высокихъ тюремныхъ стѣнъ, казалось бы, бываетъ очень много.

Тѣмъ не менѣе первыя впечатлѣнія, вызванныя происшествіями, сопровождавшими начало желѣзнодорожныхъ работъ каторжныхъ, сохранялись довольно долго, и слухи объ открытіи этихъ работъ въ той или другой мѣстности вызывали страхъ между мѣстными жителями, какъ это, напр., имѣло мѣсто при открытіи работъ Иркутской партіи. Лично мнѣ пришлось проѣхать по линіи желѣзнодорожныхъ работъ сс.-каторжныхъ, и я могу сказать, что въ районѣ этихъ работъ ночная ѣзда, даже по лѣсамъ и безъ всякихъ особыхъ предосторожностей, вполне спокойна и безопасна. «Намъ посчастливилось начать и вести эти работы въ теченіе двухъ лѣтъ, лѣтомъ жить съ своей семьей среди многолюднаго лагеря каторжанъ», говоритъ Иркутскій тюремный инспекторъ, А. П. Сипягинъ. «Поэтому съ полнымъ убѣжденіемъ мы имѣли случай констатировать прекрасныя качества каторжанъ на мѣстѣ работъ и то, что, несмотря на большія суммы денегъ, всегда бывшія съ нами, и очень ограниченную, чтобы не сказать болѣе, стражу при работавшихъ. ни на одну минуту никто изъ насъ не сомнѣвался въ своей неприкосновенности и полной безопасности. Прислуга и даже караульные при квартирѣ и конторѣ завѣдывавшаго каторжными

вида труда, съ ихъ стороны обязательно болѣе, нежели когда-либо, хорошее поведеніе и сильное трудолюбіе и что даже одинъ случай тѣлеснаго наказанія во время работъ наложить пятно на всю партію.

были тѣ же каторжные и съ такими біографіями, содержаніе которыхъ озадачило бы любого нетрусливаго, но незнакомаго съ бытомъ этого люда, человѣка».

Достигнутые успѣхи надо отнести на долю постановки дѣла. На желѣзнодорожныхъ работахъ само собой устанавливается нѣчто въ родѣ прогрессивной системы съ ея могущественнымъ вліяніемъ на заключенныхъ. Значительныя скидки въ срокахъ назначенныхъ наказаній (8 мѣсяцевъ считается за годъ) для хорошо работающихъ и ведущихъ себя и возвращеніе въ тюрьмы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лишеніе скидокъ для дурно работающихъ и ведущихъ себя, значительно улучшенное питаніе, которое въ достаточной мѣрѣ восполняетъ происшедшія потери организма, жизнь и работа на чистомъ воздухѣ и соревнованіе при организаціи артелями, большая заинтересованность въ работахъ, благодаря ихъ платности вообще, а главное, благодаря хорошему вознагражденію за сверхъ-урочныя работы—все это благотворно дѣйствуетъ на арестантовъ и, при сколько-нибудь хорошемъ отношеніи къ нимъ лицъ завѣдывающихъ, дѣлаетъ во многомъ неузнаваемыми. Можно сказать съ значительной долей основательности, что опытъ желѣзнодорожныхъ работъ даетъ въ руки тюремнаго вѣдомства драгоцѣнныя указанія, какъ и какія работы могутъ быть организуемы и въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать средствъ къ упорядоченію жизни нашей каторжной тюрьмы и достиженію ея основныхъ цѣлей. Подвижная каторга съ правильной, подобно указанной, организаціей труда, отчасти обезпечивающей и будущее караемаго—вотъ, повидимому, на что указываетъ этотъ опытъ. Тотъ же опытъ ясно показываетъ, что добрыми средствами легче могутъ быть достигаемы и хорошіе результаты, нежели всѣмъ арсеналомъ укротительныхъ средствъ, которыя, къ сожалѣнію, все еще нерѣдко такъ щедро примѣняются.

Въ подробностяхъ организація работъ въ различныхъ партіяхъ была, конечно различна. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ посредниками между тюремнымъ управленіемъ и управленіемъ желѣзнодорожными работами являлись подрядчики, а

въ нѣкоторыхъ — обходились и безъ нихъ. Были различія и въ пищевомъ довольствѣ, но вообще, если не говорить объ уклоненіяхъ, которыя иногда, конечно, могли имѣть мѣсто, пищевое довольство вездѣ было достаточно потому уже, что это было необходимо въ интересахъ выполненія обязательствъ по работѣ, принятыхъ на себя партіями, а иногда и въ интересахъ соревнованія съ партіями рядомъ работавшихъ свободныхъ рабочихъ. Въ Нерчинской партіи на каждого арестанта ежедневно полагалось, напр. 4 ф. хлѣба, 1 ф. мяса, 36 зол. крупы, 5 зол. сала, 48 зол. овощей, 3 зол. луку, 8 зол. соли, $\frac{1}{20}$ зол. перцу, $\frac{1}{40}$ зол. лавроваго листа, 1 зол. чаю, а въ праздники 0,01 водки. Сходныя пищевыя таблицы, но, конечно, съ большими или меньшими уклоненіями въ нѣкоторыхъ частяхъ, примѣнялись и въ другихъ партіяхъ.

Арестанты группировались въ отдѣльныя рабочія артели, и были установлены опредѣленные дневные уроки (0,35; 0,40 куб. саж. въ мягк. грун.). Изъ платы за нихъ въ пользу арестантовъ отчислялось 10%; плата за сверхъ-урочную работу полностью поступала въ пользу работавшихъ. Большая или меньшая часть заработныхъ денегъ выдавалась работавшимъ на руки, а остальная — сохранялась до выхода въ вольную команду или до окончанія срока работъ. Такъ, въ нерчинской партіи половина сверхъ-урочной заработной платы выдавалась на руки; другая же половина и десятипроцентное отчисленіе вносились въ сберегательную кассу до выхода въ вольную команду. Въ иркутской партіи холостымъ изъ заработка ежемѣсячно выдавалась опредѣленная сумма — 3 руб., а женатымъ, семьи которыхъ находились вблизи работъ, — 6 руб. Остальныя заработныя деньги сохранялись до окончанія срока работъ.

Заработокъ отдѣльныхъ рабочихъ, конечно, значительно колебался, въ зависимости отъ ихъ силъ и способностей, но въ общемъ онъ былъ очень хорошъ. Сверхъ того, несмотря на стѣсненія въ работѣ, происходящія отъ необходимости усиленнаго окарауливанія, и несмотря на значительность накладныхъ расходовъ на содержаніе конвоя, надзора, админи-

страціи и проч., и казна получила отъ работъ сравнительно значительныя выгоды. Такъ, напр., рабочія партіи на Забайкальской желѣзной дорогѣ съ 1-го октября 1895 г. и по 1 сентября 1896 г., за покрытіемъ всѣхъ накладныхъ расходовъ, доставили чистаго дохода 18.106 руб. 85 коп.

Ссылка-поселеніе.

XXIII.

Значительное число ссылаемыхъ еще задолго до ссылки сбиваются съ пути, по разнымъ причинамъ отстаютъ отъ правильнаго труда, попадаютъ въ различныя мѣста заключеній, которыя и налагаютъ на нихъ печать свою. Предшествующее ссылкѣ нерѣдко продолжительное пребываніе въ «депо бродяжяго элемента», какъ выразился одинъ изслѣдователь,—въ пересыльныхъ тюрьмахъ, по своему устройству и обстановкѣ вовсе неприспособленныхъ къ исправленію заключаемыхъ въ нихъ, и пребываніе въ пересыльных партіяхъ еще болѣе увеличиваютъ начавшуюся нравственную порчу, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляютъ и физическія силы. При такихъ условіяхъ значительная часть ссыльныхъ къ тому времени, когда приходится стоять на собственныхъ ногахъ, совсѣмъ утрачиваетъ способность и охоту къ труду, утрачиваетъ инициативу и нравственную энергію, и нерѣдко отъ предшествующихъ жизненныхъ невзгодъ и испытаній болѣе или менѣе озлобляется. Про окончившихъ сроки каторжныхъ работъ ссыльныхъ И. Хонтинскій въ своемъ «Графико-статистическомъ обзорѣ» совершенно справедливо замѣчаетъ: «прибываютъ они къ мѣстамъ поселенія безъ всякихъ средствъ, нагіе, голодные, часто въ лѣтахъ немолодыхъ, въ большинствѣ преждевременно дряхлые, съ разстроеннымъ здоровьемъ и обязанные устроиться собственными силами и на собственный счетъ».

Положеніе ссыльныхъ въ Приамурскомъ краѣ, въ послѣдніе годы, когда въ немъ начала усиленно развиваться жизнь, могло бы быть лучше, нежели въ Иркутскомъ генераль-губернаторствѣ, благодаря обилію заработковъ, недостатку рабочихъ рукъ и потому высокой заработной платѣ. Заработокъ 11 и 12-лѣтняго мальчика доходитъ здѣсь до 1 р. и 1 р. 30 к. въ день; заработокъ взрослого чернорабочаго достигаетъ 1 руб. 50 к., а заурядныхъ мастеровыхъ—2 руб. 50. к. и даже выше. Хотя ссыльные, вслѣдствіе своей ранѣ возникшей усиленной склонности къ пьянству, картежной игрѣ и прогуламъ, не пользуются вообще репутаціей хорошихъ рабочихъ, но, за недостаткомъ рукъ, они безъ всякихъ затрудненій находятъ выгодную работу. Особенно чувствуется нужда въ женщинахъ для прислуги и, напр., въ Хабаровскѣ еще до освобожденія каторжной на нее иногда уже предъявляется нѣсколько требованій.

Въ Приамурскомъ краѣ на ссыльныхъ, которые и безъ того въ большинствѣ случаевъ представляются достаточно развращенными, особенно неблагопріятное вліяніе оказываютъ золотые промыслы, усиленно развивающіеся въ немъ, и стоящая съ ними въ тѣсной связи хищническая добыча золота. На промыслахъ ссыльные свыкаются съ таежнымъ бродяжествомъ, съ беспорядочностью въ работѣ, еще болѣе свыкаются съ пьянствомъ, съ необузданнымъ разгуломъ, развратомъ и сумасшедшимъ разбрасываніемъ денегъ въ городахъ Приамурья, куда стекаются «пріискатели», по окончаніи работъ, и гдѣ съ ихъ приходомъ исчезаетъ безопасность и начинаются всевозможныя оргіи, сопровождающіяся значительнымъ увеличеніемъ числа различныхъ преступленій во все время, въ теченіе котораго эти пропойцы остаются въ городѣ. На Сахалинѣ, въ селеніи Владиміровкѣ, мнѣ пришлось видѣть одного бывшаго «пріискателя», который работалъ прежде на пріискахъ близъ Благовѣщенска и выносилъ оттуда иногда рублей по тысячѣ. Но деньги не шли въ прокъ, какъ вода уходили изъ рукъ и оставались въ городскихъ кабакахъ и притонахъ.

Побывавшіе однажды въ тайгѣ на пріискахъ потомъ по большей части уже такъ и тянутся въ нее и совершенно отбиваются отъ правильной работы. Пріисковый трудъ, если не говорить о рѣдкихъ исключеніяхъ, не даетъ имъ обезпеченности, и большинство изъ нихъ въ лучшемъ случаѣ заканчиваетъ нищенствомъ, бродяжествомъ или убогими формами нашего общественнаго призрѣнія.

Работы на пріискахъ тяжелыя, изнурительныя, рабочій день очень удлиненный, условія обстановки нездоровыя, пища плохая и цѣны на продукты, отпускаемые въ кредитъ пріисковымъ управленіемъ, весьма высокія, особенно на заманчивый спиртъ, тайно проносимый «спиртоносами». Одни изъ нанявшихся выходятъ съ работы съ долгомъ, другіе бѣгутъ не выживши срока, а третьи хотя и уходятъ съ деньгами, но, какъ уже замѣчено, быстро ихъ прокучиваютъ и оставляютъ по различнымъ кабакамъ. Надежда на новое и быстрое обогащеніе подѣ часъ приводитъ «пріискателей» и въ «летучку» и наталкиваетъ на хищничество и спиртоношество. «Рѣшившись быть однимъ изъ героевъ тайги, рабочій дѣлаетъ первый шагъ по пути къ преступленію. Находясь подѣ постояннымъ вліяніемъ закоренѣлыхъ преступниковъ, раздѣляя съ ними опасную жизнь, полную то безшабашной удали, то тяжелыхъ невзгодъ, то неиспытанныхъ еще удовольствій, рабочій мало-по-малу увлекается этою жизнію и самъ становится опаснымъ преступникомъ».

Въ Иркутскомъ генералъ-губернаторствѣ положеніе ссыльныхъ въ отношеніи заработковъ хуже, и многіе не находятъ ихъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они причислены.

При распредѣленіи ссыльныхъ по волостямъ, принимается во вниманіе количество уже поселенныхъ на нихъ ссыльныхъ, количество земли, а иногда вѣроисповѣданіе приселяемыхъ (напр., магометане селятся подальше отъ тракта), родъ преступленій и т. д., но обыкновенно упускается изъ вида самое важное для успѣховъ колонизаціи — качества, знанія и рабочее прошлое ссыльныхъ. Послѣдніе, прибывъ въ волость, сами уже спрашиваютъ объ особенностяхъ ея

различныхъ мѣстностей и, сообразно съ полученными свѣдѣніями, ходатайствуютъ о назначеніи ихъ въ ту или другую деревню. Ходатайства ихъ большею частью удовлетворяются, хотя, повидимому, и не всегда безкорыстно, но, при сравнительной ограниченности пространства волости, это мало чему помогаетъ. Поэтому весьма часто бываетъ, что ремесленники, фабричные, представители различныхъ интеллигентныхъ профессій, прислуга, торговцы и пр., никогда не занимавшіеся сельскимъ трудомъ и его совсѣмъ не знающіе, попадаютъ въ глухія мѣстности, въ которыхъ они не могутъ найти себѣ никакого заработка. И случаи этого рода, къ сожалѣнію, учащаются, потому что прежде приходило значительно болѣе сельчанъ, легче находившихъ себѣ заработокъ въ деревнѣ, а въ послѣднее время въ массѣ ссыльныхъ увеличивается число горожанъ. Причисленіе послѣднихъ въ глухіе округа, поскольку они не спасаются отъ такихъ причисленій побѣгами, въ большинствѣ случаевъ почти равносильно осужденію на голодную смерть или, по меньшей мѣрѣ, на нищенство и жалкое скитальничество по окружнымъ деревнямъ. Между тѣмъ казалось-бы необходимо—разъ уже преслѣдуется цѣль колонизаціи ссыльныхъ—принимать во вниманіе ихъ будущую судьбу и давать имъ какую-либо возможность устраиваться въ мѣстахъ причисленія и честнымъ трудомъ зарабатывать средства своего существованія. Въ дѣйствительности же забота о ссыльныхъ въ мѣстахъ ссылки совершенно отсутствуетъ, и ссыльные предоставляются исключительно своимъ силамъ.

Громадное большинство ссыльныхъ, какъ уже замѣчено, пребываетъ въ мѣста причисленій въ плохой арестантской одеждѣ, болѣе или менѣе истощенные, оголодалые и безъ копѣйки денегъ, которыхъ въ тюрьмѣ они не могутъ скопить и заработать. Неприятливо встрѣчаетъ ихъ новая страна: ни кола, ни двора, ни куска хлѣба. Очень враждебно, по меньшей мѣрѣ вначалѣ, относятся къ этимъ «шляющимся варнакамъ-поселюгамъ» и мѣстные жители-старожилы, склонные видѣть въ

каждомъ изъ нихъ прежде всего вреднаго человѣка и будущую обузу, которая ляжетъ на общество.

Сельскія власти часто въ самомъ же началѣ безпрепятственно снабжаютъ пришельцевъ «увольненіями», т. е. свидѣтельствами на право полученія отпускныхъ билетовъ изъ волости—«грамотками», которыя сами по себѣ никакого юридическаго значенія не имѣютъ и по которымъ въ первое время билетовъ изъ волости не выдадутъ. Съ такими грамотками, а часто и безъ нихъ, значительная часть безпріютныхъ и голодныхъ ссыльныхъ почти немедля уходятъ съ мѣстъ причисленія и разбредаются въ разныя стороны для добыванія себѣ легальныхъ или нелегальныхъ средствъ существованія, превращаются въ безвѣстно отсутствующихъ и бродягъ, которые перемѣщаются и живутъ въ разныхъ мѣстностяхъ до тѣхъ поръ, пока по тому или другому поводу не столкнутся съ властями, не будутъ заарестованы, посажены въ тюрьмы или отправлены этапнымъ порядкомъ для новаго водворенія въ мѣсто причисленія, съ осложненіемъ послѣдняго тѣлеснымъ наказаніемъ или безъ онаго.

Другая часть причисленныхъ ссыльныхъ съ грѣхомъ пополамъ пристраивается къ старожиламъ и нанимается ими въ батраки рублей за 50 и 60 въ годъ на своей одеждѣ и обуви. Приобрѣтеніе послѣднихъ и поглощаетъ почти весь этотъ заработокъ, а остатокъ его въ большинствѣ случаевъ уходитъ на водку, на которую ссыльные, по общему отзыву, весьма падки.

Въ числѣ приходящихъ въ волости и деревни ссыльныхъ обыкновенно оказывается весьма много людей совершенно дряхлыхъ, различныхъ калѣкъ, лицъ, страдающихъ болѣе или менѣе тяжкими хроническими болѣзнями, слабоумныхъ или «дурачковъ», душевно-разстроенныхъ и вообще неспособныхъ къ труду. Для примѣра приведу хотя-бы Забайкальскую область, гдѣ всѣхъ ссыльныхъ обоого пола числится 16.638 душъ и изъ нихъ дряхлыхъ, больныхъ, увѣчныхъ и вообще неспособныхъ къ труду—3083 чел., не говоря уже о фізіологически вполне оскудѣлыхъ, которые не регистрируются.

Всѣ такіе ссыльные ложатся тяжелымъ и, главное, ясно видимымъ бременемъ на мѣстное населеніе, которое, вслѣдствіе почти полнаго отсутствія учрежденій государственнаго призрѣнія, вынуждено нести тяжесть исключительно на своихъ плечахъ и прокармливать обязательныхъ питомцевъ или въ формѣ подаенія милостыни, или же въ формѣ поочереднаго призрѣнія съ переводомъ или переносомъ изъ дома въ домъ. Особенно тягостны для мѣстнаго населенія душевнобольные и между ними, конечно, безпокойные и опасные. Ссылка, вслѣдствіе самаго ея существа, приводитъ не мало такихъ, уже въ болѣе или менѣе готовомъ видѣ съ мѣста ихъ родины, а сверхъ того всѣми своими неблагопріятными условіями она содѣйствуетъ развитію ихъ и въ самыхъ ссыльныхъ мѣстностяхъ.

Ссылные въ новой для нихъ странѣ находятъ и новыя, незнакомыя имъ условія жизни, климата, почвы, труда, хозяйства и пр., которыя, для того, чтобы овладѣть ими, требуютъ сравнительно долгаго приспособленія и привычки. Мнѣ приходилось слышать, что даже многіе свободные переселенцы, земледѣльцы по профессіи, не оставшіе отъ сельскаго хозяйства и не растратившіе своихъ силъ по тюрьмамъ и этапамъ, нерѣдко съ большимъ трудомъ ориентировались и приспособлялись къ веденію хозяйства на далекой чужбинѣ. Тѣмъ болѣе труднымъ представляется приспособленіе для ссыльныхъ, часто вовсе не знакомыхъ ни съ какимъ хозяйствомъ и въ большинствѣ случаевъ лишенныхъ того мужества и устойчивости, которыя необходимы для систематическаго успѣшнаго труда. «Неуспѣшное развитіе осѣдлости среди ссыльныхъ», справедливо замѣчаетъ г. Хонтинскій, «объясняется трудностью условій, въ которыя поставляется ссыльный на мѣстѣ причисленія и для преодоленія которыхъ нужны слишкомъ сильныя нравственныя побужденія къ труду и добропорядочной жизни, а ихъ ссыльный—пожизненно безправый (и въ значительной части случаевъ нравственно и физически уже изжитой, прибавлю я отъ себя) человекъ—имѣть не можетъ.

Отношеніе къ ссыльнымъ мѣстнаго населенія, какъ уже было замѣчено выше, вообще очень недружелюбное. Оно непривѣтливо встрѣчаетъ поселенцевъ и предоставляетъ имъ устраиваться, какъ они хотятъ. Не имѣя ни денежныхъ, ни вещевыхъ запасовъ, поселенцы почти не берутъ земли для обработки, а если и берутъ, то общества даютъ имъ неполные участки и отводятъ самыя негодныя земли—«гдѣ журавли яйца несутъ», которыя не подъ силу даже людямъ нѣсколько зажиточнымъ и вполне привычнымъ къ труду. Поэтому только рѣдкіе изъ нихъ успѣваютъ обзавестись своимъ небольшимъ хозяйствомъ, да и тѣ долго терпятъ всякія притѣсненія и несправедливости отъ старожиловъ, дающихъ имъ презрительныя и бранныя клички: «варнаковъ, чалдановъ» и пр. *). Конечно, непобѣдимаго отвращенія къ ссыльнымъ у этого общества не существуетъ, и когда кому-нибудь изъ нихъ, благодаря какимъ-либо особымъ качествамъ, далеко не всегда симпатичнымъ (напр., ловкости въ эксплуатаціи другихъ и проч.), или помощи со стороны, удастся хорошо устроиться въ новомъ мѣстѣ, а иногда и пріобрѣсть хорошее состояніе, тогда и отношеніе окружающихъ къ такимъ ссыльнымъ рѣзко измѣняется, и они входятъ въ ихъ среду полноправными членами. Но такіе примѣры, встрѣчающіеся вездѣ, а не только въ ссыльныхъ мѣстностяхъ, представляютъ собою исключенія. Не таково положеніе заурядовой ссыльной массы и притомъ въ первое и болѣе трудное время, особенностями условій котораго часто рѣшается вся дальнѣйшая судьба ссыльнаго. Самыя тяжелыя невзгоды и

*) Приведу здѣсь характерную выдержку изъ произведенія ставшаго сс. поселенцемъ, рисующую положеніе людей этой категоріи. „Чужіе нравы и народъ, обычай встрѣтилъ новый; не тотъ лазурный небосклонъ и климатъ-жъ суровый“. „Глядятъ съ презрѣньемъ на меня, не видно сожалѣнья; и часъ отъ часа, день отъ дня я чуждый сталъ терпѣнья. Не милъ и Божій свѣтъ мнѣ сталъ и въ тягость увольненіе. Я шелъ впередъ и разсуждалъ: Ахъ гдѣ страхну мученіе! Въ деревнѣ жить, пахать, косить отъ роду я не знаю, снопа связать и молотить совѣмъ не понимаю“.

всевозможныя лишенія—вотъ удѣлъ ея. Песеленцы вообще, а тѣмъ болѣе не занимавшіеся прежде или отвыкшіе отъ занятій земледѣліемъ, находятъ въ батрачествѣ весьма неблагоприятныя условія существованія, которыя часто еще болѣе озлобляютъ ихъ и заставляютъ питать отвращеніе къ представляющейся работѣ. По свидѣтельству лицъ, хорошо знакомыхъ съ сибирскою жизнію, положеніе батрака-поселенца большею частью очень безотрадное. Сибирскіе крестьяне стремятся эксплуатировать и закабалить ссыльныхъ. Они требуютъ работы тяжелой и непрерывной, заставляютъ работать до истощенія силъ и даютъ самую ничтожную плату за трудъ, да и ту задерживаютъ и не добавляютъ, пользуясь прекарнымъ положеніемъ ссыльнаго. «Нѣтъ болѣе лихого человека, какъ богатый сибирскій мужикъ», говорятъ поселенцы; «онъ тебя всего выжметъ и денегъ не отдастъ» *). Многіе же и вовсе не находятъ приложенія своему труду. «Есть мѣста, гдѣ не берутъ поселенцевъ въ работники даже изъ-за хлѣба». Старожилы въ свою очередь имѣютъ очень много основаній, особенно при теперешней постановкѣ нашей ссылки, недружелюбно и даже враждебно относиться къ ссыльнымъ и, руководствуясь всѣмъ своимъ опытомъ, видѣть въ нихъ, въ ихъ заурядовой массѣ, людей подозрительныхъ, опасныхъ, нерѣдко страшно развращенныхъ, часто ни на что не пригодныхъ и плохихъ сообщественниковъ, которые приносятъ только безпокойства и налагаютъ тягости на общество.

Неудивительно, что, при такомъ общемъ положеніи вещей, множеству ссыльныхъ не сидится на мѣстахъ причисленія и они разбредаются въ разныя стороны, неудержимо стремясь отыскать хотя гдѣ-нибудь болѣе сносныя условія существованія. И казалось бы, если уже на ссыльныхъ на-

*) Сходный отзывъ, высказанный съ большою горечью и медленно накопившеюся злобою мнѣ однажды пришлось слышать отъ бѣлаго изъ Сибири въ ярославскомъ тюремномъ замкѣ.

лагается обязательство оставаться и устраиваться въ районѣ ссылки, то имъ должны быть предоставлены или, по меньшей мѣрѣ, не воспрещаемы и всѣ легальныя средства къ тому и въ числѣ ихъ первое и главное—право исканія по- сильныхъ и подходящихъ заработковъ во всѣхъ мѣстностяхъ района, гдѣ только они могутъ найти ихъ. Казалось бы также, что право перемѣщенія въ предѣлахъ района ссылки, конечно, извѣстнымъ образомъ обставленное, не можетъ порождать особенныхъ неудобствъ, а главное—лишнихъ опасностей, которыя бы не существовали и въ настоящее время. Одно запрещеніе передвиженій не удерживаетъ и, очевидно, не можетъ удержать на мѣстахъ причисленія голодныхъ ссыльныхъ, и они, при наличности извѣстныхъ неблагопріятныхъ условій, всегда неудержимо будутъ передвигаться, хотя и съ нарушеніемъ правилъ, вызывая противъ себя въ обществѣ дорого стоящія и въ существѣ едва-ли правильныя мѣры репрессіи и преслѣдованія. Къ величайшему сожалѣнію, въ дѣйствительности послѣднее и имѣетъ мѣсто. Ссылнымъ билеты на отлучки изъ мѣстъ причисленій въ первое и потому самое труднѣйшее время ихъ поселенчества, когда они всего болѣе и нуждаются въ помощи, въ Сибири не выдаются. Но условія дѣйствительной жизни оказываются сильнѣе правилъ, и ссыльные во множествѣ уходятъ съ мѣстъ безъ билетовъ, образуя группу такъ называемыхъ «безвѣстно отсутствующихъ *). Приведу примѣры.

Въ Уриковской волости Иркутскаго округа всѣхъ ссыльныхъ на причисленіи 561 чел. Изъ нихъ по билетамъ было уволено 90 чел., въ безвѣстной отлучкѣ на ходилось 434 чел., а на мѣстахъ—всего 37 чел., изъ которыхъ только 17 имѣли

*) Группа безвѣстно отсутствующихъ слагается изъ различныхъ категорій. Въ нее входятъ бродяги, ссыльные, работающіе и устраивающіеся гдѣ-нибудь въ другихъ мѣстностяхъ и даже въ близъ лежащихъ волостяхъ безъ билетовъ, и умершіе. Интересно, что иногда печатаются объявленія о розыскѣ безвѣстно отсутствующихъ ссыльныхъ, имѣющихъ отъ роду 112, 114 и даже 146 лѣтъ.

домообзаводство. Въ Зеледѣевской волости Красноярскаго округа всѣхъ ссыльныхъ 5227 душъ обоего пола. Изъ нихъ часть проживала на сторонѣ, а 3922 чел. находились въ безвѣстной отлучкѣ; изъ проживающихъ на мѣстѣ добрая половина бродяжила по округу, занималась кражами, мошенничествами, пьянствомъ и картежной игрой. Во всемъ Красноярскомъ округѣ всѣхъ ссыльныхъ числилось 20.798 чел. изъ нихъ въ безвѣстной отлучкѣ было 10.248 чел. Въ Ачинскомъ округѣ всѣхъ ссыльныхъ насчитывалось 9413 и изъ нихъ безвѣстно отсутствующихъ было 5190 чел. Въ Канскомъ округѣ всего ссыльныхъ 16.746 чел. и въ безвѣстномъ отсутствіи было 8814 чел. Въ Амурскомъ округѣ на причисленіи 506 чел. ссыльныхъ. Изъ нихъ 77 чел. жили на сторонѣ по билетамъ, а 358 чел. находились въ безвѣстной отлучкѣ и т. д.

Явленіе безвѣстныхъ отлучекъ, вызываемое въ значительной мѣрѣ тяжелыми условіями, въ которыя ставятся ссыльные, порождаетъ особые проступки и преступленія—«безписьменность», отлучки и побѣги съ мѣстъ причисленія. Уходы, въ зависимости отъ различій лицъ судящихъ, то рассматриваются какъ отлучки, то какъ побѣги и соотвѣтственно съ этимъ влекутъ за собою болѣе или менѣе тяжелыя послѣдствія для ссыльныхъ: этапную высылку для новаго водворенія въ мѣсто причисленія, розги, плети, временно-заводскія и каторжныя работы. Въ бытность мою въ центральной Александровской каторжной тюрьмѣ въ ней содержались за «безписьменность», соединенную съ 2 и 3 побѣгами, 74 чел.

Теперь остановимся ближе на безвѣстно отсутствующихъ. Одни изъ нихъ уходятъ въ бродяжество. «Лишь только весна вступить въ свои права и сгонить снѣгъ съ таежной чащи, какъ начинаютъ тянуться непрерывныя ленты бродягъ—такъ называемыхъ «полевыхъ дворянъ», стремящихся съ востока на западъ». Какъ велико наличное число бродягъ въ Сибири—опредѣлить невозможно. Во всякомъ случаѣ Сибирь и теперь еще переполнена бродягами, которые, по словамъ г. Харизоменова и другихъ лицъ, знающихъ сибирскую жизнь, «представляютъ самый дурной элементъ всего населенія

ссылныхъ». «Безъ преувеличенія можно признать, что половина поселенцевъ не остается на мѣстахъ причисленія, а изъ нихъ половина превращается въ бродягъ», которые, вслѣдствіе всего своего прошлаго и безпрерывнаго передвиженія по тюрьмамъ и этапамъ, лишены «почти всякихъ признаковъ нравственности и способны на всякое преступленіе».

Многочисленная бродяжья рать бороздитъ Сибирь по всѣмъ направленіямъ. «Безъ крова, безъ семьи, въ изодранной одеждѣ, нерѣдко голодные, они живутъ большею частью различными темными дѣлами, скитаясь изъ одного мѣста въ другое». Одни изъ бродягъ, подобно и многимъ поселенцамъ, остающимся на мѣстахъ, промышляютъ подчасъ случайными работами и нищенствомъ, обыкновенно соединеннымъ и съ мелкимъ воровствомъ. Они крадутъ у мѣстныхъ жителей все, попадающее имъ подъ руку: мелкія домашнія вещи, овощи, скотъ, медъ, при чемъ душатъ пчелъ, и проч. «Поселенецъ, что младенецъ,—что видитъ, то и стащитъ», говорятъ сибиряки.

Во время пути бродяги терпятъ ужаснѣйшія лишенія и нужду. Идутъ они, по ихъ собственнымъ рассказамъ, «лоскутъ на лоскутъ».

Другіе бродяги промышляютъ мошенничествами, поддѣлкою монеты и различными обманами: выдаютъ себя за странниковъ, знахарей, гадальщиковъ, врачей и проч., различными способами эксплуатируютъ мѣстное населеніе и совершаютъ болѣе или менѣе тяжкія преступленія какъ въ самой Сибири, которая, благодаря ссылкѣ, издавна отличалась повышенной преступностью, такъ и въ сосѣднихъ съ нею губерніяхъ.

Съ наступленіемъ же холоднаго времени, когда жизнь бродягъ-скитальцевъ становится особенно тяжела, многіе изъ нихъ сами являются въ мѣстныя полицейскія учрежденія, заявляютъ, что они люди «безписьменные», просятъ посадить ихъ въ тюрьму и на первыхъ допросахъ даютъ о своей личности завѣдомо ложныя свѣдѣнія съ такимъ расчетомъ, чтобы справки затянулись до тепла, до весны. Съ наступле-

ніемъ послѣдней, они объявляютъ свои настоящія имена, получаютъ надлежащее воздаяніе, отправляются на мѣста и снова бѣгутъ. Въ этомъ и состоитъ колонизація ими страны.

Другіе изъ безвѣстно отсутствующихъ уходятъ и пристраиваются внѣ городовъ, въ другихъ волостяхъ и округахъ, гдѣ только находятъ какія-нибудь средства существованія. Тамъ они проживаютъ легальными и нелегальными способами до тѣхъ поръ, пока по какому-либо поводу не обратятъ на себя вниманія полиціи, которая тогда и принимаетъ по отношенію къ нимъ тѣ или другія мѣры. Такъ, напр., одинъ изъ земскихъ засѣдателей разослалъ волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ циркулярное распоряженіе, «въ предупрежденіе кражъ и грабежей въ селеніяхъ, провѣрить всѣхъ проживающихъ въ нихъ, и если окажутся проживающіе безъ письменныхъ видовъ, то таковыхъ немедленно арестовать и представить въ волостное правленіе» или къ нему, засѣдателю, «для поступленія съ ними по закону». При этомъ засѣдатель предупреждалъ старостъ, что если «въ теченіе каждаго суточного времени не будетъ забрано ни одного лица, то старосты будутъ привлечены къ административному взысканію».

Конечно, съ формальной стороны это распоряженіе, исключая его конца, вполне правильно, но, говоря о немъ, нельзя упускать изъ вида своеобразныя особенности Сибири вообще и ея особенности, какъ ссыльной колоніи въ частности, которыя требуютъ возможно большей внимательности, съ одной стороны, къ ея общимъ бытовымъ условіямъ, а съ другой—къ индивидуальнымъ условіямъ отдѣльных личностей. Едва-ли можно утверждать, разъ ссылка существуетъ, что ссыльные вообще окажутся менѣе опасными на мѣстахъ своего причисленія, нежели на тѣхъ, гдѣ они сами устроились.

Послѣдствіемъ распоряженія было наполненіе волостныхъ тюремъ. Въ мою бытность въ одномъ изъ волостныхъ правленій, въ камерѣ волостной тюрьмы въ 7,3 куб. саж. вмѣстимости содержалось 18 человѣкъ, изъ которыхъ 14 чело-

вѣкъ было ссыльныхъ, получавшихъ на руки въ сутки по 4 коп. кормовыхъ, при цѣнѣ хлѣба въ 3 коп. за фунтъ. Всего съ 1 и по 29 октября было заключено въ тюрьму 97 чел. и изъ нихъ 73 чел. исключительно за «безписьменность». Арестованные отправлялись въ указанныя ими мѣста «на уличку», оттуда доставлялись къ засѣдателю и, въ случаѣ признанія ихъ обществами, снова препровождались уже для водворенія въ мѣста причисленій.

Безвѣстно отсутствующіе третьей категоріи, въ значительномъ числѣ состоящей изъ горожанъ, усиленно стремятся въ города, гдѣ имъ представляется большая возможность находить себѣ какія-либо средства существованія. Пребываніе въ волостяхъ для весьма многихъ изъ нихъ равнозначно голоданію. Но въ городахъ ихъ встрѣчаютъ и гораздо большія строгости. Даже получившіе полицейскія разрѣшенія, нашедшіе себѣ заработокъ и, при помощи труда и усилій, успѣвшіе болѣе или менѣе устроиться, находятся какъ-бы подъ Дамокловымъ мечемъ—подъ угрозой этапной высылки и наказаній.

Бываютъ періоды, когда на пріютившихся въ городѣ ссыльныхъ смотрятъ, какъ говорится, «сквозь пальцы». Но стоитъ случиться какому-либо происшествію, стоитъ новому администратору затѣять чистку города, и тогда ихъ задерживаютъ, сажаютъ въ тюрьмы и водворяютъ въ мѣста причисленія. Оттуда ссыльные, конечно, снова уходятъ, снова появляются въ городѣ, снова выдворяются... и такъ продолжаютъ «маяту».

При такомъ положеніи ссыльныхъ, тюрьмы и пересыльные партіи изобилуютъ личностями, которыя попадаютъ въ нихъ только за «безписьменность», нерѣдко обусловливаемую исключительно стремленіемъ избавиться отъ голоданья. Въ мою бытность, напр., въ Читинской тюрьмѣ, въ ней находилось подсудимыхъ 120 чел. Изъ нихъ исключительно за «безписьменность» содержалось 21 чел. и за бродяжество 8 чел. Въ Нерчинской тюрьмѣ изъ общаго числа 63 чел. за «безписьменность» содержалось 21 чел. и за бродяжество 4 чел. Въ Нижнеудинской тюрьмѣ изъ общаго числа 119

арестантовъ исключительно за безписьменность содержалось 73 чел. и т. д.

Впрочемъ, благодаря «безписьменности» тюрьмы переполняются у насъ не только въ Приамурьѣ и Сибири, но и вообще. Такъ, напр., въ тюрьмахъ Черниговской губерніи въ теченіе 1896 г. на общее число 3012 чел. пересыльныхъ, задержанныхъ исключительно за «безписьменность» было 810 чел. (изъ нихъ въ возрастѣ до 17 л. было 30 чел.). Черезъ Кіевскую тюрьму въ томъ же 1896 г. за «безписьменность» прошло 4214 чел. и т. д. А сколько по всей Россіи?

Трудно, конечно, подсчитать съ точностью, во что обходится казнѣ и мѣстному населенію наша ссылка, тѣмъ не менѣе можно утверждать съ достовѣрностью, что она обходится очень и очень дорого въ матеріальномъ, а главное въ нравственномъ отношеніи.

При описанныхъ крайне тяжелыхъ общихъ условіяхъ жизни, ссыльные, и безъ того уже большею частью очень развращенные въ теченіе своей прошлой жизни и странствованій по различнымъ тюрьмамъ и этапамъ, въ ссылкѣ еще болѣе развращаются, озлобляются и еще болѣе становятся склонны къ рецидиву, вслѣдствіе чего преступность ссыльныхъ представляется значительно повышенной, по сравненію съ окружающимъ населеніемъ. Такъ, напр., въ Забайкальской области судимость мѣстнаго населенія выражается цифрою 0,08⁰/₀ всего его числа, тогда какъ судимость ссыльныхъ—0,7⁰/₀, и при этомъ каждое важное преступленіе, какъ бы обязательно совершается при участіи одного или нѣсколькихъ ссыльныхъ. Можно утверждать вообще, что гдѣ больше ссыльныхъ, тамъ больше и преступленій, и что преимущественно ссыльные поставляютъ главныхъ виновниковъ, зачинщиковъ и вообще коноводовъ преступленій. Поджоги, грабежи, разбои, убійства, иногда цѣлыхъ семей, изнасилованія по дорогамъ женщинъ и даже дѣвочекъ представляютъ собою по большей части дѣло ссыльныхъ, особенно бѣгло-каторжныхъ, людей до крайности озлобленныхъ, которымъ, при долгихъ срокахъ работъ, иногда значительно, какъ мы видѣли,

превышающихъ 30 лѣтъ, терять уже болѣе нечего и надѣяться въ жизни почти не на что. По рассказамъ самихъ бродягъ, такіе бѣгло-каторжные не беспокоятся своими преступленіями и хладнокровно относятся ко всему. Ихъ преступленія «заставляютъ содрогаться даже крѣпкаго нервами жителя Сибири».

Преступленія совершаются или въ одиночку, или сообществами, иногда даже организованными шайками; бывали случаи, что цѣлыя поселенческія деревни выходили на грабежъ. Шайками совершаются вырѣзыванія цѣлыхъ семей, при чемъ не щадятся и дѣти. Разбои производятся въ селахъ и городахъ, не исключая и большихъ центровъ.

«Военные суды для ссыльныхъ не устрашали и не предупреждали преступленій и жизнь, и собственности въ Сибири были и остаются мало огражденными, а дороги и улицы недостаточно безопасными», при искусственномъ сконцентрированіи множества развращенныхъ ссыльныхъ, поставленныхъ въ бѣдственные условія существованія.

«Въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ водворяются ссыльные, относительное число преступленій значительно выше и самый характеръ преступности совсѣмъ иной какъ со стороны причиненія вреда, такъ и со стороны жестокости и обдуманнаго умысла». Замѣчается также рѣдкая послѣдовательность; такъ поселенцы, сосланные за кражи, грабежи, разбои, убійства въ Сибири занимаются тѣми же преступленіями, при болѣе отягчающихъ обстоятельствахъ и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ». «Въ этомъ округѣ» (Ишимскомъ), замѣчаетъ хорошо знающій его авторъ, «нѣтъ аршина земли, который бы не былъ обогрѣнъ человѣческой кровью убитаго ссыльнаго или ограбленнаго проѣзжаго; нѣтъ недѣли, въ теченіе которой не было бы совершено въ округѣ менѣе двухъ убійствъ»; сколько же остается ихъ необнаруженныхъ—вѣдомо одному только Богу». А Ишимскій округъ—не исключеніе.

Ссыльные ложатся чрезвычайно тяжелымъ бременемъ на мѣстное населеніе и въ матеріальномъ отношеніи. Населеніе волостей, къ которымъ причислены ссыльные, содержитъ на

свой счетъ значительное число неспособныхъ къ труду и душевно-больныхъ поселенцевъ, не принятыхъ въ больницы (ихъ переводятъ или переносятъ изъ дома въ домъ), несетъ расходы на подводы и конвоированіе пересыльныхъ на внѣ-этапныхъ путяхъ, а также и на подводы для больныхъ, платитъ за леченіе дѣтей поселенцевъ, содержитъ сельскія тюрьмы и несетъ значительные расходы по увеличенной перепискѣ и дѣлопроизводству о ссыльныхъ въ сельскихъ и волостныхъ управленіяхъ.

Загнанные и озлобленные ссыльные, во множествѣ собираемые и скучиваемые со всѣхъ концовъ Россіи, по общему отзыву, оказываютъ самое развращающее вліяніе на мѣстное населеніе, портятъ его характеръ и развиваютъ въ послѣднемъ многія неблагопріятныя черты.

По словамъ мѣстныхъ жителей, ссыльные составляютъ истинный бичъ общества; своею испорченностью, склонностью къ праздности, пьянству и разнымъ преступленіямъ они вносятъ порчу и въ семейства старожиловъ, развращаютъ молодое поколѣніе и словомъ, и дѣломъ увлекаютъ его во всѣ пороки.

Между простолюдинами ссыльные толкуютъ о выгодѣ воровства, мошенничества, хвалятся умѣньемъ дѣлать фальшивую монету, производить грабежи и т. д. Но простолюдинами не ограничивается ихъ пагубное вліяніе. Оно распространяется и на среду богатыхъ людей. Дѣти послѣднихъ часто растутъ на рукахъ у ссыльныхъ, воспитываются ими и впослѣдствіе служатъ для молодыхъ людей примѣромъ. «Показанія старожиловъ и отвѣты на циркулярные вопросы по волостямъ», говоритъ Иркутскій тюремный инспекторъ, г. Сипягинъ, «устанавливаютъ дурные примѣры и вліяніе ссылки на общій складъ деревенской жизни и на молодежь прежде всего: карточная игра, бражничанье по кабакамъ съ гармониками и новымъ для Сибири цикломъ пѣсенъ, разсказовъ и другихъ обычаевъ золоторотцевъ большихъ городовъ и фабричныхъ трактирныхъ завсегдатаевъ дѣйствуетъ на небойкихъ и работающихъ пока молодыхъ людей», «кото-

рымъ бывалый народъ не замедляетъ преподавать способы приобрѣтенія средствъ на дальнѣйшія удовольствія и разъясняетъ предразсудочность ихъ понятій о неприкосновенности отцовскаго или семейнаго достоянія». «Практикуемая въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ ссылка въ Сибирь», замѣчаетъ г. Хоризоменовъ «и именно въ среду мирнаго, ни въ чемъ неповиннаго, кореннаго населенія Сибири, въ значительной мѣрѣ подѣйствовала на него развращающимъ образомъ».

Сифилисъ, приносимый ссыльными партіями, «натурализовался въ странѣ и есть цѣлыя деревни имъ зараженные и цѣлыя поколѣнія отъ него вымершія». «Убійца, воръ и обольститель внесли пренебреженіе ко всякой нравственности въ среду невѣжественныхъ и невзыскательныхъ людей и слѣпое общество само незамѣтно отравилось и усвоило себѣ нравственный индифферентизмъ, развращеніе и нравы ссыльныхъ».

Мѣстное населеніе, такъ много терпящее отъ ссылки, съ своей стороны относится къ ссыльнымъ съ предубѣжденіемъ и ведетъ съ ними упорную войну, «прибѣгая при этомъ», по закону подражанія и усвоенія, «къ тѣмъ же пріемамъ, какіе практикуются ссыльными относительно жизни и имущества сибирскихъ жителей».

Наученные горькимъ опытомъ жители Сибири видятъ въ каждомъ ссыльномъ лишь новую для себя тягость—дармоѣда, котораго нужно кормить подаяніемъ и при томъ постоянно остерегаться проявленій его преступныхъ наклонностей.

Пока ссыльные держатся скромно и приниженно, сибирскіе крестьяне относятся къ нимъ еще съ нѣкоторою терпимостью, но какъ только ссыльные нарушаютъ ихъ интересы, такъ тотчасъ же они становятся жестоки, безжалостны и прибѣгаютъ къ кровавому самосуду. «Лишь заподозривъ ссыльнаго въ кражѣ, крестьяне толпою нападаютъ на него и всѣ вмѣстѣ начинаютъ бить его ногами и палками, выворачивать шею, переламывать руки и ноги и проч.— и затѣмъ убитаго бросаютъ въ озеро или болото». Систематиче

скія избіенія ссыльныхъ иногда производятся цѣлыми обществами и никакіе строгіе судебныя приговоры не могутъ положить предѣлъ этимъ безчеловѣчнымъ расправамъ.

«Въ Сибири ничто не цѣнится такъ дешево, какъ человѣческая жизнь». Охота на такъ называемыхъ, «горбачей», т. е. бродягъ, съ цѣлью поживится ихъ убогимъ имуществомъ, какъ мнѣ пришлось слышать, продолжается еще и до настоящаго времени. Каждую весну, когда сойдетъ снѣгъ, близъ селеній и заимокъ, въ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ, на поляхъ и лугахъ находятъ значительное число, такъ называемыхъ, «подснѣжниковъ», т. е. труповъ, не рѣдко очень изуродованныхъ и «неизвѣстно кому принадлежащихъ», съ прострѣленными ранами или съ веревкою на шеѣ. «Пронзительный этотъ сибирякъ», говорятъ бродяги, «убить ему ничего за всякую малость».

Помимо самосуда старожилы употребляютъ противъ ссыльныхъ и другое средство—общественныя приговоры о выселеніи далѣе на востокъ. Достаточнымъ поводомъ къ составленію такихъ приговоровъ иногда служитъ одна принадлежность къ числу ссыльныхъ. Приговоры вообще составляются въ обильномъ количествѣ. Самихъ выселяемыхъ, общества заключаютъ подъ стражу на все время производства дѣла, а семьи ихъ бросаютъ на произволъ судьбы, предоставляя имъ ходить по міру и просить милостыню.

Таковъ тотъ медленно, но вѣрно дѣйствующій нравственный ядъ, который метрополія въ теченіе множества лѣтъ вливала и концентрировала въ ссыльной колоніи и тѣмъ постепенно подготавливала настоящее Сибири, и таково современное положеніе ссылки и взаимныя отношенія двухъ насильственно-соединяемыхъ элементовъ: ни какъ и ни кѣмъ не исправляемыхъ, а, напротивъ, развращаемыхъ ссыльно-поселенцевъ, которыхъ наказаніе ставить въ невозможныя условія существованія на далекой чужбинѣ, и предоставленнаго собственнымъ силамъ мѣстнаго населенія, вынужденнаго защищать свои наиболѣе дорогія блага отъ постоянно набѣгающей на него могучей волны развращенной штраф-

ной колонизаціи. Мѣстное населеніе подавляется и отравляется ссылкой, а потому неудивительно, что оно стонетъ отъ нея и настойчиво проситъ объ избавленіи отъ ссыльной заразы. Но сколько можетъ быть признано выгоднымъ такое положеніе съ государственной точки зрѣнія—предоставляю судить самому читателю.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Безразличная, заурядовая ссылка на поселеніе всѣхъ отбывшихъ каторжныя работы и существованіе специальныхъ наказаній ссылкой на поселеніе и на житье за извѣстные роды преступленій, при чемъ не принимаются во вниманіе различія въ возрастѣ, въ степени здоровья и силъ, въ условіяхъ прошлой жизни, въ знаніяхъ, навыкахъ, способностяхъ, склонностяхъ (въ американскихъ тюрьмахъ начинаютъ старательно изучаться наклонности и способности заключенныхъ даже для выбора имъ занятій въ тюрьмѣ) и пр., дѣлаетъ невозможнымъ успѣхъ ссылки, какъ прибавочнаго къ каторгѣ и какъ самостоятельнаго наказанія. Какое, въ самомъ дѣлѣ, сколько-нибудь правильно устроенное поселеніе и добропорядочное общежитіе могутъ быть образованы на далекой чужбинѣ, въ малокультурной еще странѣ, среди суровой природы требующей настойчиваго, тяжелаго труда, безразлично и исключительно изъ людей, оторванныхъ отъ родной почвы, отъ родныхъ и привычныхъ условій быта, изъ людей нерѣдко болѣе или менѣе пожилыхъ, изжитыхъ и растерявшихъ здоровье и силы въ теченіе своей преступной карьеры и не только не исправлявшихся, а еще систематически развращавшихся въ тюрьмахъ различныхъ наименованій, часто изъ людей, никогда не занимавшихся сельскимъ хозяйствомъ, его не знающихъ и никакой склонности къ нему не питающихъ, изъ людей нерѣдко безсемейныхъ или бывшихъ никуда негодными отцами семей, основавшихъ теперь новыя семьи съ

такими же развращенными и изжитыми тюремными выпущенниками, прежними проститутками, прошедшими через остроги, партіи и этапы, изъ людей, въ значительномъ числѣ случаевъ не имѣющихъ рѣшительно никакихъ стимуловъ къ упорному труду въ надеждѣ на сравнительно отдаленное будущее (сельское хозяйство устраивается не въ годъ и не въ два) и очень часто, по состоянію своихъ силъ и энергіи, вовсе неспособныхъ къ нему? Конечно, не всѣ таковы, но и весьма значительная примѣсь такихъ, какъ дурная основа, всегда будетъ дѣйствовать разлагающе и развращающе на болѣе или менѣе уже затронутое порокомъ населеніе ссыльныхъ колоній. Воровскія и разбойничьи селенія изъ потомковъ ссыльныхъ, существующія, напримѣръ, въ Иркутской губерніи и въ настоящее время, всего яснѣе показываютъ, къ какимъ результатамъ можетъ приводить такая система. Мечты о правильной колонизаціи, при концентраціи въ однихъ мѣстахъ такого контингента лицъ, равнозначны несбыточнымъ мечтамъ о постройкѣ обширныхъ, многоэтажныхъ и величественныхъ зданій изъ совершенно непригодныхъ матеріаловъ.

Не лучшіе результаты можетъ давать и система заурядоваго, безразличнаго, массоваго приселенія ссыльныхъ къ деревнямъ старожиловъ на отдаленныхъ окраинахъ. Кому не извѣстно, какъ нелегко и человѣку, не понесшему наказанія, но заѣзжему и неизвѣстному, приселиться къ деревнѣ, стать полноправнымъ членомъ ея міра и обзавестись самостоятельнымъ хозяйствомъ. Для этого необходимы сравнительно не малыя средства, не легкіе хлопоты и трудъ. Подозрительность, недовѣріе и даже нѣкоторая доля недружелюбія обыкновенно встрѣчаютъ на первыхъ порахъ новаго человѣка въ деревнѣ. Что же предстоитъ для ссыльнаго, который приходитъ съ опредѣленнымъ, но крайне неблагопріятнымъ титуломъ — человѣка преступнаго, безправаго, острожнаго, приходитъ по большей части безъ всякихъ средствъ, безъ надлежащихъ знаній и навыковъ и даже нерѣдко безъ достаточныхъ силъ, и приходитъ въ среду населенія страдавшаго и страдающаго отъ ссыльныхъ? Конечно, могутъ и бы-

вають сравнительно счастливыя исключенія, но они исключенія, а не правило.

При системѣ ссылки ядъ не разжижается, какъ бы слѣдовало, а, напротивъ, искусственно концентрируется и заражаетъ несчастную страну, избранную мѣстомъ для нея. Конечно, метрополія ссылкой избавляется отъ своихъ вредныхъ и зараженныхъ элементовъ, оказавшихся непригодными къ свободной жизни въ обществѣ, но колонія, для которой достаточно и своихъ преступниковъ, усиленно и несправедливо отравляется ими. «При близкомъ и многолѣтнемъ знакомствѣ нашемъ съ ссылкой, наблюдаемой нами во всѣхъ ея фазахъ и послѣдствіяхъ», говорится въ отчетѣ Тобольскаго тюремнаго инспектора за 1897 г., «невольно приходишь къ заключенію, что она, какъ наказаніе или послѣдствіе такового за извѣстныя преступленія или порочное поведеніе, есть какое то странное недоразумѣніе въ законѣ и, намъ кажется, что ссылка установлена лишь потому, что въ извѣстную эпоху ничего лучшаго не могли придумать, какъ удалять порочныхъ членовъ изъ общества Европейской Россіи въ общества сибирскія, при чемъ, надо полагать, имѣлось только въ виду «извѣстное общество», въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но не государство, которое желательно было бы избавить отъ порочныхъ гражданъ, такъ какъ ссылка, хотя бы и въ Сибирь, есть только перемѣщеніе порочныхъ элементовъ изъ одной области въ другую». «Ссылка», говорится далѣе, «есть роковое недоразумѣніе или же временная мѣра въ извѣстную эпоху, когда по обстоятельствамъ ничего болѣе цѣлесообразнаго не могли придумать». И дѣйствительно нельзя не признать, что, при заселеніи отдаленныхъ мѣстностей и исчезнувшей ихъ обособленности, при постоянно усиливающимся развитіи городовъ и городскихъ занятій и при коренномъ измѣненіи всего строя жизни и отношеній, ссылка *во всякомъ случаѣ и по меньшей мѣрѣ* вполне отжила свой вѣкъ, и въ государственныхъ интересахъ требуетъ отмены. Предпринимающіяся частичныя поправки и улучшенія не могутъ унич-

тожить несоотвѣтствія и устранить основныхъ пороковъ учрежденія.

Говорятъ, что самый фактъ перемѣщенія въ отдаленную страну ссылки, гдѣ прошлое преступника неизвѣстно, даетъ ему возможность подняться, нравственно возродиться и начать новую незапятнанную жизнь въ пріютившемъ его обществѣ, которое еще только складывается и потому способно усвоить и переработывать привходящіе въ него дурные элементы. Но такъ ли это въ дѣйствительности? Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что фактъ перемѣщенія изъ одной мѣстности въ другую не можетъ самъ по себѣ реформировать человѣка и сдѣлать его не только полезнымъ, но даже безопаснымъ членомъ общества. Напротивъ, можно скорѣе предполагать противное, имѣя въ виду необходимость пересылки. Порочный и преступный человѣкъ, при неблагопріятныхъ условіяхъ, останется такимъ же и въ новой мѣстности и его принадлежность къ разряду ссыльныхъ едва-ли окажется достаточнымъ основаніемъ для забвенія его прошлаго. Для дѣйствительнаго исправленія и послѣдующаго реабилитированія необходима правильная система добрыхъ, возбуждающихъ самодѣятельность и морализующихъ вліяній въ самой тюрьмѣ, а за стѣнами ея—созданіе достаточно благопріятныхъ, а главное соотвѣтствующихъ силамъ и особенностямъ личности условій въ послѣдующей внѣтюремной жизни, которыя бы не только не предрасполагали и не наталкивали, но, по возможности, еще предохраняли отъ впаденія въ новыя преступленія людей раскаявшихся и рѣшившихся заглаживать свое преступное прошлое. А гдѣ все это? Ссылка, какъ общая *заурядовая* мѣра, всего этого не даетъ и дать не можетъ. Впрочемъ, нелишне прибавить, что сказанное вовсе не отрицаетъ возможности успѣха ссылки во всѣхъ случаяхъ. Ссылка или, правильнѣе, переселеніе можетъ успѣшно существовать, но только въ качествѣ одного изъ способовъ устройства дальнѣйшей судьбы тѣхъ выпущенниковъ изъ долгосрочныхъ тюремъ, которые сами пожелаютъ воспользоваться имъ и которые, по оцѣнкѣ

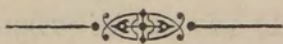
тюремной администраціи и по своему прошлому и настоящему, окажутся вполне пригодны для правильной колонизаціи рѣдко населенной страны. Но тогда ссылка будетъ уже мѣрой раціональнаго патроната, а не наказаніемъ.

Изъ только что приведеннаго перечня главнѣйшихъ причинъ неуспѣха нашей практиковавшейся ссылки не трудно видѣть, что однѣ изъ нихъ всецѣло относятся на долю неудовлетворительной организаціи у насъ этого рода наказанія. Причины этой первой категоріи не только не затушевывались мною, а, напротивъ, старательно и безпристрастно подчеркивались и выдвигались на первый планъ. Но на ряду съ ними, какъ не менѣе ясно видно изъ того же изложенія, дѣйствовали и продолжаютъ дѣйствовать и причины другаго рода. То причины общія и при томъ не менѣе если не болѣе важныя и могущественныя, нежели первыя,—причины вытекающія изъ самыхъ свойствъ ссылки, какъ общей заурядовой мѣры наказанія, или—выражаясь языкомъ ея французскихъ сторонниковъ—изъ самаго принципа ссылки. Причины этой второй категоріи кроются съ одной стороны въ *неустранимыхъ* свойствахъ громаднаго большинства ссыльныхъ и въ ихъ полномъ несоотвѣтствіи съ предъявляемыми къ нимъ ссылкой требованіями, а съ другой—въ тѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ между ссыльными и мѣстными жителями, которыя возникали и неминуемо будутъ возникать при заурядовой ссылкѣ и концентраціи всѣхъ общественныхъ отбросовъ въ одинъ общій отдаленный резервуаръ. Не говорю уже о крайней трудности вообще устройства сколько-нибудь правильно организованной *массовой* ссылки на отдаленныхъ и сравнительно малокультурныхъ окраинахъ и въ колоніяхъ, гдѣ обыкновенно чувствуется недостатокъ въ людяхъ и гдѣ сколько-нибудь бдительный надзоръ за повседневной жизнью тюрьмы и за всѣмъ совершающимся въ ней, мало возможенъ. По поводу нашей ссылки все еще невольно припоминается приведенный мною отзывъ г. Власова, что строй и система нашихъ наказаній служатъ къ развитію важныхъ уголовныхъ преступленій и понижаютъ гражданскую нравственность, или,

говоря иначе,—замѣчу отъ себя—фабрикують преступниковъ за счетъ тѣхъ казенныхъ и общественныхъ суммъ, которыя не въ маломъ числѣ затрачиваются на ссылку.

Только что изложенный взглядъ, основанный на изученіи матеріаловъ, я высказалъ печатно (Журналъ Петерб. Юридич. Общест., 1896 г. книга 1-я) до своей поѣздки въ ссылныя мѣстности. Последняя, всею совокупностью своихъ впечатлѣній, не только не поколебала, но еще болѣе укрѣпила мое глубокое убѣжденіе въ полной непригодности современной ссылки.

Дмитрій Дриль.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	I
Вопросъ о ссылкѣ на международныхъ пенитенціарныхъ конгрессахъ.	1
Прошлое ссылки въ Россіи	4
Новая Каледонія и начало ссылки въ эту колонію	17
Организація каторжныхъ работъ и релѣгація	22
Ссылная колонизація Н. Каледоніи и поселенія ссыльныхъ	42
Островъ Сахалинъ и его земельныя условія	61
Колонизація о. Сахалина и причины ея неудачи	71
Промыслы на островѣ Сахалинѣ.	103
Нерчинская каторга.	109
Центральная Александровская каторжная тюрьма близъ Иркутска .	138
Желѣзнодорожныя работы.	146
Ссылка. Поселеніе	150
Заключеніе	168

Сочиненія того же автора:

- 1) Малолѣтніе преступники. (Исторія новѣйшихъ ученій о преступности). Цѣна 2 р. 50 и.
 - 2) Малолѣтніе преступники (Общая психологія преступности). Цѣна 1 р. 75 к.
 - 3) Психофизическіе типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями (нервные, истерики, эпилептики, и оскудѣлыя разныхъ степеней). Цѣна 1 р.
 - 4) Преступность и преступники. Цѣна 1 р. 20 к.
-

